

По ту сторону клана Курода

— Книга I —

Свой путь

ホテル 東京

渋谷区
Shibuya City

18+

К. Рейн

По ту сторону клана

Куроода. Книга I - Свой путь

<https://litres.ru/74315612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аканэ Тачибана знает Рэна Куроду ещё со средней школы. Тихий, нерешительный и щуплый парень постоянно попадал в неприятности, а Аканэ раз за разом приходилось вставать на его защиту.

Всё изменилось, когда Рэн уехал к деду. Он говорил, что тот стар и болен и ему нужна помощь. Они продолжали переписываться и иногда созванивались по видео, но почти год не виделись лично.

И вот Рэн возвращается в Токио.

Только перед Аканэ оказывается уже не тот мягкотелый парень, которого она привыкла защищать. Он стал сильнее, увереннее и заметно изменился — и явно не рассказывает всего, что произошло с ним за время отсутствия.

Пока давняя дружба постепенно превращается во что-то большее, Аканэ начинает узнавать человека, которого, как ей казалось, она всегда знала лучше всех.

А вместе с новым Рэном ей предстоит познакомиться и с другой стороной семьи Курода — той, о существовании которой до недавнего времени не знал даже сам Рэн.

Содержание

Часть 1. Там, где меня ждали.	5
Глава 1. Возвращение.	5
Глава 2. Девять месяцев спустя	26
Глава 3. Дождь и старое обещание	56
Глава 4. Последняя сигарета	91
Глава 5. Признание	138
Глава 6. Мост над прудом	182
Глава 7. Секрет на вечер	215
Глава 8. Изумрудный камень	259
Глава 9. Шрам	303
Глава 10. Ключ	347
Конец ознакомительного фрагмента.	386

К. Д. Рейн

По ту сторону клана Куроода. Книга I - Свой путь

Часть 1. Там, где меня ждали.

Глава 1. Возвращение.

30 марта

Поезд прибыл на станцию Хосикава в шестнадцать сорок две.

Рэн Курода открыл глаза ещё до того, как по вагонам разнёсся голос диктора. За окном медленно проплывали многоэтажные дома, рекламные вывески и узкие улицы, над которыми висело бледное весеннее небо. На ветвях деревьев уже набухли почки, но до настоящего цветения сакуры оставалось ещё несколько дней.

Девять месяцев назад этот город казался ему тесным и шумным.

Теперь — почти родным.

Рэн поднялся со своего места и без труда снял с багажной полки тяжёлую дорожную сумку. Женщина через про-

ход невольно скользнула взглядом по его рукам, но он этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Свободная тёмная куртка скрывала большую часть изменений, произошедших с его телом. Плечи стали шире, движения — спокойнее и точнее. Он больше не сутулился и не пытался занимать как можно меньше места.

Когда двери открылись, поток пассажиров вынес его на платформу.

Рэн остановился в стороне, позволив людям пройти мимо. Кто-то торопился к выходу, кто-то встречал родственников, а возле колонны маленькая девочка бросилась к отцу и повисла у него на шее.

Он отвернулся.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

На экране высветилось сообщение от деда.

Гэндзо:

Добрался?

Рэн несколько секунд смотрел на имя отправителя.

Девять месяцев назад он приехал в поместье, уверенный, что должен позаботиться о больном и престарелом родственнике. Таким Гэндзо представляли родители. Таким его описывал сам дед во время редких телефонных разговоров: ворчливым стариком, который жаловался на суставы, погоду и неблагодарного внука.

Всё оказалось ложью.

Даже сутулость Гэндзо исчезла в тот вечер, когда люди в чёрных костюмах выстроились перед ним и одновременно склонили головы.

Рэн набрал короткий ответ.

Рэн:

Да.

Сообщение было прочитано почти сразу.

Гэндзо:

Не забывай, чему тебя учили.

Рэн сжал телефон сильнее, чем собирался.

Перед глазами на мгновение возник деревянный тренировочный зал. Запах пота, крови и старого лака. Холодный голос наставника. Удары бамбуковой палки по спине каждый раз, когда он опускал руки.

А затем — другое воспоминание.

Тёмный переулок.

Крик.

Блеск ножа.

Лицо девушки, которое он до сих пор видел во сне.

Рэн медленно выдохнул и убрал телефон в карман.

— Я вернулся не ради этого, — тихо сказал он.

Шум станции поглотил его слова.

Он подхватил сумку и направился к выходу.

Впервые за девять месяцев ему не нужно было следить за тем, кто стоял за спиной. Не нужно было просыпаться до рассвета, выходить на тренировочный двор и слышать, что будущий глава клана не имеет права быть слабым.

По крайней мере, он хотел в это верить.

Теперь у него снова был университет.

Квартира.

Работа у дяди, где самой серьёзной угрозой оставался испорченный крем.

И Тачибана.

От одной мысли о ней шаг стал чуть легче.

***

Квартира встретила Рэна тишиной и запахом застоявшегося воздуха.

Он оставил сумку в прихожей и несколько секунд стоял, не разуваясь.

Здесь почти ничего не изменилось.

Светлая гостиная, низкий стол перед диваном, закрытые

шторы. На полках остались книги, диски и несколько старых фигурок, которые он когда-то собирал. Возле телевизора лежал пульт, оставленный под тем же углом, под каким Рэн положил его перед отъездом.

Словно девять месяцев просто выпали из жизни этого места.

Квартиру ему оставили родители, когда окончательно перебрались за границу. Последние пять лет Рэн жил здесь один, хотя первое время мать звонила почти каждый вечер и спрашивала, не забыл ли он поесть.

Потом звонки стали реже.

Рэн снял обувь и прошёл в гостиную. Под его пальцами на спинке дивана осталась тонкая полоса в пыли.

— Прекрасно.

Он раздвинул шторы.

Комната наполнилась сероватым вечерним светом. За окном простирались крыши соседних домов, а дальше виднелись корпуса университета Сэйран. Пешком до кампуса было около двадцати минут. До студенческих апартаментов Ташибаны — ещё меньше.

Рэн замер у окна.

Она была всего в километре от него.

Во время жизни в поместье они часто переписывались, но сообщения становились всё короче. Иногда между ними проходило по несколько дней тишины. Тренировки, дистанционные занятия и помощь дяде почти не оставляли свобод-

ного времени.

Несколько раз Тачибана звонила по видеосвязи.

В такие моменты Рэн обычно надевал свободную толстовку и садился так, чтобы камера показывала только лицо и плечи. Он не хотел объяснять синяки. Не хотел, чтобы она увидела перебинтованные ладони или заметила, насколько сильно он изменился.

Ещё меньше он хотел рассказывать, почему.

Рэн достал телефон.

Чат с Тачибаной находился в самом верху списка. Последнее сообщение она отправила накануне вечером.

Тачибана:

Не забудь, что первого числа у нас собрание.

Если снова проспишь, я лично вытащу тебя из кровати.

Рэн невольно улыбнулся.

Раньше она действительно могла это сделать.

В средней школе Тачибана вытаскивала его из куда более неприятных мест.

Из толпы старшеклассников, решивших проверить содержимое его карманов.

Из подсобки спортивного зала, куда его однажды заперли.

Из-за спины преподавателя, когда Рэн слишком боялся признаться, что одноклассники порвали его тетрадь.

Она всегда вставала между ним и теми, кто был сильнее.

Тогда Рэну казалось естественным прятаться за тонкой девичьей спиной.

Теперь одно воспоминание об этом вызывало неприятное чувство под рёбрами.

Он открыл клавиатуру.

Написал:

Я вернулся.

Удалил.

Снова набрал:

Тачибана, я уже дома.

Рэн перечитал сообщение трижды.

Слишком официально.

Удалил и это.

В конечном счёте он вернулся к первому варианту.

Куроода:

Я вернулся.

Сообщение было доставлено.

Рэн положил телефон на стол и направился открывать окна.

Не успел он коснуться ручки, как раздался звонок.

На экране появилось имя Тачибаны.

Рэн глубоко вдохнул и принял вызов.

— Алло.

— Что значит «я вернулся»?!

Её голос ударил по нему сильнее любого окрика наставника.

Рэн отодвинул телефон от уха.

— Именно это и значит.

— Курода!

— Тачибана.

— Не передразнивай меня. Ты сейчас где?

— В квартире.

— С каких пор?

Рэн посмотрел на часы.

— Примерно три минуты.

На другом конце наступила короткая тишина.

— Ты вернулся три минуты назад и решил сообщить мне только сейчас?

— Я написал почти сразу.

— Ты знал дату возвращения заранее?

— Да.

— И ничего мне не сказал?

— Я хотел сделать сюрприз.

— Сюрпризом было бы появиться с тортом. А это называется скрыть важную информацию.

Рэн улыбнулся шире.

Он почти забыл, насколько быстро Тачибана начинала говорить, когда волновалась.

— Прости.

— Не прощу.

— Понятно.

— Даже уговаривать не будешь?

— Ты только что сказала, что не простишь.

— Раньше это тебя не останавливало.

Рэн прислонился плечом к стене.

— Раньше ты обычно прощала меня ещё до того, как я успевал извиниться.

— Неправда.

— В средней школе я разбил твою любимую кружку.

— Она была уродливая.

— Ты плакала.

— Мне в глаз попал осколок.

— Пластиковый?

На другом конце снова стало тихо.

— Курода.

— Да?

— Ты стал разговорчивее.

Улыбка исчезла с его лица.

Рэн посмотрел на своё отражение в тёмном экране телевизора. Короткие чёрные волосы, более резкие черты лица, спокойный взгляд.

Он действительно изменился.

Возможно, сильнее, чем хотел признавать.

— Просто давно тебя не слышал, — ответил он.

Голос Тачибаны стал мягче.

— Я тоже.

Несколько секунд они молчали.

Рэн мог различить далёкий шум воды и стук посуды. Вероятно, она находилась на кухне своих апартаментов.

Всего в километре.

— Я сейчас приду, — заявила Тачибана.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Здесь пыльно. Холодильник пустой. Я ещё даже сумку не разобрал.

— Я не собиралась проводить инспекцию.

— Ты всегда проводишь инспекцию.

— Только когда есть основания сомневаться, что ты способен выжить без присмотра.

— Я девять месяцев выживал без твоего присмотра.

Рэн пожалел о сказанном сразу же.

Тачибана не ответила.

Лёгкость разговора исчезла.

Он прикрыл глаза.

— Прости. Я не это имел в виду.

— Знаю.

Она попыталась произнести это беззаботно, но Рэн услышал перемену в её голосе.

За девять месяцев она ни разу не жаловалась, что он отвечает редко. Не задавала лишних вопросов, когда он отменял видеозвонки. Не требовала объяснять, почему иногда пропадал на несколько дней.

Она просто продолжала писать.

Рассказывала о занятиях, преподавателях, новых проектах и соседях. Присылала фотографии неудачных завтраков и эскизы костюмов. Ругалась, если он отвечал после полуно-

чи, и напоминала отдыхать.

Для Рэна эти сообщения стали единственной частью прежней жизни, которую у него не смогли отнять.

— Тачибана, — произнёс он.

— М-м?

— Давай встретимся завтра.

— Почему не сегодня?

— Потому что если ты сейчас придёшь, то увидишь человека, который десять часов провёл в дороге и пахнет поездом.

— Я видела тебя после школьного марафона.

— Это было хуже?

— Значительно.

Рэн тихо рассмеялся.

Смех прозвучал непривычно даже для него самого.

— Тогда тем более.

— Хорошо, — с явной неохотой согласилась Тачибана. — Завтра в полдень.

— У меня?

— Нет. У меня.

— Почему?

— Потому что в твоём холодильнике пусто, а я не собираюсь смотреть, как ты питаешься лапшой быстрого приготовления в первый же день после возвращения.

— Я могу сходить в магазин.

— Курода.

— Понял.

— И не опаздывай.

— Постараюсь.

— Это не тот ответ.

Рэн закатил глаза, хотя она не могла его видеть.

— Не опоздаю.

— Лучше.

Он уже собирался попрощаться, когда услышал:

— Курода?

— Да?

Тачибана помолчала.

— Я рада, что ты вернулся.

В груди стало неожиданно тесно.

Рэн отвернулся к окну.

По стеклу скользило отражение комнаты — пустой, холодной и слишком большой для одного человека.

— Я тоже рад, — тихо ответил он.

— До завтра.

— До завтра, Тачибана.

Вызов завершился.

Рэн ещё несколько секунд держал телефон возле уха.

Затем опустил руку и посмотрел на экран.

Три минуты разговора.

Нет, почти одиннадцать.

Он не заметил, как прошло время.

***

Уборка заняла больше четырёх часов.

Рэн открыл окна, стёр пыль, сменил постельное бельё и выбросил продукты, срок годности которых истёк ещё осенью. Большая часть посуды нуждалась в повторном мытье, а внутри чайника обнаружился такой слой налёта, что сам чайник проще было заменить.

Около девяти вечера квартира снова стала похожа на жилую.

Рэн принял душ и переоделся в домашнюю футболку и спортивные штаны. Ткань футболки натянулась на плечах сильнее, чем раньше. Большая часть одежды в шкафу теперь сидела слишком тесно.

Он встал перед зеркалом и потянул ворот в сторону.

На боку, чуть ниже рёбер, виднелась тонкая светлая линия. Шрам не бросался в глаза и почти сливался с кожей. Если не знать, куда смотреть, его можно было не заметить.

Рэн провёл по нему пальцами.

В памяти снова мелькнул нож.

Резкий толчок.

Тепло крови под одеждой.

И глаза девушки, смотревшей на него так, будто он был её последней надеждой.

Он отдёргнул руку.

Телефон, оставленный на кровати, завибрировал.

Тачибана:

Ты хоть поел?

Рэн посмотрел на пустую упаковку готового карри, купленного на станции.

Курода:

Да.

Ответ пришёл мгновенно.

Тачибана:

Что?

Он сфотографировал упаковку и отправил ей.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем телефон зазвонил.

Рэн отклонил вызов.

Курода:

Я устал.

Тачибана:

Я собиралась объяснить тебе, почему это нельзя считать нормальным ужином.

Курода:

Именно поэтому я не ответил.

Тачибана:

Завтра накормлю тебя настоящей едой.

Курода:

Уже боюсь.

Тачибана:

Правильно.

Следом пришло ещё одно сообщение.

Тачибана:

Спокойной ночи, Курода.

И правда рада, что ты дома.

Рэн долго смотрел на эти строки.

Дом.

Он приехал в знакомую квартиру. Вернулся в город, где прожил большую часть жизни. Через два дня должен был снова сидеть в университетской аудитории, слушать объявления куратора и притворяться обычным студентом второго курса.

Но только после сообщения Тачибаны у него впервые появилось ощущение, что он действительно вернулся.

Куроода:

Спокойной ночи, Тачибана.

Он выключил свет и лёг.

Усталость почти сразу потянула его в сон.

***

Аканэ Тачибана сидела на краю кровати, прижимая телефон к груди.

Она уже несколько минут смотрела в одну точку и чувствовала себя полной идиоткой.

Курода вернулся.

Не через неделю. Не когда-нибудь в апреле. Не после очередного расплывчатого «пока не знаю».

Он уже находился в Хосикаве.

Всего в километре от неё.

Аканэ упала спиной на кровать и закрыла лицо руками.

— Мог хотя бы предупредить...

Возмущение было искренним, но слишком слабым, чтобы

скрыть радость.

Последние девять месяцев она каждый день старалась не думать о том, как сильно по нему скучает.

Это получалось плохо.

Сначала Аканэ писала ему обо всём подряд. Потом заметила, что Курода всё чаще отвечает коротко и с большими перерывами. Она решила, что дед действительно тяжело болен, а сам Рэн просто не хочет жаловаться.

Поэтому не давила.

Не спрашивала, почему во время редких видеозвонков он сидит в полутёмной комнате. Не уточняла, откуда у него ссадина на скуле. Делала вид, что верит объяснению про неудачно открытую дверь.

Аканэ повернулась на бок и открыла их переписку.

Она пролистала сообщения до одного из последних видеозвонков. Курода был в тёмной толстовке с широкими рукавами. Камера показывала его лицо лишь наполовину, но даже тогда он казался другим.

Спокойнее.

Серьёзнее.

В его голосе исчезла привычная робость.

Сегодня Аканэ снова это услышала.

Раньше стоило ей повысить тон, как Курода начинал оправдываться. Теперь он спокойно спорил с ней и даже несколько раз загнал её в угол собственными шутками.

— Стал разговорчивее, значит...

На губах появилась улыбка.

Интересно, насколько ещё он изменился?

Аканэ перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку.

Завтра она увидит его впервые за девять месяцев.

Эта мысль заставила сердце забиться быстрее.

О своих чувствах Аканэ знала уже три года.

Осознание пришло не в какой-то особенный день. Не было ни праздничного салюта, ни случайного поцелуя, ни драматичного спасения под дождём.

Курода просто заболел и несколько дней не приходил в школу.

На третий день Аканэ поняла, что постоянно поворачивается к его пустому месту. Ей не хватало тихих замечаний, неловких улыбок и того, как он всегда отдавал ей клубничную часть десерта, хотя сам тоже её любил.

После этого всё стало очевидно.

По крайней мере, для неё.

Курода оставался безнадёжно слеп.

Аканэ приподнялась и посмотрела на шкаф.

Встреча была назначена на полдень.

Обычный обед со старым другом.

Абсолютно ничего особенного.

Она открыла шкаф.

Через десять минут на кровати лежали три кофты, две юбки и платье, которое Аканэ ни разу не надевала в универси-

тет.

Она посмотрела на вещи.

Потом на своё отражение в зеркале.

— Это просто обед.

Отражение смотрело на неё с явным недоверием.

Аканэ взяла платье и вернула его в шкаф.

Через несколько секунд достала снова.

***

Рэн проснулся от крика.

Он резко сел на кровати, уже подняв руки перед лицом.

Комната была тёмной.

Никакого переулка.

Никаких шагов.

Никакого ножа.

Только собственное тяжёлое дыхание и свет электронных часов на тумбочке.

02:17.

Рэн провёл ладонью по лицу.

Перед глазами всё ещё стояла девушка.

Во сне она никогда не звала на помощь.

Она просто смотрела на него и спрашивала:

Почему ты меня не спас?

Рэн поднялся, вышел на балкон и прикрыл за собой дверь.

Ночной воздух был холодным. В окнах соседних домов почти не горел свет. Где-то вдали прошёл последний поезд.

Он достал из кармана куртки пачку сигарет.

На секунду задержал одну между пальцами.

В поместье он впервые закурил через несколько дней после похорон девушки. Тогда ему казалось, что горечь дыма помогает заглушить воспоминания.

Не помогала.

Но привычка осталась.

Рэн щёлкнул зажигалкой и сделал первую затяжку.

Телефон лежал на столе в комнате. Экран неожиданно загорелся от нового сообщения.

Рэн видел только имя отправителя.

Тачибана.

Он затушил сигарету после второй затяжки и вернулся внутрь.

Тачибана:

Я знаю, что ты, скорее всего, уже спишь.

Но если завтра опоздаешь, я всё равно обижусь.

Под сообщением находилась фотография кастрюли с подписью:

Готовлю обед заранее. Цени мои жертвы.

Рэн тихо усмехнулся.

Кошмар ещё цеплялся за сознание, но лицо погибшей девушки постепенно отступало.

Его место занимала Тачибана — сердитая, шумная и, вероятно, уже придумавшая ему наказание за внезапное возвращение.

Рэн лёг обратно и положил телефон рядом с подушкой.

До встречи оставалось меньше десяти часов.

Впервые за девять месяцев он ждал наступления утра.

Глава 2. Девять месяцев спустя

31 марта

Рэн остановился перед дверью университетских апартаментов в одиннадцать пятьдесят восемь.

Он пришёл раньше.

Всего на две минуты, но для человека, которого Тачибана регулярно обвиняла в неспособности появляться вовремя, это почти считалось личным достижением.

В одной руке Рэн держал небольшую коробку с клубничными пирожными. Утром он заехал в кондитерскую дяди, собираясь лишь поздороваться после возвращения, но в результате провёл там почти час. Дядя успел осмотреть его с ног до головы, назвать «перекачанным бездельником» и вручить коробку со словами, что приходить к девушке с пустыми руками неприлично.

Рэн попытался объяснить, что идёт к старой подруге.

Дядя лишь усмехнулся.

Теперь эта коробка казалась подозрительно похожей на подарок для свидания.

Хотя никакого свидания не было.

Обычный обед.

С лучшей подругой, которую он не видел девять месяцев.

Рэн взглянул на своё отражение в тёмном экране телефона.

Утром выяснилось, что большая часть старой одежды стала ему мала. Рубашки неприятно стягивали плечи, футболки слишком плотно облегали руки, а пиджак, который раньше сидел свободно, теперь отказывался застёгиваться.

В итоге он выбрал тёмные брюки, чёрную футболку и лёгкую серую куртку. Ничего особенного.

По крайней мере, именно это он собирался сказать Тачибане, если она начнёт задавать вопросы.

Телефон показал двенадцать часов.

Рэн нажал кнопку звонка.

За дверью послышались быстрые шаги.

Он ожидал услышать голос Тачибаны ещё до того, как она откроет. Возможно, что-нибудь вроде: «Ты всё-таки пришёл» или «Неужели не опоздал?»

Вместо этого дверь распахнулась без единого слова.

Рэн поднял взгляд.

И забыл подготовленное приветствие.

На пороге стояла Аканэ Тачибана.

Та же девушка, которую он знал со средней школы.

Те же длинные медно-красные волосы, сейчас свободно спадавшие на плечи. Те же яркие зелёные глаза. Та же едва заметная складка между бровями, появлявшаяся, когда она пыталась понять, чего от него ожидать.

И всё же перед ним была не совсем та Тачибана, которую он запомнил.

Рэн не сразу понял, что изменилось.

Девять месяцев назад она казалась ему просто симпатичной девушкой. Живой, шумной, уверенной в себе. Она редко носила что-то подчёркнуто женственное, предпочитая удобные свитеры, джинсы и свободные рубашки, которые часто пачкала краской или клеем.

Сегодня на ней была светлая трикотажная кофта с длинными рукавами и тёмная юбка с высокой талией.

Одежда выглядела простой.

Но почему-то именно эта простота мешала Рэну отвести взгляд.

Фигура Тачибаны стала заметно женственнее. Высокая посадка юбки подчёркивала тонкую талию и плавную линию бёдер, а кофта, которую она наверняка считала достаточно скромной, теперь сидела на ней совсем иначе, чем девять месяцев назад.

Рэн слишком поздно понял, куда именно смотрит.

Он резко поднял глаза к её лицу.

Тачибана молчала.

Её взгляд медленно прошёлся по его плечам, задержался на груди, опустился к рукам и только после этого вернулся к лицу.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Курода... — наконец произнесла она.

— Тачибана...

Она моргнула.

— Это правда ты?

Рэн посмотрел на себя.

— Надеюсь.

— Нет, подожди.

Тачибана шагнула ближе.

Рэн ожидал объятий, упрёка или удара по плечу. Вместо этого она подняла руку и осторожно ткнула его пальцем в

грудь.

Затем ещё раз.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

— Что именно?

— Не заменили ли тебя по дороге.

Она снова надавила пальцем ему на грудь, словно рассчитывала обнаружить под футболкой металлическую пластину.

— Тачибана.

— Молчи.

Теперь её пальцы коснулись его плеча.

Аканэ сжала ткань футболки и нахмурилась.

— Это настоящее?

— Плечо?

— Нет, декорация.

— Настоящее.

Она провела ладонью по его руке до локтя.

Прикосновение было совершенно невинным. Раньше Тачибана могла повиснуть у него на плече, схватить за запястье или потянуть за воротник, и Рэн даже не задумывался об этом.

Теперь после её прикосновения на коже осталось отчётливое тепло.

— Ты что, всё это время таскал дедушку на руках? — спросила она.

— Не настолько он больной.

— Тогда откуда это?

Тачибана снова сжала его руку.

Рэн посмотрел на её пальцы.

Она тоже посмотрела.

Через секунду Аканэ резко отпустила его и отступила.

— Не обольщайся. Я просто удивилась.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

— Я ещё не успел.

— Вот и не начинай.

Рэн едва заметно улыбнулся.

Прежняя Тачибана никуда не исчезла.

Просто теперь смотреть на неё было опаснее.

— Ты собираешься впустить меня внутрь? — спросил он.

— Я ещё не решила.

— Тогда зачем готовила обед?

— Его можно съесть без тебя.

— В таком случае я заберу десерт и пойду домой.

Рэн слегка приподнял коробку.

Взгляд Тачибаны немедленно переместился к ней.

— Что там?

— Пирожные.

— Какие?

— Клубничные.

Она прищурилась.

— Это подкуп?

— Взнос за вход.

Аканэ молча отступила в сторону.

— Проходи.

— Быстро ты сдалась.

— Я не сдалась. Просто не хочу, чтобы пирожные испортились в коридоре.

Рэн вошёл.

Как только он оказался в прихожей, дверь закрылась за его спиной.

Тачибана всё ещё смотрела на него.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Ты продолжаешь меня рассматривать.

— Тебе показалось.

— Уже третий раз.

— У тебя слишком хорошее зрение.

Рэн снял куртку.

Позади него что-то тихо стукнуло.

Он обернулся.

Тачибана стояла возле небольшой полки, прижимая ладонь к задетой вазе. Та опасно качнулась, но не упала.

— Осторожнее, — сказал Рэн.

— Я осторожно.

Её взгляд снова скользнул по его фигуре.

Без куртки изменения скрыть было невозможно. Чёрная футболка плотно облегла грудь и плечи, подчёркивая став-

шие заметно сильнее руки.

Аканэ быстро отвернулась.

— Ты мог предупредить.

— О чём?

— О том, что теперь выглядишь вот так.

Рэн посмотрел на себя.

— Как?

— Как будто съел прежнего Курода и занял его квартиру.

— Довольно странный способ сделать комплимент.

— Это не комплимент.

— Тогда почему ты покраснела?

Аканэ резко повернулась к нему.

— Здесь жарко.

— В коридоре?

— Отопление работает.

Рэн коснулся ладонью стены.

— Батарея холодная.

— Курода.

— Да?

— Снимай обувь и иди мой руки.

— Понял.

Он наклонился к ботинкам, но успел заметить, как Тачибана быстро ушла в сторону кухни.

Раньше заставить её смутиться было почти невозможно.

Похоже, изменился не только он.

***

В университетских апартаментах Аканэ Рэн бывал много раз.

Планировка оставалась прежней: небольшая прихожая переходила в общую комнату, соединённую с кухней. Возле окна стоял рабочий стол, почти полностью занятый альбомами, тканями и коробками с материалами. На стене висела пробковая доска с прикреплёнными эскизами.

Однако сама квартира стала выглядеть иначе.

На подоконнике появились растения. На диване лежали две декоративные подушки, которых Рэн не помнил. Возле рабочего стола стоял новый манекен, наполовину обёрнутый плотной серой тканью.

Самым заметным изменением оставался запах.

Раньше здесь почти всегда пахло краской, клеем и растворимым кофе.

Сегодня — тушёным мясом, специями и свежим рисом.

Рэн вымыл руки и вернулся в комнату.

Тачибана стояла у плиты и снимала крышку с кастрюли. Медно-красные волосы она собрала в свободный хвост, открыв шею.

Рэн невольно задержал взгляд.

— Садись, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я могу помочь.

— Уже помог. Принёс десерт.

— Могу накрыть на стол.

— Курода.

— Что?

— Я девять месяцев ждала возможности нормально тебя накормить. Не мешай мне наслаждаться моментом.

— Это звучит угрожающе.

— Правильно звучит.

Рэн сел.

На столе уже стояли две миски, палочки, соус и небольшие тарелки с овощами. Тачибана приготовила гораздо больше еды, чем могли съесть два человека.

Он посмотрел на кастрюлю.

— Ты ждёшь ещё гостей?

— Нет.

— Тогда зачем столько?

Аканэ поставила перед ним тарелку.

— Я не знала, насколько сильно ты исхудал, ухаживая за дедушкой.

— По-моему, ответ уже очевиден.

Она скользнула взглядом по его груди.

— Да. Ты совсем не исхудал.

— Значит, половину можно убрать.

— Даже не мечтай.

Рэн взял палочки.

— Что это?

— Нику-дзяга.

— Выглядит хорошо.

— Только выглядит?

— Я ещё не попробовал.

— А должен был похвалить сразу.

— За что?

— За старание.

— Вдруг невкусно?

Аканэ медленно положила половник на стол.

Рэн поднял руки.

— Уже пробую.

Первый кусок мяса оказался мягким, а картофель впитал сладковато-солёный соус.

Рэн прожевал и кивнул.

— Вкусно.

— Просто вкусно?

— Очень вкусно.

— Уже лучше.

Она села напротив и принялась за свою порцию.

Несколько минут они ели молча.

Это молчание не было неловким. Скорее непривычным.

Раньше Рэн и Тачибана могли часами находиться рядом, почти не разговаривая. Она работала над эскизами, а он читал или играл на телефоне. Иногда они обменивались короткими замечаниями, но не нуждались в постоянном разговоре.

После девяти месяцев разлуки тишина ощущалась иначе.

Каждый раз, когда Рэн поднимал взгляд, Тачибана смотрела на него.

Каждый раз она немедленно делала вид, что просто рассматривала стоящую за ним стену.

— Как дедушка? — наконец спросила она.

Рэн замер на мгновение.

— Лучше.

Ложь прозвучала легко.

Слишком легко.

— Значит, ты поэтому смог вернуться?

— Да. Он больше не нуждается в постоянной помощи.

В действительности Гэндзо никогда в ней не нуждался.

Рэн до сих пор помнил, как в первое утро после приезда дед медленно прошёл через двор, опираясь на трость и жалуюсь на боль в коленях.

Через несколько недель той же тростью он выбил меч из рук одного из своих людей.

— Ты мог раньше сказать, что всё налаживается, — произнесла Аканэ.

— Я сам не знал точную дату возвращения.

Это было почти правдой.

Гэндзо объявил, что Рэн может уехать, всего за два дня до отъезда.

Те, кто охотился на нашу семью, больше никому не причинят вреда.

Тогда Рэн не спросил, что именно значат эти слова.

Он уже знал ответ.

— А учёба? — продолжила Тачибана. — Ты точно ничего

не пропустил?

— Дистанционная программа закрыта полностью. Завтра заберу новое расписание.

— Неужели дедушка смог обо всём договориться?

— У него оказались полезные знакомые.

На этот раз ложь была хуже.

Аканэ несколько секунд изучала его лицо.

Рэн приготовился к следующему вопросу, но она лишь кивнула.

— Главное, что тебе не придётся повторять курс.

— Ты боялась остаться без человека, у которого можно списывать?

— У тебя ужасные конспекты.

— Но ты ими пользовалась.

— Только потому, что мои были ещё хуже.

Рэн улыбнулся.

Тачибана тоже.

Напряжение немного ослабло.

— А ты? — спросил он. — Как прошли эти месяцы?

— Обычная учёба. Проекты. Практика. Несколько раз чуть не убила преподавателя.

— Почему только чуть?

— Свидетелей было слишком много.

— Разумно.

— Ещё записалась в университетскую студию дизайна костюмов.

— Ты раньше говорила, что там всё занято.

— Осенью освободилось место.

— Значит, это оттуда?

Рэн указал на манекен.

Глаза Аканэ сразу оживились.

— Точно. Я же тебе не показывала.

Она отложила палочки и поднялась.

— Ты не доела.

— Потом.

— Тачибана.

— Не начинай вести себя как я.

Она подошла к рабочему столу и принялась разбирать лежавшие на нём листы. Рэн последовал за ней.

На верхнем эскизе была изображена девушка в стилизованной боевой броне. Пластины закрывали плечи, грудь и бёдра, но при этом выглядели достаточно лёгкими, чтобы не сковывать движения. По краям проходили тонкие золотистые линии.

— Для конкурса? — спросил он.

— Да. Финальный показ будет летом, но предварительный этап уже через два месяца.

Аканэ разложила перед ним несколько вариантов.

— Сам костюм я сошью. Проблема в броне. Она должна выглядеть металлической, но настоящий металл будет слишком тяжёлым.

Рэн провёл пальцем вдоль края рисунка, не касаясь бума-

ги.

— Можно сделать основу из вспененного материала.

— Я думала о нём, но он плохо держит мелкие детали.

— Если укрепить изнутри, будет держать. Сверху можно добавить кожзам.

— Я тоже хотела использовать кожзам.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы убедиться, что идея хорошая.

— Хорошая.

Аканэ посмотрела на него.

— Поможешь?

— С чем именно?

— С выкройками брони, креплениями и оружием.

— Какое оружие?

Она достала ещё один рисунок.

На нём девушка держала длинное копьё с массивным фигурным наконечником.

Рэн молча посмотрел на эскиз.

Потом на Тачибану.

— Это должно быть лёгким?

— Желательно.

— И не развалиться на сцене?

— Обязательно.

— И выглядеть как металл?

— Разумеется.

— Ты просишь слишком многого.

— Поэтому и обращаюсь к тебе.

— Почему ко мне?

Аканэ сложила руки на груди.

Рэн тут же отвёл взгляд к эскизу.

— Ты всегда хорошо работал руками, — продолжила она.

— В школе именно ты собирал декорации для фестиваля.

— После того как ты неправильно прочитала инструкцию.

— Инструкция была составлена плохо.

— На первой странице был рисунок.

— Он вводил в заблуждение.

— Ты прикрепила дверь задом наперёд.

— Но она открывалась.

— В стену.

— Неважно.

Рэн рассмеялся.

Тачибана замолчала и посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Ты странно на меня смотришь.

— Просто давно не слышала, как ты смеёшься.

Рэн сразу стал серьёзнее.

— Я смеялся во время звонков.

— Нет. Иногда делал вид.

Он не нашёл, что ответить.

Аканэ не стала ждать.

— Так поможешь?

— Помогу.

— Правда?

— Ты всё равно не отстанешь.

— Правильный ответ.

Она протянула ему руку.

— Тогда договорились.

Рэн пожал её ладонь.

Пальцы Аканэ были тёплыми и тонкими. Раньше он никогда не замечал таких вещей.

Теперь отпускать её руку почему-то не хотелось.

Тачибана первой разжала пальцы.

— Материалы нужно купить на рынке ремесленников, — сказала она. — Я думала сходить в эту субботу, но после начала занятий будет слишком много дел.

— Тогда в следующую.

— Одиннадцатого?

— Да.

— Ты свободен?

— Пока да.

— Отлично. Кожзам, крепления, краска... Возможно, понадобится новый паяльник.

— У меня есть.

— Рабочий?

— В отличие от твоего.

— Мой тоже работает.

— В прошлый раз из него пошёл дым.

— Значит, нагрелся.

— Горел провод.

— Ты слишком придирчивый.

Рэн покачал головой.

Некоторые вещи действительно не менялись.

***

Клубничные пирожные они открыли после обеда.

Аканэ поставила чайник, а Рэн перенёс тарелки в раковину, проигнорировав её протесты.

Когда он вернулся, она уже сидела на диване с коробкой на коленях.

— Ты взял два одинаковых? — спросила она.

— Да.

— Раньше отдавал мне клубнику со своего.

— Теперь у тебя есть собственная.

Аканэ посмотрела на него поверх коробки.

— Девять месяцев прошли, и ты сразу стал жадным?

— Я стал практичным.

— Это очень печально.

Рэн сел рядом.

Диван был рассчитан на троих, но Тачибана устроилась почти посередине. Между их плечами осталось всего несколько сантиметров.

Она взяла одно пирожное.

Рэн потянулся за вторым.

Аканэ внезапно сняла клубнику со своего десерта и поло-

жила ему на тарелку.

— Что это? — спросил он.

— Плата за помощь.

— Мне казалось, ты любишь клубнику.

— Люблю.

— Тогда зачем отдаёшь?

— Чтобы проверить, остался ли в тебе прежний Курода.

Рэн посмотрел на ягоду.

Затем снял клубнику со своего пирожного и вернул ей обе.

— Ничего не изменилось.

Аканэ на несколько секунд замерла.

Потом улыбнулась.

Не привычной насмешливой улыбкой, а мягко и почти застенчиво.

— Хорошо, — тихо сказала она.

Они принялись за десерт.

Через некоторое время Аканэ снова заговорила:

— А что ты всё-таки делал у бабушки?

— Учился. Помогал по дому. Иногда работал у дяди.

— И тренировался.

Рэн взглянул на неё.

— Почему решила?

— Курода, ты теперь выглядишь так, будто способен поднять этот диван вместе со мной.

— Я не собираюсь проверять.

— Значит, не уверен?

— Значит, не хочу покупать тебе новый пол.

Аканэ поставила тарелку на стол.

— Покажи руки.

— Зачем?

— Покажи.

Рэн протянул ладони.

Она взяла его за запястья и внимательно осмотрела руки.

Кожа на костяшках стала грубее. На ладонях остались мозоли от тренировок с оружием и многочасовых занятий. Некоторые шрамы были почти незаметны, но Тачибана всегда обращала внимание на детали.

— Это не от работы в кондитерской, — сказала она.

Рэн спокойно высвободил руки.

— Дед заставлял заниматься по утрам.

— Чем?

— Физическими упражнениями.

— Какими именно?

— Разными.

Аканэ нахмурилась.

— Ты что-то скрываешь.

— Все люди что-то скрывают.

— Раньше ты не умел.

— Возможно, научился.

Ответ прозвучал жёстче, чем он хотел.

Тачибана слегка отстранилась.

Рэн опустил взгляд.

— Прости.

— Ничего.

— Я не хотел...

— Я поняла.

Она поднялась и забрала пустые тарелки.

Рэн проводил её взглядом.

Девять месяцев назад он рассказал бы ей всё.

О том, что приехал к деду и почти сразу узнал, что вся его семья построена на лжи. О людях, которые склонялись перед Гэндзо. О ночных встречах, оружии и чужой крови на камнях внутреннего двора.

Но если Тачибана узнает правду, она окажется ближе к миру, от которого Рэн пытался сбежать.

Гэндзо называл это неизбежностью.

Рэн — проклятием.

Он поднялся и подошёл к кухне.

— Тачибана.

Она стояла к нему спиной, ополаскивая тарелки.

— Я правда просто тренировался, — произнёс он. — Мне хотелось стать сильнее.

Вода продолжала течь.

— Зачем?

Перед глазами Рэна снова появился переулок.

Он сжал пальцы.

— Надоело быть человеком, которого постоянно прихо-

дится защищать.

Аканэ закрыла кран и обернулась.

— Я никогда не считала тебя обузой.

— Я знаю.

— Тогда что изменилось?

— Я.

Она долго смотрела ему в глаза.

Рэн ожидал очередного вопроса.

Но Тачибана лишь вытерла руки полотенцем и подошла ближе.

— Знаешь, что самое неприятное?

— Что?

— Теперь мне придётся искать другого слабого мальчика, которого можно спасти от хулиганов.

— Соболезную.

— Столько лет опыта пропадёт.

— Можешь защищать первокурсников.

— Не то.

Она подняла руку и положила ладонь ему на плечо.

— Хотя, возможно, ты всё ещё нуждаешься в присмотре.

— Почему?

— За девять месяцев ты ни разу нормально не рассказал, как себя чувствуешь.

— Я говорил, что всё хорошо.

— Именно поэтому и подозрительно.

Рэн хотел отшутиться, но не смог.

Тачибана стояла слишком близко.

Теперь он отчётливо видел золотистые крапинки вокруг её зрачков. Раньше Рэн считал её глаза просто зелёными. Оказалось, в них было гораздо больше оттенков.

— Я в порядке, — тихо сказал он.

— Правда?

— Сейчас — да.

Аканэ медленно убрала ладонь.

— Хорошо.

В её голосе оставалось сомнение, но она не стала давить.

За это Рэн был благодарен ей больше, чем мог выразить словами.

***

После обеда они перебрались к рабочему столу.

Аканэ показывала эскизы, образцы тканей и фотографии прежних костюмов. Рэн помогал рассчитывать размеры деталей, отмечал слабые места в креплениях и несколько раз предлагал решения, которые она немедленно записывала.

Время проходило незаметно.

Иногда их руки соприкасались над одним листом. Каждый раз Аканэ первой отдёргивала пальцы и делала вид, что ищет другой карандаш.

Рэн замечал это.

И каждый раз старательно смотрел на чертёж.

Около четырёх часов Аканэ заставила его сделать перерыв.

Она принесла чай и устроилась на полу возле дивана, при-
слонившись спиной к сиденью. Рэн сел рядом.

— У тебя здесь ничего не изменилось, — сказал он.

— Неправда. Я купила манекен.

— Кроме манекена.

— И растения.

— Один выглядит мёртвым.

— Он отдыхает.

— Листья коричневые.

— У него сложный период.

Рэн посмотрел на засохшее растение.

— Понимаю.

Аканэ тихо фыркнула.

Некоторое время они пили чай.

— А ты изменилась, — произнёс Рэн прежде, чем успел
решить, стоит ли это говорить.

Тачибана замерла с чашкой у губ.

— Заметил?

— Сложно было не заметить.

Её щёки начали медленно краснеть.

Рэн осознал, как именно прозвучала фраза.

— Я имел в виду...

— Продолжай.

— Ты стала выглядеть взрослее.

— Как дипломатично.

— Это плохо?

— Нет. Просто я ждала чего-нибудь конкретнее.

— Например?

Аканэ повернулась к нему всем корпусом.

— Не знаю. Сам придумай.

Рэн осторожно посмотрел на неё.

Медно-красные волосы рассыпались по плечам. Светлая кофта подчеркивала фигуру сильнее, чем ему хотелось замечать. Талия казалась особенно тонкой из-за высокой посадки юбки.

Он снова поднял взгляд к её лицу.

Тачибана следила за ним с едва заметной улыбкой.

Она прекрасно понимала, куда он посмотрел.

— Ты стала красивее, — признал Рэн.

Улыбка исчезла.

Аканэ явно ожидала шутки или неловкой попытки уйти от ответа.

Не прямых слов.

— Раньше я была некрасивой?

— Я не это сказал.

— Тогда насколько красивее?

— Тачибана.

— Что?

— Не заставляй меня оценивать тебя по шкале.

— Почему?

— Потому что это странно.

— Боишься поставить слишком низкую оценку?

— Боюсь, что после правильной оценки ты станешь невыносимой.

Аканэ прищурилась.

— Значит, оценка высокая.

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

— Ты часто обвиняешь меня в мыслях, которых не слышишь.

— Я знаю тебя со средней школы. Мне не нужно их слышать.

Рэн отвёл взгляд к окну.

— А ты тоже меня рассматривала.

— Не понимаю, о чём ты.

— У двери.

— Проверяла, настоящий ли ты.

— И когда я снял куртку.

— Оценивала состояние одежды.

— И во время обеда.

— Смотрела, не подавился ли ты.

— Ты очень заботливая.

— Наконец-то заметил.

Они посмотрели друг на друга.

А затем одновременно рассмеялись.

Остатки неловкости исчезли.

Перед Рэном снова сидела его Тачибана.

Не девушка из видеозвонков. Не образ, к которому он воз-

вращался мыслями во время тренировок. Не голос в телефоне, напоминавший ему, что где-то существует нормальная жизнь.

Настоящая.

Тёплая.

Близкая.

И всё же теперь рядом с ней сердце почему-то билось быстрее.

***

Когда Аканэ взглянула на часы, было уже почти шесть.

— Серьёзно? — Она подняла телефон ближе к лицу. — Ты пришёл шесть часов назад?

— Почти.

— Мне казалось, прошло часа два.

Рэн посмотрел в окно.

Весенний день быстро угасал. Небо затянули тяжёлые серые облака, хотя утром прогноз обещал ясную погоду.

— Мне пора, — сказал он.

Слова прозвучали неожиданно неприятно.

Аканэ тоже посмотрела на окно.

— Ты же только вернулся.

— Я здесь с полудня.

— Это не считается.

— Почему?

— Первые три часа я привыкала к твоему новому лицу.

— Оно не настолько изменилось.

— Откуда тебе знать? Ты видишь его каждый день.

Рэн поднялся.

— Завтра встретимся в университете.

— На организационном собрании, где ты наверняка сядешь в последнем ряду и сделаешь вид, что меня не заметил.

— Зачем мне это делать?

— Чтобы не помогать мне с расписанием.

— Я уже согласился помочь с костюмом. Не злоупотребляй.

Аканэ тоже встала.

— Останься на ужин.

Рэн замер.

— Ты готовила только обед.

— Я могу приготовить ещё что-нибудь.

— Необязательно.

— Значит, останешься?

Он посмотрел на неё.

В голосе Тачибаны слышалась привычная настойчивость, но взгляд выдавал нечто другое.

Она действительно не хотела, чтобы он уходил.

— Хорошо, — ответил Рэн. — Останусь до ужина.

Аканэ улыбнулась.

В тот же момент по стеклу ударила первая крупная капля.

За ней — вторая.

Через несколько секунд дождь обрушился на город плотной стеной, скрыв соседние здания за серой пеленой.

Аканэ подошла к окну.

— В прогнозе ничего не было.

Вдали сверкнула молния.

Через несколько секунд раздался низкий раскат грома.

Рэн встал рядом с ней.

По стеклу непрерывно текли струи воды, а ветер гнул деревья во дворе университетского комплекса.

— Похоже, быстро это не закончится, — сказала Аканэ.

— У меня есть зонт.

Она посмотрела на него как на человека, предложившего

переплыть море на разделочной доске.

— Курода, с таким ветром твой зонт окажется в соседнем районе раньше тебя.

— Тогда подожду.

— До конца дождя?

— Да.

Аканэ снова перевела взгляд на улицу.

Уголки её губ чуть приподнялись.

— Что ж, — произнесла она. — Похоже, от моего ужина ты уже не отвертишься.

За окном вспыхнула новая молния.

Рэн посмотрел на отражение Тачибаны в стекле.

Девять месяцев он представлял, как вернётся к прежней жизни.

Но прежней она уже не была.

Изменилась квартира.

Изменился город.

Изменилась Тачибана.

Изменился он сам.

И впервые Рэн подумал, что, возможно, это не обязательно плохо.

Глава 3. Дождь и старое обещание

31 марта

Дождь не собирался прекращаться.

Он бил по окнам плотными косыми струями, заставляя стекло дрожать при особенно сильных порывах ветра. Вода уже скрыла соседние корпуса за серой пеленой, а дорожки во дворе университетских апартаментов превратились в неглубокие ручьи.

Рэн стоял возле окна и наблюдал, как одинокий прохожий пытается удержать выворачивающийся зонт.

Попытка продлилась около десяти секунд.

Затем зонт сдался.

— Убедился? — спросила Аканэ.

— Возможно, ему просто не повезло.

— Конечно. А у тебя особенный зонт, благословленный богами погоды.

— Он стоил дороже обычного.

— Значит, улетит немного дальше.

Рэн бросил на нее взгляд.

Аканэ стояла у холодильника, придерживая дверцу одной рукой. Свет изнутри падал на её лицо и медно-красные волосы.

— Есть яйца, рис, немного курицы и овощи, — перечислила она. — Можем сделать омурайсу.

— Ты говорила, что приготовишь что-нибудь.

— Я и приготовлю.

— Тогда зачем сказала «можем»?

Она закрыла холодильник.

— Потому что ты будешь помогать.

— Я гость.

— Ты уже провел здесь половину дня. Срок действия гостевого статуса закончился.

— Когда именно?

— После второго пирожного.

— У меня было одно.

— Клубники ты съел две.

Рэн вздохнул и отошёл от окна.

— Что делать?

— Нарежь овощи.

Аканэ достала разделочную доску и положила перед ним морковь, луковицу и сладкий перец.

Рэн слегка подвернул рукава футболки.

Он взял нож.

Аканэ открыла шкаф, собираясь достать сковороду, но через несколько секунд обернулась на быстрый ровный стук.

Рэн уже закончил с луком.

Одинаковые мелкие кубики лежали аккуратной горкой на краю доски.

— Подожди, — произнесла она.

— Что?

— Когда ты научился так резать?

— Работал у дяди.

— В кондитерской.

— Там тоже используют ножи.

— Для фруктов. А ты сейчас разделал луковицу так, слов-

но она задолжала твоей семье деньги.

Рэн на мгновение замер.

— Странное сравнение.

— Зато точное.

Он взял морковь.

Аканэ не отошла.

— Ты собираешься следить за каждым движением?

— Да.

— Тогда хотя бы достань сковороду.

Она продолжила смотреть.

Рэн начал резать медленнее.

— Ты специально?

— Что?

— Только что двигался в три раза быстрее.

— Показалось.

— Курода.

— Тачибана.

— Не передразнивай меня.

— Ты говоришь это второй день подряд.

Аканэ прищурилась, но всё же отвернулась к шкафу.

Рэн продолжил нарезать овощи.

Последние девять месяцев изменили множество его привычек. В поместье ему приходилось есть быстро, спать мало и обращать внимание на вещи, которые раньше он даже не замечал.

Расположение дверей.

Количество людей в помещении.

Чужие руки.

Расстояние до ближайшего предмета, который можно использовать как оружие.

Даже сейчас он стоял так, чтобы видеть отражение входной двери в темном стекле микроволновой печи.

Рэн заметил это только после того, как Тачибана вышла из поля зрения.

Он заставил себя повернуться к двери спиной.

Здесь никто не собирался нападать.

Это была квартира Тачибаны.

Обычная кухня.

Обычный ужин.

Обычная жизнь, ради которой он вернулся.

— Курода.

Рэн поднял взгляд.

Аканэ держала сковороду в одной руке и смотрела на него.

— Ты опять куда-то исчез.

— Я здесь.

— Телом — да.

Она поставила сковороду на плиту.

Рэн опустил нож.

— Просто задумался.

— О чём?

— О том, что ты заставляешь гостя работать.

— Ты всё ещё обижен из-за статуса?

— Я чувствую, что мной пользуются.

— Можешь пожаловаться управляющему.

— Где он?

— Перед тобой.

— Тогда надежды нет.

Аканэ улыбнулась.

Рэн снова взялся за овощи.

Некоторое время они готовили молча. Тачибана обжаривала курицу, а он добавлял нарезанные овощи и рис. Когда она потянулась за соусом, их руки столкнулись.

Оба остановились.

Пальцы Аканэ лежали поверх его пальцев.

Всего секунду.

Возможно, даже меньше.

Она первой отдернула руку.

— Я сама, — сказала она.

— Я уже взял.

— Но я лучше знаю, сколько нужно.

— На бутылке есть инструкция.

— Еда, приготовленная по инструкции, не имеет души.

— Поэтому твой паяльник загорелся?

— Мы сейчас готовим или обсуждаем прошлое?

— Одно другому не мешает.

Аканэ забрала бутылку и добавила соус.

Слишком много.

Рэн посмотрел на сковороду.

Потом на неё.

— Ни слова.

— Я молчу.

— Но осуждаешь.

— Даже не начинал.

Она толкнула его локтем.

Рэн не сдвинулся.

Аканэ нахмурилась и толкнула сильнее.

Он снова остался на месте.

— Это нечестно, — заявила она.

— Что именно?

— Раньше тебя можно было столкнуть одним пальцем.

— Ты преувеличиваешь.

— Ничуть.

Она уперлась обеими ладонями ему в плечо и попыталась сдвинуть.

Рэн машинально напрягся.

Аканэ тут же отступила, словно наткнулась на стену.

Несколько секунд она молча смотрела на его грудь.

— Ты закончила? — спросил он.

— Я проводила эксперимент.

— Каков результат?

— Раздражающий.

— Очень научно.

— Не радуйся. Я найду способ тебя победить.

— Буду ждать.

Их взгляды встретились.

В глазах Аканэ вспыхнул знакомый азарт.

— Это вызов?

Рэн понял, что совершил ошибку.

— Нет.

— Уже поздно.

— Тачибана.

— Однажды ты об этом пожалеешь.

Она повернулась к плите с таким видом, будто их будущая схватка уже была назначена.

Рэн покачал головой.

Несмотря на дождь, ложь и тяжёлые воспоминания, впервые за долгое время ему было легко.

Омурайсу получился почти идеальным.

Почти — потому что первая попытка Аканэ завернуть рис в омлет закончилась тем, что омлет порвался посередине.

Она несколько секунд смотрела на тарелку.

— Это ты виноват.

Рэн стоял рядом, держа вторую сковороду.

— Я даже не касался.

— Ты смотрел.

— Больше не буду.

— Теперь уже поздно.

Она попыталась поправить омлет лопаткой, но только сильнее раскрыла рис.

Рэн протянул руку.

— Давай помогу.

— Я справлюсь.

— Тачибана.

— Курода.

Кусок омлета соскользнул на край тарелки.

Аканэ закрыла глаза.

— Хорошо. Помогай.

Рэн переложил содержимое обратно на сковороду, осторожно выровнял края и быстрым движением перевернул омлет на тарелку.

Разрыв оказался снизу.

Сверху блюдо выглядело целым.

Аканэ посмотрела сначала на тарелку, затем на него.

— Ты ведь понимаешь, что теперь раздражаешь меня ещё сильнее?

— Я спас ужин.

— Я сама бы его спасла.

— Каким способом?

— Соусом.

Она взяла бутылку кетчупа и нарисовала на омлете сердитое лицо.

— Это я? — спросил Рэн.

— Нет. У него выражение добрее.

На второй порции Аканэ написала кетчупом:

ПРЕДАТЕЛЬ

— За что? — спросил Рэн.

— За девять месяцев молчания.

Она произнесла это с улыбкой.

Однако улыбка не коснулась её глаз.

Рэн посмотрел на надпись.

— Я писал тебе.

— Иногда.

— Почти каждый день.

— Одно сообщение в два часа ночи не считается полноценным разговором.

— Ты всё равно отвечала.

— Потому что знала: если не отвечу, ты снова попадешь на три дня.

Она поставила тарелки на низкий столик перед диваном.

Рэн сел напротив.

За окном прогремел гром. На мгновение свет в комнате потускнел, но почти сразу восстановился.

Аканэ посмотрела на лампу.

— Надеюсь, электричество не отключат.

— Боишься темноты?

— Нет.

— Грозы?

— Тоже нет.

— Тогда чего?

— Что холодильник разморозится.

— Очень романтично.

Она бросила в него салфеткой.

Рэн поймал её одной рукой.

Аканэ на мгновение замерла.

Снова это движение.

Слишком быстрое.

Слишком точное.

Раньше Курода непременно позволил бы салфетке попасть ему в лицо, а затем ещё несколько минут возмущался бы её жестокостью.

Теперь он перехватил её, даже не отрывая взгляда от тарелки.

— Верни, — сказала она.

— Зачем?

— Хочу бросить еще раз.

— Тогда точно не верну.

Рэн положил салфетку рядом и взял ложку.

Омурайсу оказался вкусным, несмотря на чрезмерное количество соуса в начинке.

— Ну? — спросила Аканэ.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Мы уже проходили это за обедом.

— Ужин — отдельное блюдо. Он заслуживает отдельной оценки.

— Очень хорошо.

— Лучше, чем обед?

— Это ловушка?

— Почему сразу ловушка?

— Потому что любой ответ будет неправильным.

Аканэ удовлетворенно улыбнулась.

— Значит, ты чему-то научился за девять месяцев.

Рэн опустил взгляд к тарелке.

На омлете всё ещё оставалось слово «предатель». Правда, теперь от него сохранились только несколько красных линий.

— Тачибана.

— М-м?

— Ты действительно злишься?

Она перестала есть.

— За что именно?

— За то, что я редко отвечал.

Аканэ несколько секунд молчала.

Дождь заполнял тишину ровным шумом.

— Не злюсь, — наконец сказала она. — Уже нет.

— Но злилась.

— Иногда.

— Почему не сказала?

— Потому что ты ухаживал за больным дедушкой.

Рэн отвел взгляд.

— Я думала, тебе тяжело, — продолжила Аканэ. — Не хотела становиться ещё одной проблемой.

— Ты никогда не была проблемой.

Слова прозвучали слишком быстро.

Аканэ посмотрела на него.

— Тогда почему ты почти ничего не рассказывал?

Рэн сжал ложку.

Перед глазами на мгновение возникли ворота поместья. Люди с оружием. Пятна крови на камнях.

И голос Гэндзо:

Чем меньше твои друзья знают о семье, тем дольше остаются просто друзьями.

— Там почти ничего не происходило, — ответил Рэн.

Аканэ не отвела взгляд.

Он понимал: она не поверила.

Рэн никогда не умел убедительно лгать ей. Но за девять месяцев научился не показывать правду.

Возможно, это было хуже.

— Помнишь подсобку возле спортивного зала? — внезапно спросила она.

Вопрос застал его врасплох.

— Помню.

— Тебя тогда заперли старшеклассники.

— Я сам случайно закрыл дверь.

— Курода.

— Что?

— Ты даже сейчас пытаешься их оправдать.

Он опустил ложку.

Воспоминание было старым, но удивительно ясным.

Тёмная подсобка.

Запах резины и пыли.

Шум дождя по крыше.

Рэн просидел внутри почти два часа, прежде чем услышал голос Тачибаны.

Она бегала по школе, пока не нашла его. Потом долго кричала на сторожа, старшеклассников и самого Рэна.

В основном на Рэна.

— Ты тогда пообещал мне одну вещь, — сказала Аканэ.

— Что перестану попадать в неприятности?

— Это обещание ты нарушил через три дня.

— Тогда какое?

Она убрала с лица прядь волос.

— Что больше не будешь исчезать и делать вид, будто всё нормально.

Рэн помнил.

Тачибана стояла перед ним под небольшим прозрачным зонтом. Её школьная форма промокла, волосы прилипли к лицу, а глаза покраснели от слез и злости.

Если тебе плохо — скажи мне.

Почему?

Потому что я не хочу снова искать тебя по всей школе,

идиот.

Тогда Рэн пообещал.

Ему было четырнадцать.

И он действительно верил, что сможет выполнять это обещание всю жизнь.

— Я не исчезал, — тихо произнёс он. — Ты знала, где я.

— Знала адрес поместья. Это не одно и то же.

— Я писал тебе.

— Что всё хорошо.

— Потому что всё было хорошо.

Аканэ слегка наклонила голову.

Рэн выдержал её взгляд.

Несколько секунд.

Затем отвернулся.

— Не было, — сказала она.

Это не прозвучало вопросом.

Рэн почувствовал, как внутри поднимается знакомое напряжение.

Он не хотел лгать.

Но правда была опаснее любой лжи.

— Я не могу обо всём рассказать.

Аканэ медленно положила ложку.

— Не можешь или не хочешь?

— И то и другое.

— Дедушка просил молчать?

Рэн ничего не ответил.

— Понятно.

Она снова посмотрела на тарелку.

Её голос оставался спокойным, но плечи слегка напряглись.

Рэн ненавидел себя за это.

Тачибана всегда была рядом. Она защищала его, слушала, вытаскивала из неприятностей и никогда не требовала ничего взамен.

Теперь он сидел напротив неё и снова закрывал дверь. Только на этот раз изнутри.

— Тачибана.

— Всё нормально.

— Ты сама говорила, что эта фраза подозрительна.

Уголок её губ дрогнул.

— Быстро учишься.

— Я не хочу тебя обманывать.

— Но обманываешь.

Прямота её слов ударила сильнее, чем он ожидал.

— Да, — признал Рэн.

Аканэ подняла взгляд.

— По крайней мере, честно.

— Я расскажу, когда смогу.

— Это обещание?

Рэн вспомнил Гэндзо.

Клан.

Людей, уничтоженных только потому, что они приблизи-

лись к семье Курода.

Он не имел права обещать.

— Нет, — ответил Рэн. — Я не знаю, смогу ли.

На лице Аканэ появилось разочарование.

Она быстро скрыла его, но Рэн успел заметить.

— Тогда пообещай другое, — сказала она.

— Что?

— Не исчезай снова без слов.

— Я уехал не без слов.

— Ты сообщил мне вечером перед отъездом.

— Я сам узнал только утром.

— А о возвращении написал через три минуты после того, как вошёл в квартиру.

— Значит, в этот раз я всё сделал правильно.

Аканэ пыталась сохранять серьёзный вид.

Не получилось.

— Технически — да.

— Этого достаточно?

Она задумалась.

— Пока достаточно.

Рэн протянул руку через стол.

Не совсем понимая зачем.

Аканэ посмотрела на его ладонь.

— Что это?

— Старое обещание обычно скрепляют рукопожатием.

— Мы тогда сцепляли мизинцы.

— Нам было четырнадцать.

— Боишься?

— Нет.

Она протянула руку и зацепилась мизинцем за его мизинец.

Жест казался детским.

И всё же Рэн почувствовал, как что-то внутри сжалось.

— Не исчезать без слов, — произнесла Аканэ.

— Не исчезать без слов, — повторил он.

— И не делать вид, что всё хорошо, когда это не так.

— Это уже второе условие.

— Оно входило в первоначальный договор.

— Я не помню.

— Я помню за двоих.

Рэн посмотрел на соединенные пальцы.

— Я постараюсь.

— Не лучший ответ.

— Другого пока нет.

Аканэ некоторое время изучала его лицо.

Затем кивнула.

— Хорошо.

Они разжали пальцы.

Прикосновение длилось всего несколько секунд.

Но после него расстояние между ними будто стало меньше.

После ужина дождь только усилился.

По новостям передали предупреждение о сильном ветре, а движение нескольких автобусных маршрутов временно остановили. Университетская администрация прислала студентам сообщение с просьбой не покидать здания без необходимости.

Рэн прочитал уведомление дважды.

— Похоже, дождь официально победил мой дорогой зонт.

— Наконец-то ты признал поражение.

— Я признал временное отступление.

Аканэ стояла возле шкафа и перебирала сложенные на полке вещи.

— Что ты ищешь?

— Что-нибудь, во что ты сможешь переодеться.

— Зачем?

Она обернулась.

— Ты серьезно собираешься сидеть до утра в брюках?

— До утра?

— Курода, на улице шторм.

— Я могу подождать еще пару часов.

Словно в ответ на его слова, за окном вспыхнула молния. Почти сразу раздался гром, настолько сильный, что задрожала посуда в шкафу.

Аканэ указала на окно.

— Он с тобой не согласен.

— Я не собирался оставаться на ночь.

— Представь, что это незапланированная часть моего ко-

варного плана.

— Какого?

— Накормить тебя три раза за сутки.

— Ты готовила завтрак?

— При необходимости приготовлю.

Рэн посмотрел на диван.

Он был достаточно широким, чтобы сидеть втроём.

Но недостаточно длинным, чтобы удобно спать.

— Я могу лечь на полу.

Аканэ медленно повернулась к нему.

— Зачем?

— А где ещё?

— На диване.

— Я не помещусь.

— Он раскладывается.

Рэн посмотрел на диван внимательнее.

— С каких пор?

— С момента покупки.

— Ты никогда не говорила.

— Я не знала, что однажды мне придётся проводить для тебя экскурсию по мебели.

Аканэ подошла к дивану, убрала подушки и потянула за скрытую петлю. Сиденье выдвинулось вперёд, спинка опустилась, превращаясь в широкую ровную поверхность.

Рэн молча наблюдал.

— Видишь? — спросила она.

— Вижу.

— И кто теперь не умеет читать инструкции?

— Причём здесь инструкции?

— Ты раньше сидел на этом диване сотни раз и ни разу не понял, что он раскладывается.

— Обычно я не исследую чужую мебель.

— Это многое о тебе говорит.

— Что именно?

— Пока не придумала.

Аканэ выпрямилась.

На разложенном диване вполне могли поместиться двое.

Эту деталь они осознали одновременно.

Возникла тишина.

Рэн посмотрел на один край дивана.

Аканэ — на другой.

— Я всё равно могу спать на полу, — сказал он.

— Не можешь.

— Почему?

— Потому что холодно.

— Я привык.

Она резко подняла взгляд.

— К чему именно ты привык?

Рэн понял, что снова сказал лишнее.

— Просто иногда засыпал в тренировочном зале.

— На полу?

— Там были маты.

— И зачем ты так много тренировался?

— Мы уже обсуждали.

— Нет. Ты уклонился от ответа.

— Тогда давай считать, что обсуждали.

Аканэ поджала губы.

Рэн ожидал продолжения допроса, но она лишь сложила диван обратно.

— Решим позже, — сказала она. — Сначала кино.

— Ты уже выбрала?

— Не кино. Аниме.

— Какое?

Аканэ взяла пульт и включила телевизор.

На экране появилось меню стримингового сервиса. В разделе продолжения просмотра находился сериал под названием «Любовь с кончиков пальцев».

Рэн посмотрел на обложку.

Затем на Аканэ.

— Это романтика.

— Ты умеешь читать.

— Мы раньше смотрели боевики.

— Ты вернулся после девяти месяцев тренировок. Боевиков в твоей жизни и так достаточно.

Рэн замер.

Аканэ, похоже, не заметила двусмысленности собственных слов. Она листала список серий.

— Ты уже начала смотреть? — спросил он.

— Первые две серии.

— Тогда почему включаешь первую?

— Посмотрю ещё раз.

— Можем выбрать другое.

— Боишься романтики?

— Нет.

— Значит, смотрим.

Она нажала кнопку воспроизведения.

Спорить было бессмысленно.

Впрочем, Рэн никогда особенно не возражал против романтических историй. Просто не признавался в этом Тачибане, потому что она непременно использовала бы такую информацию против него.

Аканэ принесла с кухни чай и небольшую тарелку с печеньем.

Затем села на диван.

Рэн устроился рядом, оставив между ними приличное расстояние.

Она посмотрела на пустое место.

— Боишься, что я укушу?

— Нет.

— Тогда почему сидишь у самого края?

— Мне удобно.

— Ты сейчас упадёшь.

— Не упаду.

— Курода.

— Что?

Аканэ схватила его за рукав и потянула к себе.

Рэн не сопротивлялся.

Теперь между их плечами оставалось всего несколько сантиметров.

— Так лучше, — сказала она.

— Для кого?

— Для дивана. Вес распределяется равномернее.

— Разумеется.

На экране началась первая серия.

Рэн попытался сосредоточиться на сюжете.

Это оказалось сложнее, чем ожидалось.

Тачибана сидела слишком близко. Он ощущал тепло её плеча, хотя они ещё не касались друг друга. Каждый раз, когда она меняла положение, воздух наполнялся лёгким запахом шампуня.

Раньше Рэн никогда не обращал на него внимания.

Или просто не позволял себе обращать.

Он бросил на нее короткий взгляд.

Аканэ смотрела на экран, поджав под себя одну ногу.

Медно-красные волосы спадали на плечо, частично закрывая лицо.

На экране героиня пыталась понять, действительно ли молодой человек проявляет к ней интерес или просто ведет себя дружелюбно.

Аканэ тихо вздохнула.

— Что? — спросил Рэн.

— Ничего.

— Ты вздохнула.

— И?

— Обычно это что-то значит.

— Просто она слишком много думает.

— Возможно, у нее есть основания.

— Он смотрит на неё так, будто больше никого вокруг не существует.

— Это зритель видит.

— Она тоже должна видеть.

— Не все замечают такие вещи.

Аканэ медленно повернулась к нему.

— Да. Некоторые могут не замечать годами.

Рэн встретил ее взгляд.

Несколько секунд они молчали.

— Ты о ком-то конкретном? — спросил он.

Аканэ отвернулась к экрану.

— О главной героине.

— Понятно.

— Не уверена.

Рэн нахмурился.

— В чём?

— Что тебе понятно.

Он хотел задать ещё один вопрос, но на экране началась следующая сцена, и Аканэ увеличила громкость.

Разговор закончился.

Однако странное ощущение осталось.

К середине второй серии дождь превратился в равномерный фон.

Рэн перестал замечать гром.

Аканэ тоже постепенно расслабилась. Сначала она сидела прямо, затем прислонилась спиной к дивану. Через некоторое время её плечо коснулось руки Рэна.

Она не отстранилась.

Он тоже.

Точка соприкосновения казалась слишком маленькой, чтобы иметь значение.

Но Рэн чувствовал её постоянно.

На экране герои впервые взяли за руки.

Аканэ незаметно посмотрела на ладонь Куроды, лежавшую на диване между ними.

Крупная.

С несколькими тонкими шрамами на костяшках.

Совсем не такая, какой она её помнила.

Раньше его пальцы были длинными и худыми, а кожа — мягкой. Теперь ладонь выглядела сильной, загрубевшей от постоянных тренировок.

Аканэ вспомнила, как днём держала его за запястья.

Сердце снова ускорилоь.

Она заставила себя перевести взгляд на экран.

Куроода изменился.

Это было очевидно не только по его телу.

Прежний Рэн часто отводил глаза, нервно улыбался и соглашался с ней еще до того, как понимал, о чём идёт речь. Теперь он смотрел прямо, спокойно спорил и не позволил сбить себя с мысли.

Но иногда старый Курода возвращался.

Когда отдавал ей клубнику.

Когда смеялся над её паяльником.

Когда пытался извиниться за слишком резкий ответ.

Именно эти моменты успокаивали сильнее всего.

Аканэ боялась, что за девять месяцев потеряла его.

Теперь понимала: не потеряла.

Просто часть Рэна осталась там, в поместье.

Та часть, о которой он отказывался говорить.

Она снова посмотрела на него.

Курода следил за экраном, но его лицо оставалось слишком серьёзным для легкого романтического сериала.

— Тебе не нравится? — спросила Аканэ.

— Почему?

— Ты выглядишь так, словно анализируешь преступление.

— Я смотрю.

— И что думаешь?

Рэн немного помолчал.

— Они оба всё усложняют.

— Что именно?

— Очевидно, что нравятся друг другу. Но вместо прямого разговора пытаются читать мысли.

Аканэ медленно подняла бровь.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Курода, ты последний человек, который имеет право это говорить.

— Почему?

Она открыла рот.

И закрыла.

Сказать правду прямо сейчас было слишком страшно.

Потому что я люблю тебя три года, а ты до сих пор ничего не понял.

Вместо этого Аканэ взяла печенье.

— Потому что ты сам никогда не говоришь прямо.

— Я говорю.

— Тогда скажи, о чём думал сегодня, когда увидел меня у двери.

Курода замер.

Аканэ почувствовала, как вспыхивают щеки, но отступить было поздно.

— Ты уже спрашивала, — сказал он.

— Нет. Я спрашивала, изменилась ли я.

— И я ответил.

— Что стала красивее.

— Да.

— А о чём подумал?

Рэн посмотрел на неё.

Спокойствие исчезло из его взгляда.

Совсем немного.

Но Аканэ заметила.

— Это допрос? — спросил он.

— Ты сам предложил говорить прямо.

— Я говорил о персонажах.

— Очень удобно.

— Тачибана.

— Курода.

Он отвел глаза к экрану.

— Подумал, что ты изменилась сильнее, чем было видно по видеосвязи.

— Только это?

— Нет.

— Что ещё?

На его щеке появился едва заметный румянец.

Аканэ впервые увидела, как новый Курода теряет самообладание.

Это придало ей смелости.

— Ну?

— Что ты стала взрослой.

— Ты это уже говорил.

— И что одежда на тебе теперь выглядит иначе.

Аканэ почувствовала, как жар поднимается к лицу.

Она сама заставила его ответить.

И всё равно оказалась не готова.

— Иначе — это как?

Рэн медленно повернулся к ней.

— Ты действительно хочешь, чтобы я продолжал?

В его голосе не было прежней робости.

Только спокойный вопрос.

Аканэ сглотнула.

— Нет.

— Вот и я так подумал.

— Не радуйся. Ты просто неправильно сформулировал.

— Разумеется.

Она толкнула его плечом.

Рэн слегка покачнулся, хотя Аканэ подозревала, что он сделал это намеренно.

— Смотри сериал, — сказала она.

— Я и смотрел.

— Тогда молчи.

— Ты сама начала разговор.

— Курода.

— Уже молчу.

Аканэ отвернулась к экрану, стараясь успокоить сердце.

Через несколько секунд она почувствовала, как его плечо снова касается её плеча.

На этот раз Курода не отодвинулся сам.

К третьей серии Аканэ начала клевать носом.

Сначала Рэн решил, что ему показалось.

Затем её голова медленно наклонилась вперёд, резко дернулась, и она снова выпрямилась.

— Тачибана.

— Я не сплю.

— Я ничего не спрашивал.

— Но собирался.

— Уже поздно.

— Ещё рано.

Рэн посмотрел на часы.

Было почти одиннадцать.

— Для человека, который готовил весь день, не рано.

— Я не весь день готовила.

— Остальное время ты руководила мной.

— Это ещё тяжелее.

Аканэ зевнула и прикрыла рот ладонью.

— Иди спать, — сказал Рэн.

— А ты?

— Досмотрю серию.

— Один?

— Я справлюсь.

— Ты не поймёшь сюжет.

— Они влюблены и не разговаривают. Пока всё просто.

— Ты безнадежен.

Она попыталась сесть ровнее.

Получилось ненадолго.

Через несколько минут её голова снова начала медленно склоняться. На этот раз в сторону Рэна.

Он заметил движение, но не успел ничего сделать.

Аканэ коснулась виском его плеча.

Рэн замер.

Она не проснулась.

Несколько прядей медно-красных волос упали ему на руку. Щекотно коснулись кожи. Дыхание Аканэ стало ровным и тихим.

Рэн перевёл взгляд на экран.

Герои продолжали разговаривать, но смысл слов перестал доходить до него.

Тачибана спала у него на плече.

Раньше подобное не имело бы значения.

Она могла уснуть рядом во время школьной поездки или положить голову ему на колени, когда они смотрели слишком длинный фильм. Рэн просто сидел и ждал, пока она проснётся.

Но сейчас всё ощущалось иначе.

Возможно, из-за девяти месяцев разлуки.

Возможно, из-за того, как она посмотрела на него у двери.

Или из-за того, как он сам не мог отвести от неё взгляд.

Рэн осторожно опустил руку на диван, чтобы случайно не

коснуться ее.

На экране начались финальные титры.

Он мог разбудить Тачибану.

Мог осторожно переложить её на подушку.

Но не сделал ни того, ни другого.

За окном продолжался дождь.

В комнате было тепло.

Аканэ слегка пошевелилась и ближе прижалась к его плечу.

Рэн задержал дыхание.

— Курода... — едва слышно пробормотала она.

Он посмотрел на неё.

Глаза оставались закрытыми.

— Что?

Ответа не последовало.

Только через несколько секунд её губы снова шевельнулись.

— Не уходи...

Рэн перестал слышать телевизор.

Перед глазами возник другой дождливый вечер.

Девочка под прозрачным зонтом.

Мокрая школьная форма.

Злые зеленые глаза.

Не исчезай снова.

Тогда он пообещал.

И нарушил обещание множество раз, даже если техниче-

ски всегда оставался на связи.

Рэн посмотрел на лицо Аканэ.

Сейчас в нём не было ни привычной уверенности, ни насмешки. Только усталость и страх, который она никогда не показывала ему наяву.

Он осторожно позволил своей голове коснуться её волос.

— Не уйду, — тихо ответил Рэн.

Аканэ не проснулась.

Но напряжение исчезло из её лица.

Рэн остался сидеть, не двигаясь, пока дождь бил по окнам, а на экране беззвучно сменялись рекомендации следующих серий.

Впервые за девять месяцев ему не хотелось оказаться где-то ещё.

Глава 4. Последняя сигарета

1 апреля

Рэн проснулся от того, что не чувствовал правую руку.

Сначала он решил, что снова оказался в тренировочном зале и уснул после вечернего занятия. Такое случалось несколько раз: тело отказывалось подниматься, наставник оставил его лежать на матах, а утром будил ударом бамбуковой палки по полу.

Но вместо жесткого мата под спиной была мягкая поверхность.

Вместо запаха старого дерева — легкий аромат шампуня.

А вместо голоса наставника рядом раздавалось тихое, ровное дыхание.

Рэн открыл глаза.

Разложенный диван занимал почти всю свободную часть комнаты. За окном уже рассвело, хотя серое небо все еще хранило следы ночной грозы. По стеклу медленно стекали редкие капли, а на полу лежала полоска бледного утреннего света.

Аканэ спала рядом.

Точнее, почти на нём.

Ночью Рэн всё-таки заставил себя выключить телевизор и разложить диван. Перенести Тачибану в кровать он не решился. Будить — тоже.

Поэтому осторожно уложил её на одну сторону дивана, накрыл одеялом и лёг с другого края.

По крайней мере, таков был план.

Сейчас голова Аканэ лежала у него на плече, ладонь покоилась на груди, а одна нога оказалась поверх его ноги. Между ними не осталось даже намека на предусмотрительное расстояние.

Рэн смотрел в потолок и пытался понять, как выбраться, не разбудив ее.

Правая рука, зажатая под головой Тачибаны, окончательно потеряла чувствительность.

Он осторожно пошевелил пальцами.

Никакой реакции.

— Прекрасно, — едва слышно пробормотал Рэн.

Аканэ что-то невнятно сказала во сне и прижалась к нему ещё ближе.

Рэн замер.

Ее волосы щекотали подбородок. Сквозь тонкую ткань футболки он чувствовал тепло её ладони. Каждый спокойный вдох слегка приподнимал её голову вместе с его грудью.

Вчера Тачибана прошептала:

Не уходи.

Рэн ответил, хотя она, скорее всего, ничего не услышала.

Теперь он не мог перестать думать об этих словах.

В средней школе Аканэ всегда казалась ему бесстрашной. Она первой вступала в спор, первой поднимала руку на занятиях и первой шла разбираться с теми, кто обижал слабых.

Рэн привык считать, что она ни в ком не нуждается.

Тем более в нём.

Но вчера, пока она спала, её голос звучал иначе.

Так, словно его отсутствие действительно причинило ей боль.

Рэн медленно повернул голову.

Лицо Аканэ находилось совсем близко. Без привычной насмешки и уверенного взгляда она выглядела мягче. Длинные ресницы отбрасывали тонкие тени на щеки, а несколько медно-красных прядей закрывали губы.

Рэн поднял свободную руку, собираясь убрать волосы.

Пальцы остановились в нескольких сантиметрах от её лица.

Что он делает?

Он медленно опустил руку.

В ту же секунду Аканэ открыла глаза.

Несколько мгновений она смотрела прямо перед собой, не понимая, где находится.

Затем её взгляд поднялся к лицу Рэна.

Он увидел момент, когда сон окончательно отступил.

Аканэ замерла.

Рэн тоже.

Её ладонь всё ещё лежала на его груди.

— Доброе утро, — сказал он.

Аканэ моргнула.

Потом посмотрела вниз.

На свою руку.

На их переплетенные ноги.

И снова на Рэна.

— Это не то, на что похоже.

— А на что это похоже?

— Не знаю. Но точно не на это.

— Очень убедительно.

Она резко попыталась отодвинуться.

Рэн не успел предупредить, что ее нога запуталась в оде-
яле.

Аканэ дёрнулась, потеряла равновесие и едва не упала с
дивана.

Рэн поймал её за талию.

На мгновение она оказалась прижата к нему всем телом.

Их лица разделяло меньше ладони.

Зелёные глаза Аканэ расширились.

Рэн чувствовал, как под его рукой напряглась её талия.

Очень тонкая.

Слишком тонкая, чтобы он мог думать о чём-то другом.

— Осторожнее, — тихо сказал он.

— Отпусти.

— Ты упадёшь.

— Уже не упаду.

— Уверена?

— Курода.

Он разжал руку.

Аканэ быстро села на противоположном краю дивана и
поправила волосы. Её уши заметно покраснели.

Рэн медленно поднялся.

Правая рука безвольно повисла вдоль тела.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего.

Он попытался согнуть пальцы.

Рука ответила неприятным покалыванием от плеча до запястья.

Аканэ проследила за движением.

— Ты её не чувствуешь?

— Уже начинает проходить.

— Почему сразу не разбудил меня?

Рэн посмотрел на неё.

— Ты крепко спала.

— И поэтому решил пожертвовать конечностью?

— Это была не такая большая жертва.

— Курода, я несколько часов лежала у тебя на руке.

— Возможно, она еще восстановится.

Аканэ взяла его ладонь обеими руками и начала осторожно разминать пальцы.

— Больно?

— Немного.

— Потерпи.

Она сосредоточенно растирала его ладонь, словно действительно могла вернуть чувствительность одним упорством.

Рэн наблюдал за её лицом.

— Тачибана.

— Что?

— Ты всегда обнимаешь людей во сне?

Ее пальцы остановились.

— Я тебя не обнимала.

— Тогда как это называется?

— Ты сам ко мне придвинулся.

— Я лег с другой стороны дивана.

— Значит, диван наклонён.

— В твою сторону?

— Очевидно.

Рэн посмотрел на ровную поверхность.

— Очень правдоподобно.

Аканэ сильнее сжала его пальцы.

— Больно.

— Значит, чувствительность вернулась.

Она отпустила его руку и поднялась.

— Я сделаю завтрак.

— Я сделаю.

— Это моя квартира.

— Ты готовила вчера весь день.

— А ты гость.

— Ты лишила меня этого статуса после второго пирожно-

го.

Аканэ открыла рот.

Затем закрыла.

— Ладно, — произнесла она. — Но кухню не сожги.

— Это говорит человек с горевшим паяльником.

— Одна ошибка не определяет всю жизнь.

— Провод загорелся дважды.

— Первый раз был предупреждением.

Рэн направился к кухне.

Позади послышался приглушенный вздох.

Он обернулся.

Аканэ стояла возле дивана и смотрела на смятое место, где они только что лежали.

— Что? — спросил Рэн.

Она быстро подняла голову.

— Ничего.

— Ты снова покраснела.

— Иди готовь.

— Уже иду.

— И не оборачивайся.

Рэн повернулся к кухне.

На его губах появилась улыбка.

В холодильнике нашлись яйца, бекон, овощи и половина упаковки молока.

Рэн решил приготовить тамагояки, рис и простой ми-со-суп из оставшихся ингредиентов. Ничего сложного.

Аканэ сначала ушла умыться, но вернулась через несколько минут и остановилась возле кухонного проема.

На ней были свободная домашняя кофта и короткие шорты. Волосы оставались слегка растрепанными после сна.

Рэн заметил ее присутствие по отражению в стекле шкафа.

— Ты снова следишь, — сказал он.

— Я проверяю сохранность квартиры.

— Можешь накрыть на стол.

— Я думала, ты решил всё сделать сам.

— Тогда не мешай.

Аканэ подошла ближе.

— Почему у тебя получается лучше, чем у меня?

— Что именно?

— Омлет.

Рэн аккуратно свернул очередной слой яйца.

— Практика.

— В кондитерской дяди готовят японские омлеты?

— Иногда сотрудники едят.

— Ты готовил для всех?

— Когда была моя очередь.

— И часто?

— Несколько раз в неделю.

Аканэ задумчиво посмотрела на него.

— Девушки там есть?

Рэн поднял глаза.

— Есть.

— Много?

— Достаточно.

— И ты готовил для них завтрак?

— Для всех сотрудников.

— Понятно.

Она взяла две чашки и поставила их на стол чуть громче необходимого.

Рэн наблюдал за ней несколько секунд.

— Тачибана.

— Что?

— Ты ревнуешь?

Чашка замерла в её руке.

— Кого?

— Меня.

— К девушкам из кондитерской?

— Похоже на то.

Аканэ медленно повернулась.

— Я просто выясняю, не отравил ли ты кого-нибудь своей готовкой.

— Тогда почему спросила только о девушках?

— Потому что мужчины наверняка сами виноваты.

Рэн кивнул.

— Логично.

— И вообще, с чего мне тебя ревновать?

— Не знаю. Поэтому и спросил.

— Не льсти себе.

Она отвернулась и начала раскладывать палочки.

Рэн вернулся к омлету.

Через несколько секунд услышал:

— Они красивые?

Он посмотрел через плечо.

Аканэ сосредоточенно выравнивала край салфетки.

— Некоторые, — ответил Рэн.

Салфетка смялась в её пальцах.

— Но ни одна не готовит нику-дзягу лучше тебя.

Аканэ подняла взгляд.

— Ты ел их нику-дзягу?

— Нет.

— Тогда сравнение необъективное.

— Зато безопасное.

Она пыталась сохранить серьёзное выражение.

Уголки губ всё равно дрогнули.

— Подхалим.

— Ты сама спросила.

— Я ничего не спрашивала.

— Разумеется.

Рэн выложил завтрак на тарелки.

Они сели напротив друг друга.

За окном после ночной грозы город выглядел умытым.

Между облаками появились первые полосы голубого неба, а с крыши соседнего здания все еще падали крупные капли.

Аканэ попробовала омлет.

Несколько секунд жевала с непроницаемым лицом.

— Ну? — спросил Рэн.

— Неплохо.

— Просто неплохо?

— Мы уже проходили это вчера.

— Завтрак — отдельное блюдо. Он заслуживает отдельной оценки.

Она посмотрела на него.

Рэн сохранял совершенно серьёзное выражение.

Аканэ медленно положила палочки.

— Ты используешь мои слова против меня.

— Учусь у лучшей.

— Очень вкусно, — признала она. — Доволен?

— Почти.

— Что ещё?

— Где благодарность за старание?

Аканэ встала, перегнулась через стол и коротко поцеловала его в макушку.

Рэн замер.

Она села обратно и как ни в чём не бывало взяла палочки.

— Спасибо за старание.

Рэн несколько секунд смотрел на неё.

— Что это было?

— Благодарность.

— Обычно люди говорят словами.

— Ты сам потребовал большего.

— Я такого не говорил.

— Но подумал.

Рэн коснулся волос в том месте, куда она его поцеловала.

Аканэ отвела взгляд к окну.

Её лицо снова покраснело.

— Ешь, — сказала она.

— Уже ем.

— И не смотри на меня так.

— Как?

— Будто собираешься что-то сказать.

— Я собирался поблагодарить.

— Не нужно.

— Почему?

— Потому что тогда станет неловко.

— Уже стало.

Она бросила в него салфеткой.

На этот раз Рэн позволил ей попасть ему в лицо.

Аканэ довольно улыбнулась.

Прежний Курода всё ещё был здесь.

В семь часов сорок две минуты Рэн посмотрел на телефон.

Затем еще раз.

— Тачибана.

— М-м?

— Во сколько начинается собрание?

Она стояла у зеркала и собирала волосы.

— В восемь тридцать.

Рэн медленно поднялся из-за стола.

— Почему ты раньше не сказала?

— Ты не спрашивал.

— До университета двадцать минут.

— Отсюда — десять.

— Мне нужно домой.

Аканэ повернулась.

— Зачем?

— Принять душ и переодеться.

Она окинула его взглядом.

Рэн всё ещё был во вчерашней футболке и брюках.

— Можешь принять душ здесь.

— А одежда?

— Я не думаю, что мои вещи тебе подойдут.

Её взгляд задержался на его плечах.

— Хотя это было бы интересно.

— Тачибана.

— Что?

— У меня осталось сорок восемь минут.

Аканэ посмотрела на часы.

— Тогда тебе лучше бежать.

Рэн схватил куртку.

— Посуда.

— Я помою.

— Точно?

— Курода, уходи.

Он надел обувь и открыл дверь.

— Встретимся в университете.

— Ты забыл сумку.

Рэн вернулся за сумкой.

— Теперь всё?

Аканэ подняла с пола его зонт.

— Ещё это.

Он забрал зонт.

— Спасибо.

— Телефон.

Рэн проверил карманы.

Телефон лежал на кухонном столе.

Он быстро вернулся, схватил его и снова оказался у двери.

Аканэ стояла, сложив руки на груди.

— Без меня ты действительно не выживешь.

— Я тороплюсь.

— Кто виноват, что ты слишком долго готовил завтрак?

— Человек, который лёг на мою руку.

— Ничего не доказано.

Рэн открыл дверь.

— До встречи, Тачибана.

— Курода.

Он обернулся.

Аканэ смотрела на него неожиданно серьёзно.

— Спасибо, что остался.

Рэн вспомнил дождь.

Её голову на своём плече.

Тихое «не уходи».

— Спасибо, что позволила, — ответил он.

На её лице появилась мягкая улыбка.

— Беги уже.

Рэн вышел в коридор.

Дверь закрылась.

Он сделал несколько шагов к лестнице и только тогда понял, что всё ещё улыбается.

До своей квартиры Рэн добежал за шесть минут.

Тренировки наконец принесли практическую пользу, не связанную с драками.

Он быстро принял душ, переоделся в светлую рубашку и тёмные брюки, собрал документы и снова выбежал на улицу.

На часах было восемь двенадцать.

До университета оставалось около километра.

Рэн ускорился.

Когда он вошёл в аудиторию, куратор уже раскладывал бумаги на кафедре.

До начала оставалось две минуты.

Несколько студентов обернулись на открывшуюся дверь.

Рэн остановился.

В аудитории он не появлялся почти год. Дистанционное обучение избавило его от необходимости видеть однокурсников, а большинство из них помнили прежнего Куроду — худого, тихого и старающегося не привлекать внимания.

Сейчас взгляды задержались на нем дольше обычного.

Кто-то не узнал.

Кто-то узнал и удивился.

Две девушки в среднем ряду о чём-то быстро зашепта-

лись.

Рэн почувствовал знакомое желание пройти в самый конец аудитории и сесть там, где его никто не тронет.

Затем увидел Аканэ.

Она сидела в четвёртом ряду возле окна и смотрела прямо на него.

Рядом оставалось свободное место.

Тачибана похлопала ладонью по стулу.

Рэн направился к ней.

Шепот в аудитории стал заметнее.

— Ты всё-таки успел, — тихо сказала она, когда он сел.

— Сомневалась?

— До последнего.

— Где моё расписание?

— Даже не здороваешься?

— Мы расстались двадцать минут назад.

— За это время многое могло произойти.

— Например?

Она осмотрела его рубашку.

— Например, ты успел переодеться во что-то подозрительно приличное.

— Это обычная рубашка.

— Она раньше была свободнее.

Рэн посмотрел на рукава, немного натянутые на предплечьях.

— Другой нет.

— Нужно сходить за одеждой.

— Когда?

— После рынка материалов.

— Ты уже составляешь мне расписание?

— Кто-то должен.

Девушка, сидевшая перед ними, обернулась.

— Простите... Курода?

Рэн кивнул.

Она несколько секунд изучала его лицо.

— Ты действительно Курода Рэн?

— Насколько мне известно.

— Ничего себе.

Девушка повернулась к соседке и что-то прошептала.

Аканэ проводила её взглядом.

— «Ничего себе», — повторила она едва слышно.

— Что?

— Ничего.

— Ты недовольна?

— Почему я должна быть недовольна?

— Не знаю. Ты странно на неё посмотрела.

— Она мешала куратору готовиться.

— Куратор ещё не начал.

— Тем более. Нужно уважать предварительную тишину.

Рэн сдержал улыбку.

— Тачибана.

— Что?

— Ты снова ревнуешь.

Она резко повернулась к нему.

— Я не ревную.

— Утром тоже так говорила.

— Потому что это правда.

— Тогда почему ты злишься?

— Потому что человек впереди нарушает дисциплину.

— Она просто спросила мое имя.

— И получила ответ. Теперь может больше не оборачиваться.

Рэн хотел продолжить, но куратор поднялся и попросил всех замолчать.

Аканэ выпрямилась и открыла блокнот.

Рэн наклонился к ней.

— Очень убедительно.

Она не повернула головы.

Под столом её нога наступила ему на ботинок.

Организационное собрание продолжалось почти два часа.

Куратор раздал расписание, объяснил изменения в программе второго курса, перечислил требования к практике и напомнил о весенних клубных мероприятиях.

Рэн записывал только самое важное.

Аканэ записывала всё.

Первые двадцать минут.

Затем на полях её блокнота появились небольшие рисунки.

Сначала сердитый кот.

Потом человек с огромными плечами и слишком маленькой головой.

Рэн посмотрел на рисунок.

— Это я?

Аканэ прикрыла страницу рукой.

— Слушай куратора.

— Голова не настолько маленькая.

— Это художественное преувеличение.

— Почему у меня нет шеи?

— Она потерялась в мышцах.

— Очень смешно.

— Я старалась.

Рэн взял её карандаш и добавил рядом маленькую девушку с растрепанными волосами и кастрюлей в руках.

Аканэ посмотрела на рисунок.

— Почему я такая низкая?

— Художественное преувеличение.

— А кастрюля зачем?

— Твоё главное оружие.

Она забрала карандаш и нарисовала девушке копьё.

— Теперь правильно.

Куратор внезапно замолчал.

Рэн и Аканэ подняли головы.

Вся аудитория смотрела на них.

— Курода, Тачибана, — произнес куратор. — Рад, что

вы снова можете обсуждать важные вопросы лично. Но, возможно, поделитесь ими со всеми?

Аканэ закрыла блокнот.

— Мы обсуждали распределение учебной нагрузки.

Куратор посмотрел на Рэна.

— Это правда?

Он бросил взгляд на рисунок девушки с кастрюлей и копьем.

— Очень сложная тема.

По аудитории прошел смех.

Куратор устало поправил очки.

— После собрания задержитесь на пять минут.

Аканэ наклонилась к Рэну.

— Это ты виноват.

— Рисовать начала ты.

— Но заговорил первым ты.

— Это не преступление.

— После разговора с куратором узнаем.

Рэн посмотрел на неё.

Она пыталась выглядеть возмущенной, но уголки губ подрагивали.

Девять месяцев назад он бы покраснел, опустил голову и больше не произнес ни слова до конца собрания.

Сейчас ему было почти весело.

Куратор ограничился короткой просьбой вести себя тише.

Когда они вышли из аудитории, коридоры уже наполни-

лись студентами. Кто-то обсуждал расписание, кто-то искал преподавателей, а возле доски объявлений собралась очередь из желающих записаться в университетские клубы.

— Есть хочешь? — спросила Аканэ.

— Мы завтракали два часа назад.

— Это не ответ.

— Немного.

— Тогда пойдём в кафе.

— У тебя сегодня занятия?

— Только собрание.

— У меня тоже.

Они спустились на первый этаж и вышли во внутренний двор.

После дождя воздух оставался прохладным и свежим. Между облаками пробивалось солнце, а на мокром асфальте отражались корпуса университета.

Несколько студентов снова проводили Рэна взглядом.

Он старался не обращать внимания.

Аканэ обращала за двоих.

— Ты раньше был незаметнее, — сказала она.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— Тебе не нравится?

— Мне всё равно.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Но собирался.

Они вошли в небольшое университетское кафе. Почти все столики были заняты, но возле окна нашлось свободное место на двоих.

Рэн заказал кофе и сэндвич. Аканэ взяла чай и небольшой клубничный десерт.

— Ты же недавно ела пирожные, — заметил он.

— Вчера.

— Прошло меньше суток.

— Именно поэтому пора обновить запас клубники в организме.

Рэн сел напротив нее.

Аканэ сняла с десерта ягоду и несколько секунд держала её вилкой.

— Даже не надейся, — сказала она.

— Я ничего не просил.

— Но посмотрел.

— На тебя.

Слова сорвались прежде, чем Рэн успел их остановить.

Аканэ замерла.

Клубника осталась висеть между тарелкой и её губами.

— Что?

Рэн взял кофе.

— Ты сидишь напротив. Куда ещё мне смотреть?

— В окно.

— Там мокрый двор.

— Он тоже заслуживает внимания.

Рэн сделал глоток.

Аканэ медленно съела ягоду, продолжая следить за ним.

— Ты правда стал другим, — сказала она.

— Мы уже обсуждали.

— Раньше ты бы так не ответил.

— Как?

— Спокойно.

— А как ответил бы раньше?

Она задумалась.

— Покраснел бы. Начал оправдываться. Возможно, уронил чашку.

— Я не был настолько беспомощным.

— Однажды ты пролил чай, потому что я сказала, что тебе идёт новая причёска.

— Чашка стояла неудобно.

— В твоей руке?

— Особенно неудобное место.

Аканэ рассмеялась.

Рэн смотрел на неё и думал, что скучал именно по этому звуку.

Не по переписке.

Не по фотографиям.

Не по редким видеозвонкам.

По ее настоящему смеху, который невозможно было пе-

редать через экран.

Телефон в его кармане завибрировал.

Рэн достал его.

На экране высветилось имя Гэндзо.

Улыбка исчезла.

Аканэ заметила перемену.

— Дедушка?

— Да.

Сообщение состояло из одной строки.

Гэндзо:

Кайто сообщит, когда ты должен приехать.

Рэн перечитал её.

Он никому не давал права решать, когда вернётся в поместье.

Пальцы сильнее сжали телефон.

— Что-то случилось? — спросила Аканэ.

— Нет.

— Ты опять так говоришь.

Рэн положил телефон экраном вниз.

— Дед хочет, чтобы я приехал.

— Ему стало хуже?

— Нет. Просто хочет поговорить.

— Тогда съезди.

— Я только вернулся.

Ответ прозвучал резче, чем требовалось.

Аканэ опустила вилку.

— Я не заставляю.

— Знаю.

— Вы поссорились?

Рэн посмотрел в окно.

— Можно сказать и так.

— Из-за чего?

— Он хочет, чтобы я занимался семейными делами.

— Какими?

— Бизнесом.

Это было достаточно близко к правде.

У клана Курода действительно были вполне законные активы: недвижимость, рестораны, транспортные фирмы и охранные агентства.

Но настоящие семейные дела происходили далеко от офисов.

— А ты не хочешь? — спросила Аканэ.

— Нет.

— Почему?

Рэн перевёл взгляд на неё.

— Потому что тогда не смогу жить так, как хочу.

— А как ты хочешь?

Вопрос оказался неожиданно сложным.

Раньше у Рэна не было чёткого ответа.

Он хотел закончить университет. Помогать дяде. Возможно, когда-нибудь открыть собственное дело.

Главное — жить спокойно.

Без оружия.

Без людей, склоняющих головы.

Без приказов, после которых кто-то исчезает.

Сейчас он смотрел на Аканэ и понимал, что обычная жизнь больше не казалась абстрактной.

Она сидела напротив него.

Держала вилку с остатками крема.

Сердилась на чужие взгляды.

Рисовала его без шеи.

— Вот так, — ответил Рэн.

— В кафе?

— В университете.

— Со мной?

Он встретил её взгляд.

— В том числе.

Аканэ перестала улыбаться.

Между ними возникла тишина.

Рэн понял, что сказал слишком много.

Но забирать слова обратно не хотел.

— Понятно, — тихо произнесла она.

Её щёки слегка порозовели.

Аканэ снова взяла вилку.

— Тогда не позволяй ему решать за тебя.

— Не позволю.

— Хорошо.

Она подвинула к нему тарелку.

На ней оставался последний кусок десерта.

— Это ещё что?

— Поддержка.

— Ты отдаёшь мне клубничный десерт?

— Только половину.

— Здесь меньше половины.

— Не придирайся к добрым поступкам.

Рэн взял вилку.

— Спасибо.

— Не привыкай.

После кафе они прошли через университетский двор к студенческим апартаментам.

Солнце окончательно вышло из-за облаков. Лужи быстро высыхали, а с ветвей деревьев падали редкие капли.

Аканэ рассказывала о преподавателе по композиции, который требовал переделывать один проект уже в шестой раз. Рэн слушал, иногда задавая вопросы, хотя большую часть истории она сопровождала настолько выразительными жестами, что пояснения почти не требовались.

Возле входа в апартаменты Аканэ остановилась.

— Зайдёшь?

Рэн посмотрел на часы.

Было около четырех.

— Сегодня не могу.

— Почему?

— Дядя просил помочь в кондитерской.

Это было правдой.

После девяти месяцев отсутствия Рэн обещал выйти хотя бы на несколько часов.

— До скольких?

— Наверное, до восьми.

— Тогда увидимся завтра утром.

— Зачем?

— Позавтракаем.

— Мы завтракали вместе сегодня.

— И?

— Ничего.

Аканэ улыбнулась.

— В семь у меня.

— Слишком рано.

— В семь пятнадцать.

— Щедро.

— Не опаздывай.

Рэн развернулся, собираясь уйти.

— Курода.

Он остановился.

Аканэ стояла на верхней ступени, поэтому их лица оказались почти на одном уровне.

— Сегодня было хорошо, — сказала она.

— Собрание?

— Не порть момент.

— Тогда кафе?

— Всё.

Рэн посмотрел на неё.

— Мне тоже.

Несколько секунд никто не двигался.

Аканэ будто хотела сказать что-то ещё.

Но в этот момент дверь за её спиной открылась, и из здания вышли две студентки. Они поздоровались с Аканэ и с интересом посмотрели на Рэна.

Он отступил.

— До завтра, Тачибана.

— До завтра.

Рэн направился к улице.

Он чувствовал её взгляд до самого поворота.

В кондитерской оказалось шумнее обычного.

Начало нового учебного года всегда увеличивало поток посетителей. Студенты заходили за кофе, родители покупали подарочные наборы, а у витрины с сезонными сладостями выстроилась небольшая очередь.

Дядя встретил Рэна, протягивая ему фартук.

— Надевай.

— Я даже не поздоровался.

— Вчера здоровался. Сегодня работай.

Рэн переоделся и занял место на кухне.

Следующие четыре часа прошли почти без остановки. Он переносил противни, украшал пирожные, готовил начинки и помогал у стойки, когда сотрудников не хватало.

Работа была знакомой.

Простой.

Понятной.

Никто не требовал от него бить человека до тех пор, пока тот не перестанет подниматься.

Никто не называл будущим главой.

Самой серьезной ошибкой мог стать слишком жидкий крем.

И всё же сообщение Гэндзо не выходило из головы.

Кайто сообщит, когда ты должен приехать.

Не попросит.

Не предложит.

Сообщит.

К концу смены напряжение поселилось между лопатками. Рэн стал чаще сжимать челюсть и дважды едва не сломал кондитерский мешок.

Дядя заметил.

— Иди подыши, — сказал он.

— Я в порядке.

— Ещё раз так скажешь — выгоню на улицу насильно.

Рэн снял фартук и вышел через служебную дверь.

За кондитерской находился узкий двор, отделённый от улицы невысокой стеной. Здесь хранили пустые ящики и мешки для мусора. Посетители сюда не заходили.

Рэн прислонился к стене.

Несколько секунд просто стоял.

Затем достал из внутреннего кармана пачку сигарет.

Он не курил со вчерашней ночи.

Почти целый день.

Рэн вынул одну сигарету, зажал её губами и щёлкнул зажигалкой.

Первую затяжку он сделал слишком глубоко.

Дым обжег горло.

Напряжение не исчезло, но стало привычнее.

Управляемое.

Рэн закрыл глаза.

Перед ним снова возникло поместье.

Гэндзо за низким столом.

Кайто у него за спиной.

Кровь на камнях.

— Курода?

Рэн открыл глаза.

У входа во двор стояла Аканэ.

В руках она держала бумажный пакет с логотипом кондитерской.

Несколько секунд никто не двигался.

Ее взгляд медленно опустился к сигарете между его пальцами.

Потом к зажигалке.

И снова поднялся к лицу.

— Ты куришь? — спросила она.

Рэн выпрямился.

Первой мыслью было спрятать сигарету.

Бессмысленно.

Второй — сказать, что просто держит её для кого-то другого.

Ещё хуже.

Он затушил сигарету о край переносной пепельницы.

— Иногда.

Аканэ подошла ближе.

— С каких пор?

— Не так давно.

— Насколько не так давно?

Рэн убрал пепельницу в карман.

— Несколько месяцев.

— В поместье?

— Да.

Она остановилась в паре шагов от него.

На её лице не было привычной злости.

Только разочарование.

Оно оказалось тяжелее любого крика.

— Почему ты не сказал?

— Не считал важным.

— Не считал важным?

— Я курю редко.

— Насколько редко?

— Когда нужно успокоиться.

— И часто тебе нужно успокоиться?

Рэн не ответил.

Аканэ посмотрела на пачку в его руке.

— Сегодня что случилось?

— Ничего.

— Значит, ты вышел за кондитерскую и закурил без причины?

— Тачибана.

— Что?

— Не начинай.

Едва слова прозвучали, Рэн понял, что снова ошибся.

Аканэ отступила на полшага.

— Не начинать что?

— Допрос.

— Я задаю обычные вопросы.

— На которые не могу ответить.

— Или не хочешь?

— И то и другое.

Она сжала бумажный пакет.

— Вчера ты обещал не делать вид, что всё нормально.

— Я не говорил, что всё нормально.

— Ты только что сказал, что ничего не случилось.

Рэн отвернулся.

За стеной проезжали машины. Из открытой двери кондитерской доносился звон посуды.

— Дед написал, — произнес он.

Аканэ немного расслабила пальцы.

— Поэтому?

— Не только.

— Тогда из-за чего ещё?

Рэн посмотрел на неё.

Он не мог рассказать.

О девушке.

О ноже.

О кошмарах.

О том, как впервые закурил через несколько дней после ее смерти, потому что дым хотя бы на минуту заставлял думать о собственном дыхании, а не о ее лице.

— Не могу, — тихо сказал он.

Аканэ опустила взгляд.

— Понятно.

— Тачибана...

— Нет, непонятно.

Она снова посмотрела ему в глаза.

Теперь в них появилась злость.

— Я стараюсь не давить. Правда стараюсь. Ты говоришь, что не можешь рассказать — я отступаю. Говоришь, что девушка хочет втянуть тебя в семейный бизнес, — я не спрашиваю, что это за бизнес. У тебя руки в шрамах, ты реагируешь на любое движение быстрее, чем успеваешь подумать, и иногда смотришь так, будто снова находишься не здесь.

Рэн молчал.

— Но потом я случайно нахожу тебя с сигаретой, — про-

должила она. — И ты говоришь, что это неважно.

— Я не хотел, чтобы ты беспокоилась.

— Поздно.

Её голос дрогнул.

Совсем немного.

Рэн почувствовал знакомое чувство вины.

— Прости.

— За что именно?

— За то, что скрыл.

— Ты собирался когда-нибудь сказать?

Он посмотрел на сигарету, потушенную почти сразу после первой затяжки.

— Не знаю.

Аканэ тихо выдохнула.

— Ты хотя бы понимаешь, что это вредно?

— Понимаю.

— Тогда почему продолжаешь?

— Потому что помогает.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно.

— Что?

— Не помогает. Тебе кажется, что помогает.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты всё равно выглядишь несчастным.

Слова ударили точно.

Рэн отвел взгляд.

Аканэ подошла ещё ближе.

— Я не буду требовать, чтобы ты рассказал всё прямо сейчас, — сказала она тише. — Но не лги мне в лицо.

— Я не...

Он остановился.

Именно это он и делал.

С момента возвращения.

Лгал о деде.

О поместье.

О тренировках.

О причинах шрамов.

О сигаретах.

— Хорошо, — произнес Рэн. — Не буду.

— И брось курить.

Он поднял глаза.

— Это не так просто.

— Ты только что сказал, что куришь редко.

— Редко.

— Тогда должно быть проще.

Рэн сжал пачку.

Табак внутри тихо хрустнул.

— Тачибана...

— Я не прошу тебя стать прежним Куродой.

Он замер.

— Я вижу, что ты изменился. И не всё из этого плохо. Но я не хочу смотреть, как ты разрушаешь себя из-за того, о чём

отказываешься говорить.

В ее голосе больше не было злости.

Только тревога.

Настоящая.

Рэн вспомнил, как ночью она прижалась к его плечу и попросила не уходить.

— Хорошо, — сказал он.

Аканэ внимательно посмотрела на него.

— Что хорошо?

— Брошу.

— Правда?

— Постараюсь.

— Это не тот ответ.

— Другого пока нет.

Она нахмурилась.

Рэн разжал ладонь и посмотрел на смятую пачку.

— Я обещаю, что постараюсь бросить.

Аканэ несколько секунд молчала.

Затем кивнула.

— Ладно.

— Ты пришла сюда из-за меня?

Она будто только сейчас вспомнила о пакете.

— Я купила пирожные.

— В кондитерской, где я работаю?

— Да.

— Зачем?

— Хотела проверить, действительно ли ты здесь.

— Могла написать.

— Тогда ты бы ответил «да».

— Это был бы честный ответ.

— После сегодняшнего я решила проверить лично.

Рэн принял пакет.

Внутри лежали два небольших пирожных с клубникой.

— Ты купила их у моего дяди?

— Он сделал скидку.

— Значит, сразу понял, для кого?

— Он спросил, несу ли я их его перекачанному бездельнику.

Рэн прикрыл глаза.

— Понятно.

— Ещё сказал, что ты сегодня раздражительный.

— Он слишком много говорит.

— Значит, я пришла вовремя.

Аканэ посмотрела на его руку.

— Отдай сигареты.

Рэн поднял пачку.

— Сейчас?

— Да.

— Я сказал, что постараюсь.

— Постараться можно без полного кармана.

Он несколько секунд смотрел на пачку.

Потом убрал её обратно.

Аканэ нахмурилась.

— Курода.

— Я выброшу сам.

— Когда?

— Сегодня.

Она явно не поверила.

Но не стала спорить.

— Хорошо.

Разочарование снова появилось в ее взгляде.

Рэн не выдержал.

— Тачибана.

— Что?

Он шагнул к ней.

Аканэ не отступила.

Рэн обнял её.

Решение оказалось настолько внезапным, что он сам понял, что делает, лишь когда её тело оказалось прижато к нему.

Аканэ замерла.

Её руки остались опущенными.

Рэн уже собирался отступить, но она медленно обняла его в ответ.

Ладони легли ему на спину.

— Прости, — тихо сказал он.

— Ты уже говорил.

— Я знаю.

— И всё равно продолжаешь извиняться.

— Больше ничего не умею.

— Неправда.

Она прижалась щекой к его груди.

— Ты умеешь готовить.

Рэн тихо усмехнулся.

— Очень полезный навык.

— И отдавать клубнику.

— Иногда.

— И появляться через девять месяцев так, будто ничего не произошло.

— Это тоже навык?

— Очень раздражающий.

Они стояли посреди узкого служебного двора. Вокруг пахло влажным асфальтом, выпечкой и остатками сигаретного дыма.

Рэн чувствовал ее руки на своей спине.

Тепло.

Уверенность.

Тачибана вообще редко его обнимала. Обычно в шутку, после удачного экзамена или когда хотела что-то получить.

Сейчас в этом не было ничего шутливого.

— Я верю тебе, — сказала она.

Рэн закрыл глаза.

— Не стоит.

Аканэ сразу отстранилась настолько, чтобы посмотреть

ему в лицо.

— Не решай за меня.

— Я постоянно тебе лгу.

— Тогда перестань.

— Это сложнее, чем кажется.

— Я не говорила, что будет легко.

Она снова прижалась к нему.

— Но если ты пообещал постараться, я буду верить, пока ты сам не докажешь обратное.

Рэн смотрел поверх ее головы на мокрую стену.

Он не заслуживал такого доверия.

Но отчаянно хотел его сохранить.

— Хорошо, — тихо произнес он.

Аканэ ушла через несколько минут.

Перед этим ещё раз напомнила о завтраке в семь пятнадцать и потребовала написать, когда Рэн вернется домой.

Он вернулся в кондитерскую.

Дядя стоял за стойкой и протирал чашку.

— Долго дышал.

Рэн надел фартук.

— Были причины.

— Симпатичные?

— Не начинай.

— Значит, симпатичные.

Рэн прошёл на кухню.

За спиной раздался тихий смех.

Оставшаяся часть смены прошла спокойнее.

В девять вечера Рэн закрыл служебную дверь, попрощался с сотрудниками и отправился домой.

В кармане всё ещё лежала пачка.

Он чувствовал её при каждом шаге.

Квартира встретила его тишиной.

Рэн включил свет, поставил сумку у стены и написал Аканэ.

Курода:

Дома.

Ответ пришел почти сразу.

Тачибана:

Хорошо.

Сигареты выбросил?

Рэн достал пачку.

Она была смята, но внутри оставалось несколько сигарет.

Курода:

Сейчас.

Он вышел на балкон.

Ночной город казался особенно тихим после грозы. Внизу проезжали редкие машины, а над крышами висело чистое темное небо.

Рэн вынул одну сигарету.

Последнюю.

По крайней мере, он хотел, чтобы она стала последней.

Остальные можно было выбросить.

Но эту он уже достал.
Он зажал её губами и щёлкнул зажигалкой.
Огонёк осветил пальцы.
Рэн сделал затяжку.
Дым наполнил легкие знакомой горечью.
Не успокаивал.
Просто был знакомым.
Телефон в его руке завибрировал.
На экране появилось новое сообщение.
Тачибана:
Ты же обещал.
Рэн замер.
Он посмотрел на сигарету.

Потом на светящееся имя Аканэ.

Она не могла видеть его с балкона своих апартаментов. Не могла знать, что он делает.

И всё же знала.

Рэн затушил сигарету после единственной затяжки.

Куроода:

Помню.

Несколько секунд спустя пришел ответ.

Тачибана:

Тогда верю.

Рэн долго смотрел на эти два слова.

Затем вернулся в комнату и положил смятую пачку, зажигалку и переносную пепельницу на стол.

Он не выбросил их.

Пока.

Но больше не закурил.

В ту ночь ему снова приснился переулок.

Девушка стояла под дождём и смотрела на него.

Однако впервые за долгое время за её спиной слышался другой голос.

Спокойный и упрямый.

Тогда верю.

Глава 5. Признание

2 апреля

В шесть утра город еще не успел окончательно проснуться.

Улицы Хосикавы оставались почти пустыми. Редкие машины проезжали по влажному после недавнего дождя асфальту, возле круглосуточного магазина разгружали коробки, а за окнами первых этажей постепенно загорался свет.

Рэн бежал вдоль набережной.

Холодный воздух обжигал лёгкие. Равномерные удары подошв о дорожку заглушали мысли, а тело двигалось привычно, почти самостоятельно.

Вдох на четыре шага.

Выдох на четыре.

Не сбиваться.

Не останавливаться.

В поместье утренняя пробежка никогда не была просто разминкой. За Рэном следил наставник. Если он замедлялся, дистанцию увеличивали. Если жаловался на боль — заставляли повторить маршрут вечером.

Теперь никто не стоял за спиной.

Он мог остановиться в любой момент.

Но продолжал бежать.

Так было проще не думать о сообщении Гэндзо.

О Кайто.

О сигаретах, всё ещё лежавших на столе.

И о Тачибане.

Последнее получалось хуже всего.

Рэн снова вспомнил её поцелуй в макушку за вчерашним завтраком.

Объятие во дворе кондитерской.

Тихое:

Я верю тебе.

До отъезда он никогда не рассматривал их отношения как нечто, требующее объяснения. Тачибана просто была рядом.

Лучшей подругой.

Человеком, который знал его дольше большинства родственников.

Девушкой, способной без стука войти в его квартиру, проверить холодильник и устроить скандал из-за лапши быстрого приготовления.

Во время жизни в поместье всё изменилось.

В самые тяжёлые дни Рэн думал не о родителях и не о квартире.

Он представлял, как возвращается к Тачибане.

Как она ругает его за долгое отсутствие.

Как заставляет поесть.

Как рассказывает о преподавателях, костюмах и сгоревшем паяльнике.

Тогда он называл это тоской по нормальной жизни.

Теперь это объяснение казалось слишком удобным.

Рэн ускорился.

Холодный воздух сильнее обжег горло.

После вчерашнего разговора он почти не спал. Каждый раз, когда закрывал глаза, видел Аканэ у двери кондитерской.

Не разочарованную.

Не сердитую.

Обнимающую его.

Телефон в кармане спортивной куртки завибрировал.

Рэн не остановился.

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

Затем третье.

Он замедлил шаг и достал телефон.

Тачибана:

Ты уже проснулся?

Тачибана:

Хотя кого я обманываю.

Ты наверняка опять бегаешь.

Тачибана:

В семь пятнадцать у меня.

Опоздаешь — останешься без завтрака.

Рэн посмотрел на время.

06:38.

До ее апартаментов было около двух километров.

Он убрал телефон.

— Успею.

И побежал быстрее.

В семь часов семнадцать минут Рэн стоял перед дверью Аканэ.

Он успел вернуться домой, принять быстрый душ и переодеться. Правда, высушить волосы полностью не получилось, поэтому несколько темных прядей все еще падали на лоб.

Рэн нажал кнопку звонка.

За дверью слышались шаги.

Вчера он уже пережил первую встречу после девяти месяцев разлуки.

Поэтому считал себя готовым.

Дверь открылась.

Рэн понял, что ошибался.

Аканэ стояла перед ним в свободной темно-зеленой пижаме. Верхняя пуговица рубашки была расстегнута, один рукав немного подвернут, а длинные медно-красные волосы совершенно не слушались и падали на лицо.

В одной руке она держала деревянную лопатку.

В другой — кружку.

— Ты опоздал, — сказала она.

Рэн посмотрел на часы.

— На две минуты.

— Правила есть правила.

— Значит, завтрака не будет?

Аканэ задумалась.

— Будет. Но только потому, что я уже приготовила слишком много.

— Очень великодушно.

— Я стараюсь.

Она отступила, пропуская его внутрь.

Рэн снял обувь.

На кухне что-то зашипело.

Аканэ замерла.

— Что у тебя на плите?

— Ничего опасного.

Из кухни донесся подозрительный треск.

Она бросилась туда.

Рэн повесил куртку и последовал за ней.

На сковороде жарились оладьи. Один уже почернел по краям, а второй медленно сползал на плиту.

Аканэ подхватила его лопаткой.

— Всё под контролем.

— Вижу.

— Ни слова.

— Я молчу.

— Но улыбаешься.

— Это запрещено?

— Сегодня — да.

Рэн подошёл ближе и уменьшил огонь.

— Слишком высокая температура.

— Я знаю.

— Тогда почему не уменьшила?

— Потому что открывала тебе дверь.

— Значит, я виноват?

— Наконец-то понял.

Он взял вторую лопатку.

— Давай помогу.

— Ты гость.

— После вчерашнего второго пирожного мой статус закончился.

Аканэ посмотрела на него.

— Ты запомнил?

— Конечно.

— Тогда займись кофе.

— Я думал, мне доверят что-нибудь серьёзное.

— Сначала докажи, что способен не испортить воду.

Рэн взял кружки.

— Вчера я приготовил тебе завтрак.

— Но это было вчера. Сегодня начинается новый испытательный срок.

— Сколько он продлится?

— Посмотрим на поведение.

Аканэ перевернула очередной оладушек.

Он приземлился ровно в центре сковороды.

Она победно посмотрела на Рэна.

— Видел?

— Случайность.

— Завидууй молча.

Следующий оладушек сложился пополам.

Рэн отвернулся к кофеварке, скрывая улыбку.

— Я всё вижу, — предупредила Аканэ.

— Даже спиной?

— Особенно спиной.

Завтракали они возле окна.

На столе стояли оладьи, фрукты, кофе и небольшая миска с клубничным вареньем. Аканэ щедро намазала им свой первый оладушек и потянулась за вторым.

— Ты точно собираешься всё это съесть? — спросил Рэн.

— Я растущий организм.

Его взгляд невольно скользнул по её фигуре.

Аканэ заметила.

Конечно заметила.

Она медленно опустила вилку.

— Какие-нибудь возражения?

Рэн поднял глаза к ее лицу.

— Никаких.

— Тогда почему смотришь?

— Проверяю результаты роста.

На несколько секунд воцарилась тишина.

Рэн сам не понял, зачем это сказал.

Вероятно, недосып повлиял на осторожность.

Щёки Аканэ начали медленно краснеть.

— И как? — спросила она.

Теперь замолчал Рэн.

Аканэ слегка наклонилась вперёд.

— Курода?

— Что?

— Ты сам начал.

— Результаты заметны.

— Насколько?

Рэн взял кружку.

— Достаточно.

— Очень конкретно.

— Ты хочешь услышать точные измерения?

Аканэ тоже потянулась за кофе.

— Не думаю, что ты их знаешь.

— И не должен.

— Значит, всё-таки интересовался?

Рэн сделал глоток.

Кофе оказался слишком горячим.

Он едва не поперхнулся.

Аканэ удовлетворенно улыбнулась.

— Прежний Курода вернулся.

— Никуда он не уходил.

— Иногда я сомневаюсь.

Она снова занялась завтраком.

Рэн посмотрел в окно.

Солнце поднималось над крышами, окрашивая влажные

после дождя улицы в золотистый цвет. День обещал быть ясным.

Обычным.

Но рядом с Тачибаной уже второй день подряд ничего не ощущалось обычным.

— Сегодня вечером работаешь? — спросила она.

— Нет.

— Значит, свободен?

— После занятий — да.

— Хорошо.

— Зачем спрашиваешь?

— Просто уточнила.

— Для чего?

— Курода, человеку иногда может быть интересно расписание своего друга без скрытого умысла.

— У тебя всегда есть скрытый умысел.

— Неправда.

— Вчера ты пришла в кондитерскую якобы за пирожными.

— Я действительно их купила.

— Чтобы проверить меня.

— Одно другому не мешает.

Рэн покачал головой.

Аканэ отломил кусок оладушка.

— А ты сегодня курил?

Вопрос прозвучал спокойно.

Рэн посмотрел на неё.

— Нет.

— Хотел?

Он вспомнил пачку на столе.

— Утром — нет.

— А ночью?

— Несколько раз.

Аканэ перестала жевать.

Рэн ожидал упрека, но она лишь кивнула.

— И не стал.

— Не стал.

— Хорошо.

Она улыбнулась.

Просто и искренне.

Рэн почувствовал странное тепло в груди.

— Тачибана.

— М-м?

— Тебе не обязательно постоянно контролировать меня.

— Я не контролирую.

— Вчера ты потребовала отдать сигареты.

— Это была добровольная конфискация.

— Добровольная?

— Ты мог отказаться.

— Я отказался.

— Именно поэтому ничего не конфисковала.

— Очень великодушно.

— Я стараюсь.

Рэн смотрел на нее несколько секунд.

— Спасибо.

Аканэ замерла.

— За что?

— За то, что стараешься.

Она отвела взгляд к тарелке.

— Ешь, пока не остыло.

— Уже почти всё съел.

— Тогда ешь медленнее.

— Зачем?

— Чтобы не уходить раньше времени.

Слова прозвучали тихо.

Аканэ будто сама не ожидала, что произнесет их вслух.

Рэн почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— У нас занятия, — напомнил он.

— Знаю.

— Тогда почему...

— Забудь.

Она поднялась из-за стола и забрала пустые тарелки.

— Мне еще нужно переодеться.

Рэн проводил её взглядом.

— Я могу помыть посуду.

— Можешь.

— Даже испытательного срока не будет?

— За посуду отвечаешь лично.

Аканэ скрылась в небольшой спальне.

Рэн перенёс тарелки к раковине.

Через несколько секунд из комнаты донёсся её голос:

— Курода!

— Что?

— Ты не видел мою белую рубашку?

— Почему я должен знать, где твоя одежда?

— Ты вчера сидел возле шкафа.

— И?

— Мог запомнить.

Рэн оглядел комнату.

На спинке стула висела сложенная белая ткань.

— На стуле.

— Принеси!

— Ты не можешь выйти?

— Нет.

— Почему?

За дверью возникла пауза.

— Потому что я переодеваюсь.

Рэн посмотрел на рубашку.

Потом на закрытую дверь.

— Тогда подожди.

— Я опаздываю.

— До занятий еще больше часа.

— Для девушки это называется «опаздываю».

— Понятно.

Он взял рубашку и подошёл к спальне.

— Куда положить?

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Из щели появилась рука.

— Сюда.

Рэн протянул рубашку.

В тот же момент дверь открылась шире.

Аканэ попыталась одновременно забрать одежду и отступить, но ногой зацепилась за лежавшую на полу сумку.

Она потеряла равновесие.

Рэн машинально шагнул вперёд.

Одной рукой поймал её за талию.

Второй — выше, не успев понять, куда именно легли пальцы.

Аканэ замерла.

Рэн тоже.

На ней оставалась тонкая домашняя майка и наполовину расстегнутая юбка. Его ладонь лежала на ее обнаженной талии, под зажавшимся краем майки.

Другая рука коснулась её сбоку, слишком близко к груди.

Лица оказались почти рядом.

Аканэ медленно опустила взгляд.

Сначала на его руку у себя на талии.

Затем на вторую.

Рэн мгновенно отступил.

— Прости.

Аканэ прижала рубашку к груди.

Её лицо стало ярко-красным.

— Ты это специально?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Очень уверенно.

— Ты падала.

— И поэтому решил проверить всё сразу?

— Я тебя ловил.

— Обеими руками?

— Обычно именно так и ловят людей.

Аканэ посмотрела на него.

Рэн выдержал её взгляд несколько секунд.

Затем отвернулся.

— Прости, — повторил он. — Я правда не хотел...

— А если бы хотел?

Он снова посмотрел на неё.

На губах Аканэ появилась едва заметная улыбка, хотя щёки всё ещё горели.

— Что?

— Если бы это было специально, — произнесла она. — Ты уверен, что я бы возражала?

Рэн перестал дышать.

Аканэ тоже будто только сейчас поняла, что сказала.

Несколько секунд никто не двигался.

Затем она резко закрыла дверь.

Рубашка осталась у неё.

Рэн — в коридоре.

Он смотрел на деревянную поверхность перед собой.

— Тачибана?

— Иди мыть посуду!

— Ты в порядке?

— Курода!

— Уже ухожу.

Рэн вернулся на кухню.

Вода в раковине всё ещё текла.

Он закрыл кран.

Потом снова открыл, потому что забыл, зачем подошел.

За закрытой дверью спальни Аканэ прижималась спиной к стене.

Сердце билось так сильно, что ей казалось: Курода услышит.

Она посмотрела на своё отражение.

— Что ты несёшь?.. — прошептала она.

Отражение не ответило.

Аканэ коснулась пальцами талии.

Там, где несколько секунд назад лежала его ладонь, кожа всё ещё казалась горячей.

Она любила Рэна три года.

Три года ждала, что он хотя бы заметит.

Теперь он вернулся другим.

Сильным.

Спокойным.

Опасно привлекательным.

И вместо того чтобы осторожно проверить его чувства, Аканэ почти прямым текстом сказала, что не возражала бы против его прикосновений.

— Прекрасно.

Она закрыла лицо ладонями.

Сегодняшний день только начинался.

Из апартаментов они вышли в восемь десять.

До университета было около пятнадцати минут спокойным шагом.

Аканэ шла немного впереди.

Слишком быстро.

Рэн догнал её возле первого перекрёстка.

— Ты избегаешь меня?

— Нет.

— Тогда почему идешь так, будто опаздываешь на поезд?

— У меня быстрый шаг.

— Я помню твой обычный шаг.

— За девять месяцев изменился.

— Он тоже расцвел?

Аканэ остановилась.

Рэн едва не столкнулся с ней.

Она медленно повернулась.

— Ты сейчас издеваешься?

— Немного.

— После того, что произошло?

— Это был несчастный случай.

— Я не о падении.

Рэн понял.

— А о чём?

— Сам знаешь.

— Не уверен.

— Курода.

— Тачибана.

— Иногда ты ужасно раздражаешь.

— Раньше ты говорила, что я слишком тихий.

— Теперь начинаю скучать по прежней версии.

— Ложь.

Она прищурилась.

— Почему?

— Вчера сказала, что некоторые изменения тебе нравятся.

— Я такого не говорила.

— Но подумала.

Аканэ несколько секунд смотрела на него.

Затем развернулась и снова пошла вперёд.

На этот раз медленнее.

Рэн направился рядом.

Улицы постепенно заполнялись студентами. Кто-то ехал к университету на велосипеде, кто-то торопился к автобусной остановке. Возле небольшой пекарни уже выставили улич-

ную стойку с напитками.

Несколько девушек, проходивших навстречу, посмотрели на Рэна.

Он не обратил внимания.

Аканэ — обратила.

Она придвинулась немного ближе.

Их руки почти соприкоснулись.

— Тачибана.

— Что?

— Ты опять ревнуешь?

— Не начинай с утра.

— Уже почти половина девятого.

— Это всё ещё утро.

— Значит, после полудня можно?

— Нет.

— Тогда уточняю правила.

— У тебя слишком хорошее настроение.

— А должно быть плохое?

Она посмотрела на него.

Рэн действительно чувствовал себя легче, чем вчера.

Завтрак.

Их шутки.

Даже неловкость возле спальни.

Всё это напоминало жизнь, к которой он хотел вернуться.

Только рядом с Тачибаной теперь постоянно появлялось нечто новое.

Напряжение.

Желание смотреть дольше.

Подходить ближе.

Касаться ее не только случайно.

Именно последняя мысль заставила его отвернуться.

— Курода, — позвала Аканэ.

— М-м?

— Можно спросить?

— Ты всё равно спросишь.

— Правда.

— Тогда спрашивай.

Она несколько шагов молчала.

Впереди уже виднелись корпуса университета.

— Когда ты уехал... — начала Аканэ, — ты хоть иногда скучал по мне?

Рэн посмотрел на неё.

Она не улыбалась.

Не пыталась превратить вопрос в шутку.

— Каждый день, — ответил он.

Аканэ замедлила шаг.

— Правда?

— Да.

— Тогда почему так редко писал?

— Иногда не мог.

— А иногда?

Рэн посмотрел вперёд.

— Не знал, что сказать.

— Можно было написать, что скучаешь.

— Я не думал, что имею право.

— Почему?

Он не мог ответить честно.

Потому что после смерти девушки боялся привязывать к себе кого-то ещё.

Потому что люди, дорогие семье Курода, становились мишенями.

Потому что Гэндзо уже несколько раз напоминал: у будущего главы не бывает обычных отношений.

— Не знаю, — сказал Рэн.

Аканэ опустила взгляд.

— Понятно.

В ее голосе снова появилось разочарование.

Рэн хотел что-то добавить, но она заговорила первой.

— Тогда я скажу.

— Что?

Аканэ остановилась.

До ворот университета оставалось меньше ста метров. Мимо проходили студенты, разговаривали, смеялись, спешили на занятия.

Но она будто перестала их замечать.

Рэн тоже остановился.

Аканэ посмотрела ему прямо в глаза.

Он увидел в её взгляде страх.

Тачибана, которая всегда шла вперед первой, действительно боялась.

— Ты мне нравишься, Курода, — сказала она. — Давно уже.

Шум улицы исчез.

Рэн видел, как движутся люди вокруг.

Слышал далекий сигнал автомобиля.

Но слова Аканэ отделили их от всего остального.

— Что? — только и смог произнести он.

Её лицо покраснело, но она не отвела взгляда.

— Я сказала достаточно ясно.

— Насколько давно?

— Три года.

Рэн смотрел на неё.

Три года.

Еще до отъезда.

До поместья.

До тренировок.

До того, как он сам начал понимать, почему сообщения Тачибаны становились важнее сна.

— Почему не говорила?

Аканэ нервно усмехнулась.

— Потому что ты был безнадежным.

— А сейчас?

— Сейчас тоже. Просто стал красивее.

Рэн почти улыбнулся.

Почти.

Внутри уже поднимался знакомый холод.

Клан.

Гэндзо.

Люди, которые охотились на семью.

Кайто, способный появиться в любой момент.

Тачибана не знала, что призналась не просто студенту.

Она призналась наследнику преступного клана.

Человеку, рядом с которым могла оказаться в опасности.

— Курода? — позвала она.

Он понял, что молчит слишком долго.

— Мне нужно подумать.

Аканэ слегка побледнела.

— Подумать?

— Да.

— Понятно.

Теперь она отвела взгляд.

— У нас занятия, — сказала она. — Пойдём.

— Тачибана...

— Всё нормально.

Рэн вспомнил, сколько раз сам использовал эту фразу.

И впервые понял, насколько жалко она звучит со стороны.

Аканэ пошла к воротам.

Он остался на месте еще на несколько секунд.

Затем последовал за ней.

Но расстояние между ними уже не исчезло.

В первой половине дня у Рэна было две лекции.

Он не слышал почти ни слова.

Преподаватель говорил о структуре предпринимательского проекта, показывал графики и задавал вопросы аудитории. Рэн смотрел на доску, делал записи и через несколько минут обнаруживал, что написал одну и ту же строчку трижды.

Ты мне нравишься, Курода.

Он знал, что должен обрадоваться.

Последние дни он постоянно думал об Аканэ.

Хотел быть рядом.

Замечал её взгляд, фигуру, прикосновения и улыбку.

Во время жизни в поместье именно мысли о ней помогали не потерять себя.

Разве этого было недостаточно?

Он любил её.

Рэн впервые позволил себе сформулировать это прямо.

Не как привязанность.

Не как благодарность.

Не как тоску по обычной жизни.

Он любил Аканэ Тачибану.

Осознание не принесло облегчения.

Стало только страшнее.

Если Рэн ответит взаимностью, она окажется рядом с ним.

Если окажется рядом — Гэндзо узнает.

А затем о ней узнают остальные.

Враги клана больше не представляли угрозы.

Так сказал дед.

Но враги появлялись всегда.

Сегодня одни.

Завтра другие.

Рэн вспомнил девушку в переулке.

Он не смог защитить даже незнакомого человека.

Как мог обещать безопасность Аканэ?

Телефон лежал на столе экраном вниз.

Он ни разу не проверил сообщения.

Боялся увидеть ее имя.

После лекции однокурсник что-то спросил о расписании.

Рэн ответил автоматически и вышел из аудитории через другую дверь, чтобы не встретиться с Тачибаной в коридоре.

В столовую он не пошёл.

Вместо этого купил кофе в автомате и поднялся на крышу учебного корпуса.

Дверь оказалась открыта.

На крыше никого не было.

Рэн подошёл к ограждению.

Ветер трепал волосы и рубашку.

Отсюда виднелся почти весь университетский комплекс: аудитории, библиотека, спортивный зал, внутренний двор.

И Аканэ.

Она стояла возле фонтана с двумя девушками из своей группы. Одна что-то рассказывала, вторая смеялась.

Аканэ тоже улыбалась.

Но Рэн сразу понял, что улыбка ненастоящая.

Телефон завибрировал.

Он достал его.

Тачибана:

Ты где?

Рэн смотрел на сообщение.

Пальцы зависли над клавиатурой.

Он мог ответить.

Спуститься.

Сказать, что тоже любит её.

А затем что?

Рассказать о клане?

О Гэндзо?

О девушке?

О людях, которых казнили во дворе поместья?

Или продолжать лгать, одновременно называя её своей девушкой?

Рэн заблокировал экран.

Телефон снова завибрировал.

Тачибана:

Я не собираюсь требовать ответ прямо сейчас.

Просто не избегай меня.

Он сжал устройство.

Она снова поняла всё раньше него.

Рэн набрал:

Мне нужно время.

Перечитал.

Удалил.

Написал:

Прости.

Тоже удалил.

В итоге не отправил ничего.

Аканэ ждала ответа до конца следующего занятия.

Телефон лежал на краю стола, скрытый под тетрадь.

Каждый раз, когда экран загорался, сердце подпрыгивало.

Уведомления приходили от университетского чата.

От преподавателя.

От рекламной рассылки.

Не от Куроды.

Она пыталась сосредоточиться на лекции, но слова проходили мимо.

Зачем она призналась именно сегодня?

Можно было подождать.

Дать ему привыкнуть к возвращению.

Разобраться с дедом.

Бросить курить.

Но после утра всё стало невыносимо очевидным.

Его взгляды.

Прикосновение к талии.

Прямое признание, что скучал каждый день.

Аканэ решила, что если промолчит снова, то просто сой-

дет с ума.

Теперь Курода избегал её.

Значит ли это, что она ошиблась?

Возможно, всё его внимание было лишь следствием долгой разлуки.

Возможно, он видел в ней только подругу.

Самую близкую.

Но всё равно подругу.

— Тачибана.

Аканэ подняла голову.

Преподаватель смотрел прямо на неё.

— Вы согласны с предложенным решением?

Она посмотрела на доску.

На ней находилась схема, которую Аканэ видела впервые.

— Не полностью.

— Что именно вас не устраивает?

Аканэ выпрямилась.

— Недостаточно выразительная композиция.

В аудитории кто-то тихо засмеялся.

Преподаватель посмотрел на схему финансового распределения.

Затем на Аканэ.

— Это экономика проектирования.

— Тогда недостаточно выразительное распределение бюджета.

Преподаватель вздохнул.

— После занятия возьмите материалы у старосты.

— Хорошо.

Аканэ опустила взгляд.

Под тетрадь по-прежнему не было новых сообщений.

Последнее занятие закончилось в пятнадцать сорок.

Рэн вышел через боковую лестницу.

Он знал, что поступает трусливо.

И всё равно продолжал.

До дома можно было дойти другой дорогой, не проходя через главный двор. Он уже свернул к служебному выходу, когда услышал:

— Курода.

Рэн остановился.

Аканэ стояла у стены возле лестницы.

В каждой руке она держала по стаканчику кофе.

Когда именно успела купить — он не знал.

— Ты меня караулила? — спросил Рэн.

— Да.

— Давно?

— Достаточно.

Она протянула ему один стаканчик.

— Без сахара.

Рэн принял кофе.

— Спасибо.

— Не за что.

Несколько секунд они молчали.

Мимо прошли двое студентов. Оба посмотрели на них, но быстро отвернулись.

Аканэ указала на дверь во внутренний двор.

— Выйдем?

Рэн кивнул.

Они нашли свободную скамью за библиотекой. Здесь почти не было людей. Только ветер шевелил ветви молодых деревьев, а из открытого окна верхнего этажа доносился голос преподавателя.

Аканэ села на один край.

Рэн — на другой.

Между ними осталось достаточно места для третьего человека.

Она посмотрела на расстояние.

— Очень символично.

Рэн подвинулся ближе.

— Лучше?

— Немного.

Он держал кофе обеими руками.

Стаканчик был теплым.

— Тачибана...

— Я первая.

Рэн замолчал.

Аканэ глубоко вдохнула.

— Я не требую, чтобы ты отвечал взаимностью.

Каждое слово давалось ей тяжело, хотя голос оставался

ровным.

— Я понимала, что могу всё испортить. Но продолжать делать вид, что ничего не чувствую, тоже не могла.

— Ты ничего не испортила.

— Тогда почему весь день от меня бегал?

— Я не бегал.

Аканэ посмотрела на него.

— Ты вышел из аудитории через преподавательский коридор.

Рэн промолчал.

— И не ответил на сообщения.

— Не знал, что сказать.

— Можно было написать именно это.

— Знаю.

Она поставила кофе рядом с собой.

— Тогда скажи сейчас.

Рэн посмотрел на неё.

В зелёных глазах Аканэ больше не было привычной уверенности. Она ждала ответа и явно готовилась услышать отказ.

Это причиняло боль.

Рэн хотел защитить её.

Но, избегая её, уже делал ей больно.

— Дело не в том, что я ничего не чувствую, — произнес он.

Аканэ замерла.

— Тогда в чём?

— В моей семье.

— В дедушке?

— Не только.

Рэн сжал стаканчик.

Крышка тихо хрустнула.

— Есть вещи, о которых я не могу рассказать. Вещи, из-за которых рядом со мной может быть... сложно.

— Насколько сложно?

— Я не знаю.

— И поэтому решил за меня?

— Я пытаюсь тебя защитить.

— От чего?

Он не ответил.

Аканэ коротко рассмеялась.

Без веселья.

— Ты даже не можешь сказать, от чего защищаешь.

— Именно поэтому это опасно.

— А ты уверен, что эта опасность существует не только у тебя в голове?

Рэн вспомнил кровь на камнях.

— Уверен.

Она внимательно посмотрела на него.

— Курода, твой дедушка преступник?

Вопрос прозвучал настолько прямо, что Рэн перестал дышать.

Аканэ увидела его реакцию.

Её глаза слегка расширились.

— Я пошутила, — сказала она.

Рэн не смог заставить себя улыбнуться.

Между ними возникла тяжёлая тишина.

— Понятно, — произнесла Аканэ.

— Тачибана...

— Нет. На самом деле ничего не понятно. Но я вижу, что ты действительно боишься.

Рэн опустил взгляд.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось из-за меня.

— А я не хочу, чтобы ты снова исчез на девять месяцев, решив, что так будет лучше для всех.

— Это другое.

— Для тебя — возможно.

Она придвинулась ближе.

Теперь между ними оставалось меньше ладони.

— Я не прошу рассказать всё сегодня. Не прошу познакомить меня с дедушкой или семейным бизнесом. Я просто сказала, что ты мне нравишься.

— Три года.

— Да.

— Почему именно я?

Аканэ моргнула.

— Что?

— Ты могла выбрать кого угодно.

— Это не конкурс, Курода.

— Я был слабым. Постоянно прятался за тобой. Не мог даже постоять за себя.

— И что?

— Тебе приходилось защищать меня.

— Я защищала, потому что хотела.

— Почему?

Аканэ посмотрела ему в глаза.

— Потому что ты никогда не проходил мимо чужих проблем, даже когда сам боялся.

Рэн замер.

— Ты делился обедом с теми, кого остальные не замечали. Оставался после занятий помогать преподавателям. Всегда отдавал мне клубнику, хотя любил её не меньше. И даже когда тебя самого били, ты пытался отвлечь внимание от других.

Она улыбнулась.

— Ты считал себя слабым только потому, что не умел драться. Но я никогда так не думала.

Перед глазами Рэна возник переулок.

Девушка.

Три мужчины.

Нож.

Он попытался защитить её.

Не смог.

— Ты ошибалась, — тихо сказал он.

— Возможно. Но это мой выбор.

— Тачибана...

— Теперь твоя очередь.

Рэн посмотрел на её руки.

Пальцы Аканэ лежали на коленях и едва заметно дрожали.

Она боялась.

Но всё равно сидела рядом.

Говорила прямо.

Не позволяла ему спрятаться за молчанием.

Рэн поставил кофе на землю.

— Закрой глаза.

Аканэ нахмурилась.

— Зачем?

— Пожалуйста.

— Ты не собираешься убежать?

— Нет.

— Точно?

— Я обещал не исчезать без слов.

Она ещё несколько секунд изучала его лицо.

Затем закрыла глаза.

Рэн смотрел на неё.

На длинные ресницы.

Розовые от волнения щеки.

Губы, которые она слегка сжала, пытаясь сохранять спо-

койствие.

Он мог остановиться.

Сказать словами.

Но все правильные слова застревали внутри.

Рэн наклонился.

И осторожно коснулся её губ своими.

Поцелуй был коротким.

Почти невесомым.

Он уже собирался отстраниться, когда пальцы Аканэ схватили его за рубашку.

Она ответила.

Неуверенно.

Так же осторожно.

Но совершенно ясно.

Рэн почувствовал, как исчезает всё вокруг.

Университет.

Гэндзо.

Клан.

Страх.

Осталась только Аканэ.

Её губы.

Её пальцы у него на груди.

Её дыхание, смешавшееся с его собственным.

Через несколько секунд они отстранились.

Аканэ открыла глаза.

— Это и есть твой ответ? — тихо спросила она.

— Частично.

— Есть ещё?

— Да.

Рэн попытался собраться с мыслями.

Ничего не получилось.

Аканэ всё ещё держала его за рубашку.

Он опустил взгляд на её руку.

Затем неожиданно для самого себя поднялся со скамьи.

— Курода?

Рэн шагнул перед ней.

И встал на одно колено.

Аканэ застыла.

Проходивший неподалёку студент тоже остановился.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

Рэн уже сам хотел знать ответ.

В голове не было ни плана, ни подготовленной речи.

Только бешено стучащее сердце.

— Аканэ Тачибана...

Она прикрыла лицо ладонью.

— Не произноси это так громко.

— Ты станешь моей девушкой?

Внутренний двор замер.

По крайней мере, так показалось Рэну.

Аканэ смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Затем перевела взгляд на проходивших студентов.

Несколько человек уже замедлили шаг.

— Курода, встань.

— Сначала ответ.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Мы не женимся.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты встал на колени?

— Не знаю.

Несколько секунд она пыталась сохранить строгое выражение.

Не смогла.

Улыбка появилась сама.

Сначала маленькая.

Потом настолько счастливая, что Рэну стало трудно дышать.

— Да, — сказала Аканэ.

— Что?

— Я стану твоей девушкой, идиот. А теперь встань, пока нас не начали фотографировать.

Рэн поднялся.

Аканэ сразу схватила его за рукав и потянула обратно на скамью.

— Никогда больше так не делай.

— Как?

— Не устраивай предложение посреди университета.

— Тебе не понравилось?

Она отвернулась.

— Я такого не говорила.

— Тогда почему красная?

— Потому что все смотрят.

Рэн оглянулся.

Люди действительно смотрели.

Он сел ближе к Аканэ.

Теперь их плечи соприкоснулись.

— Прости.

— Ты слишком часто извиняешься.

— Привычка.

— Придётся отучать.

Она осторожно протянула руку.

Пальцы коснулись его ладони.

Рэн переплел их.

Они оба посмотрели на соединенные руки.

Раньше касались друг друга сотни раз.

Но теперь даже это простое движение ощущалось иначе.

— Значит, мы встречаемся? — спросил Рэн.

Аканэ подняла бровь.

— Ты только что спросил меня об этом на одном колене.

— Хотел убедиться.

— Да, Курода. Мы встречаемся.

— Понятно.

— И это всё?

— Я пока привыкаю.

— К чему?

Он посмотрел на неё.

— К тому, что моя девушка — Тачибана.

Её пальцы сильнее сжали его ладонь.

— А моя девушка — кто?

Рэн замер.

Аканэ несколько секунд сохраняла серьёзное лицо.

Затем рассмеялась.

— Тебя слишком легко поймать.

— Я волнуюсь.

— Наконец признался.

— Ты тоже волновалась.

— Неправда.

— У тебя руки дрожали.

— Было холодно.

— Сейчас тепло.

— Погода изменилась.

Рэн улыбнулся.

Аканэ смотрела на него, и в её глазах больше не было страха.

Только радость.

Чистая.

Почти детская.

— Тачибана.

— Что?

— Я тоже.

Она немного наклонила голову.

— Что «тоже»?

Рэн мог сказать главное слово.

Оно уже стояло на языке.

Но вдруг показалось слишком важным для университетской скамьи и случайных прохожих.

Он хотел произнести его правильно.

Там, где эти слова будут значить больше.

— Ты мне нравишься, — сказал Рэн. — Давно. Просто я понял это позже, чем следовало.

Аканэ смотрела на него несколько секунд.

— Насколько позже?

— Вечером, когда ты уснула на моем плече.

— Вчера?

— Позавчера.

— И всё это время молчал?

— Прошло меньше двух дней.

— Для меня — три года.

— Тогда я действительно немного опоздал.

— Немного?

— Очень сильно.

Аканэ удовлетворенно кивнула.

— Уже честнее.

Она прислонилась головой к его плечу.

На этот раз не во сне.

Рэн осторожно обнял её.

— Что теперь? — спросил он.

— Накормишь свою девушку.

— Это первое требование?

— Да.

— Есть предпочтения?

Аканэ задумалась.

— Рамен.

— Снова?

— Когда мы ели его вместе в последний раз?

Рэн попытался вспомнить.

— До моего отъезда.

— Вот именно.

Она поднялась, не отпуская его руки.

— И ты платишь.

— Почему?

— Потому что ты предложил мне встречаться.

— Ты призналась первой.

— Но на колено вставал ты.

— Понятная система.

Они направились к выходу из университетского двора.

Возле мусорной урны Рэн остановился.

— Подожди.

Он отпустил руку Аканэ и достал из сумки пачку сигарет.

Ту самую, которую утром переложил со стола, так и не решив, зачем берёт её с собой.

Следом появились зажигалка и переносная пепельница.

Аканэ молча наблюдала.

Рэн посмотрел на смятую пачку.

Потом выбросил всё в урну.

Без последней сигареты.

Без прощального ритуала.

Аканэ подошла ближе.

— Уверен?

— Нет.

— Честный ответ.

— Но я обещал постараться.

— Не ради меня.

Рэн посмотрел на неё.

— Не только ради тебя.

Аканэ снова взяла его за руку.

— Тогда пойдём.

— Куда?

— Есть рамен и праздновать, что у меня наконец появился парень.

— «Наконец»?

— Не обольщайся. Я не тебя ждала.

— Три года?

— Совпадение.

— Конечно.

Они вышли за университетские ворота.

Рэн не знал, сколько продлится эта спокойная жизнь.

Не знал, когда позвонит Кайто.

Что потребует Гэндзо.

И сможет ли он действительно защитить Аканэ от мира своей семьи.

Но впервые решение принадлежало не деду.

Не клану.

Не страху.

Ему самому.

Рэн сильнее сжал её руку.

Аканэ посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Ты странно улыбаешься.

— Привыкаю.

— К девушке?

— К тому, что счастлив.

Она на мгновение замолчала.

Затем придвинулась ближе, коснувшись его плечом.

— Тогда привыкай быстрее, Курода.

И на этот раз он не стал спорить.

Глава 6. Мост над прудом

2 апреля

Первым испытанием их отношений оказался рамен.

Не опасность со стороны клана.

Не Гэндзо.

Не необходимость объяснить Аканэ, почему последние девять месяцев его жизнь напоминала плохо написанный криминальный фильм.

Рамен.

— Нет, — сказала Аканэ.

Рэн посмотрел на её палочки.

Затем на свои.

— Что «нет»?

— Это моё яйцо.

— Оно лежит в моей миске.

— Временно.

— Уже минут десять.

— Я берегла его напоследок.

— В моей миске?

— Ты отвлек меня разговором.

Рэн перевёл взгляд на половинку маринованного яйца, спокойно лежавшую между лапшой и ломтиком свинины.

— Тачибана, я ничего у тебя не забирал.

— Тогда откуда оно здесь?

— Возможно, само перешло.

— Предатель.

— Яйцо?

— Ты.

Аканэ потянулась через стол палочками.

Рэн отодвинул миску.

Она замерла.

— Курода.

— Что?

— Мы встречаемся меньше часа, а ты уже крадешь мою

еду.

— Я ничего не крал.

— И теперь еще врёшь своей девушке.

Слово прозвучало совершенно буднично.

Девушке.

Рэн перестал двигать миску.

Аканэ тоже, кажется, осознала, что сказала.

Их взгляды встретились.

Она первой отвела глаза.

— Что? — спросила Аканэ.

— Ничего.

— Тогда почему так смотришь?

— Привыкаю.

— К яйцу?

— К девушке.

Аканэ медленно покраснела.

— Не произноси это с таким лицом.

— С каким?

— Будто тебе только что сообщили результаты экзамена.

— Положительные?

— Курода.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

Аканэ снова потянулась к его миске.

На этот раз Рэн позволил ей забрать яйцо.

— Вот так-то лучше.

— Довольна?

— Очень.

Она положила добычу себе в миску.

Рэн подождал, пока Аканэ довольно откусит половину.

Потом забрал с её тарелки кусочек свинины.

Аканэ замерла с яйцом во рту.

— Ты...

— Компенсация.

Она быстро прожевала.

— Верни.

— Уже поздно.

— Курода!

Несколько посетителей повернулись в их сторону.

Рэн спокойно съел свинину.

— Очень вкусно.

— Я тебя ненавижу.

— Быстро закончились три года любви.

Щёки Аканэ стали еще краснее.

— Я сказала, что ты мне нравишься.

— Три года.

— Не цепляйся к формулировкам.

— Хорошо.

Она подозрительно прищурилась.

— Ты сегодня слишком довольный.

— Есть причины.

— Например?

Рэн посмотрел на неё.

Аканэ всё ещё была в той одежде, в которой утром они вместе пришли в университет: светлая рубашка с небрежно подвернутыми рукавами, темная юбка чуть выше колен и тонкие чёрные колготки. Медно-красные волосы, утром уложенные аккуратнее, к вечеру немного растрепались, несколько прядей выбились возле лица.

Теперь он мог смотреть на неё и не заставляя себя немедленно отводить глаза.

По крайней мере, теоретически.

На практике стоило задержаться чуть дольше, как Аканэ всё замечала.

— Ну? — спросила она.

— Например, напротив меня сидит красивая девушка.

Она моргнула.

— И?

— И она почему-то согласилась со мной встречаться.

— Почему-то?

— До сих пор пытаюсь понять.

— Могу исправить ошибку.

— Уже поздно.

— Мы встречаемся час. Думаю, возврат ещё действует.

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Я установил правила.

— Сам?

— Да.

— Удобно.

Рэн положил палочки.

— Тачибана.

— М-м?

— Я правда рад.

Аканэ перестала улыбаться.

Не потому, что ей не понравились слова.

Просто в такие моменты привычная защита из шуток исчезала слишком быстро.

— Я тоже, — ответила она.

Под столом их колени случайно соприкоснулись.

Ни один не отодвинулся.

После рамена они вышли на улицу около шести вечера.

Весеннее солнце уже опускалось к крышам. Днём было тепло, но с наступлением вечера воздух снова становился прохладным.

Рэн машинально застегнул серую куртку.

Аканэ заметила.

— Холодно?

— Немного.

— А утром бегал в такую погоду.

— Тогда я двигался.

Она посмотрела на него.

— Хочешь сказать, рядом со мной ты недостаточно двигаешься?

— После рамена особенно.

— Я предупреждала не брать большую порцию.

— Ты сама взяла такую же.

— У меня быстрый обмен веществ.

Рэн скользнул взглядом по её фигуре.

Аканэ сразу заметила.

— Даже не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Взгляд считается.

— Что именно?

Она приблизилась и тихо произнесла:

— Проверял результаты роста?

Рэн едва не остановился.

Теперь она использовала его собственную утреннюю шутку против него.

— Это было один раз.

— Я хорошо запоминаю важные вещи.

— Странные у тебя приоритеты.

— Зато эффективные.

Они дошли до перекрёстка.

Аканэ повернула в сторону студенческих апартаментов.

Рэн не пошёл за ней.

Она сделала ещё несколько шагов и обернулась.

— Курода?

— Не туда.

— А куда?

— Пойдем прогуляемся.

Аканэ посмотрела на небо.

— Сейчас?

— Ты куда-то спешишь?

— Нет.

— Тогда пойдём.

— Куда?

— Увидишь.

Она сощурилась.

— Мне начинать беспокоиться?

— Поздно. Ты уже согласилась стать моей девушкой.

— Вот поэтому и беспокоюсь.

Рэн протянул руку.

Он сделал это почти автоматически.

Но когда Аканэ посмотрела на его ладонь, внезапно почувствовал себя глупо.

Университетский двор — одно дело.

Там она сама взяла его за руку.

Сейчас вокруг шли люди.

Пары.

Студенты.

Семьи.

Обычная улица.

Аканэ подняла глаза на Рэна.

Потом вложила ладонь в его руку.

— Ты слишком много думаешь, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— У тебя лицо становится серьёзное.

— Оно у меня всегда серьёзное.

— Нет. Иногда ты просто притворяешься.

Она переплела их пальцы.

— Так лучше.

Рэн посмотрел на соединенные руки.

— Да.

— Только не улыбайся так странно.

— Как?

— Будто выиграл в лотерею.

— Возможно, выиграл.

Аканэ отвернулась.

— Подхалим.

Но руку не отпустила.

Парк находился примерно в двадцати минутах ходьбы от университета.

Аканэ бывала здесь раньше, но редко.

Сам парк был старым — гораздо старше окружающих жилых кварталов. Высокие деревья скрывали большую часть дорожек от города, между ними стояли небольшие каменные фонари, а в центре располагался пруд с маленьким деревянным мостом.

Весной сюда обычно приходили смотреть на сакуру.

Сейчас деревья только начинали цвести.

Большинство бутонов ещё оставались закрытыми, но на

нескольких ветвях уже появились первые бледно-розовые лепестки.

— Здесь красиво, — сказала Аканэ.

— Знаю.

— Часто приходишь?

— Раньше.

Рэн повёл её дальше.

Дорожки постепенно пустели. Большинство посетителей оставалось возле главной аллеи, где стояли лавки с напитками и сладостями.

Рэн свернул на узкую тропинку.

— Ты точно меня не похищаешь? — спросила Аканэ.

— Зачем мне тебя похищать?

— Не знаю. Ты загадочно привёл меня в парк, ничего не объясняешь и ведёшь куда-то подальше от людей.

— Хочешь вернуться?

— Нет.

Ответ последовал сразу.

Рэн посмотрел на неё.

Аканэ слегка пожала его руку.

— Просто уточняю обстоятельства похищения.

— Очень предусмотрительно.

— Я дизайнер. Мне нужны детали.

За деревьями показался пруд.

Он был небольшим, почти круглым. Вода отражала вечернее небо и ветви деревьев, а над самой серединой проходил

старый деревянный мост.

Не декоративный красный мостик, как в туристических садах.

Обычный.

Тёмные доски.

Невысокие перила.

Следы времени на дереве.

Аканэ остановилась.

— Это и есть твоё секретное место?

— Почти.

Они вышли на мост.

Под ними лениво двигалась вода. У берега плавали несколько карпов, ожидающих корм от посетителей.

Рэн остановился примерно посередине.

Аканэ встала рядом.

— И?

— Что?

— Ты вел меня сюда двадцать минут.

— Могли идти быстрее.

— Курода.

Он улыбнулся.

Потом посмотрел на воду.

Несколько секунд молчал.

Аканэ не торопила.

— Меня сюда отец приводил, — наконец сказал Рэн.

Она немного удивилась.

О родителях он говорил редко.

Аканэ знала их. Видела несколько раз ещё в школе. Они всегда были доброжелательны к ней, привозили подарки из поездок и называли её «той самой Тачибаной», о которой Рэн постоянно рассказывал.

Потом они окончательно уехали за границу.

— Давно? — спросила она.

— Ещё до университета.

Рэн провёл ладонью по перилам.

— Мы иногда гуляли здесь вдвоём. Однажды остановились на этом мосту, и отец вдруг спросил, есть ли девушка, которая мне нравится.

Аканэ повернулась к нему всем корпусом.

— И что ты ответил?

— Мне тогда было не до девушек.

— Ты был в средней школе?

— Примерно.

— Тогда понятно. В средней школе девушки от тебя обычно отбивались.

— Спасибо за поддержку.

— Я защищала тебя.

— Именно поэтому и отбивались.

Она улыбнулась.

— Продолжай.

Рэн снова посмотрел на воду.

— Отец сказал: когда-нибудь я встречу человека, рядом с

которым не придётся думать, каким должен быть.

Аканэ перестала улыбаться.

— И если найду такую девушку... должен привести её сюда.

Ветер шевельнул поверхность пруда.

Несколько лепестков, сорвавшихся с ранней сакуры, упали в воду.

Аканэ ничего не говорила.

Рэн медленно повернулся к ней.

Только теперь осознал, насколько серьёзно прозвучали его слова.

Они официально встречались несколько часов.

И он привёл её на место, которое отец практически обозначил как мост для женщины всей его жизни.

Возможно, это было слишком.

Определённо слишком.

— Я не имею в виду...

— Курода.

— Что?

— Не порть.

Рэн замолчал.

Аканэ смотрела на него.

В зелёных глазах отражалось вечернее небо.

— Значит, ты привёл меня сюда потому, что твой отец сказал привести сюда девушку, рядом с которой ты можешь быть собой?

— Да.

— В первый день отношений.

— Когда произносишь это вслух, звучит немного...

— Безумно?

— Быстро.

— Очень быстро.

Рэн отвел взгляд.

— Прости.

— И снова.

— Что?

— Извиняешься.

— Похоже, есть за что.

Аканэ подошла чуть ближе.

— Я не сказала, что мне не нравится.

Рэн посмотрел на неё.

Она положила руки на перила и посмотрела на воду.

— Просто пытаюсь понять, насколько серьезно ты к этому относишься.

Вот он.

Вопрос, от которого нельзя спрятаться за шуткой.

Рэн несколько секунд собирался с мыслями.

А потом понял, что впервые не хочет их фильтровать.

— Очень серьёзно.

Аканэ замерла.

— Тачибана, я не знаю, что будет через год.

Он смотрел прямо перед собой.

— Даже не уверен, что моя семья позволит мне спокойно закончить университет. Не знаю, сколько ещё смогу избегать того, что дед для меня приготовил.

Аканэ слушала молча.

— Я слишком многого тебе не рассказываю. И понимаю, что это несправедливо.

— Курода...

— Дай договорить.

Она кивнула.

Рэн продолжил:

— Последние девять месяцев я постоянно думал о том, что хочу вернуться.

Перед глазами возникло поместье.

Тренировочный двор.

Окровавленные костяшки.

Закрытые ворота.

Ночные коридоры.

И экран телефона с очередным сообщением от Тачибаны.

— Сначала думал, что просто хочу домой. В квартиру. В университет. На работу к дяде.

Он посмотрел на неё.

— Но потом понял, что всё это время представлял именно тебя.

Аканэ медленно выдохнула.

— Как ты будешь ругаться, что я редко отвечаю. Как заставишь нормально есть. Как расскажешь какую-нибудь совершенно бессмысленную историю о преподавателе.

— Мои истории не бессмысленные.

— Иногда очень.

— Курода.

— Прости.

Она покачала головой.

— Продолжай.

— Когда я вернулся... всё оказалось иначе, чем я помнил.

Даже ты.

Взгляд Рэна невольно скользнул по её лицу.

По волосам.

По фигуре.

Аканэ заметила, но на этот раз не стала поддразнивать.

— Но рядом с тобой я впервые за девять месяцев снова чувствую себя Рэном.

Он произнёс собственное имя непривычно тихо.

Не Курода.

Не молодой господин.

Не будущий глава.

Просто Рэн.

— Не тем человеком, которым дед хочет меня сделать. Не тем, кем должен быть для семьи. Просто собой.

Аканэ медленно повернулась к нему.

Рэн понял, что её глаза блестят.

— Поэтому я привёл тебя сюда.

Он замолчал.

Теперь оставалось только одно.

Слово, которое днём не смог произнести на университетской скамье.

Тогда оно казалось слишком важным.

Здесь — правильным.

— Я люблю тебя, Тачибана.

Аканэ застыла.

Рэн впервые видел её совершенно безоружной.

Никакой шутки.

Никакого мгновенного ответа.

Никакой попытки спрятать смущение за раздражением.

Она просто смотрела.

— Скажи что-нибудь, — попросил он через несколько секунд.

Аканэ моргнула.

— Я пытаюсь.

— Не получается?

— Нет.

— Это плохо?

— Замолчи.

Она подняла ладони и закрыла лицо.

Рэн видел, как покраснели даже её уши.

— Ты специально ждал до этого места?

— Да.

— И всё спланировал?

— Только примерно.

Аканэ выглянула между пальцами.

— Даже речь?

— Нет.

— Значит, это всё было от себя?

— А от кого ещё?

Она снова спрятала лицо.

— Это нечестно.

— Почему?

— Я три года готовилась первой сказать, что ты мне нравишься. А ты за два дня научился говорить такие вещи.

Рэн чуть улыбнулся.

— Мне потребовалось девять месяцев.

Аканэ медленно опустила руки.

— Тогда хорошо.

Она подошла вплотную.

Рэн смотрел на неё сверху вниз.

— Что хорошо?

— Что я тоже могу наконец сказать нормально.

Она глубоко вдохнула.

— Я люблю тебя, Курода.

На этот раз замер он.

Аканэ улыбнулась.

— Теперь твоя очередь не знать, что ответить.

— Я уже сказал.

— Можно еще раз.

— Не наглей.

— Я ждала три года.

— Это теперь будет универсальным аргументом?

— Да.

— Надолго?

— Минимум три года.

Рэн тихо рассмеялся.

Аканэ ударила его кулаком в грудь.

Очень легко.

Он поймал ее запястье.

Она не отдернула руку.

Рэн притянул её ближе и обнял.

Аканэ сразу обхватила его за пояс.

Несколько секунд они просто стояли посреди старого моста.

Никто не говорил.

Ветер шевелил ее волосы, и медно-красные пряди постоянно попадали Рэну в лицо.

Он не возражал.

— Тачибана.

— М-м?

— Ты тяжёлая?

Аканэ отстранилась.

— Что?

— Просто спрашиваю.

— После признания в любви?

— Вопрос не связан.

— Курода, существует огромное количество вещей, которые нельзя спрашивать у девушки.

— Например?

— Вес.

— Я не спросил, сколько ты вешишь.

— Ты спросил, тяжёлая ли я.

— Это другое.

— Нет.

Рэн немного подумал.

— Хочешь проверить?

— Что?

Он наклонился.

Аканэ успела только сказать:

— Подожди...

Рэн подхватил её под колени и спину.

Она вскрикнула и машинально обхватила его за шею.

— Курода!

— Не тяжёлая.

— Поставь меня!

— Зачем?

— Потому что люди смотрят!

Возле берега действительно проходила пожилая пара.

Женщина улыбнулась им.

Аканэ моментально спрятала лицо у Рэна на плече.

— Всё, — пробормотала она. — Я никогда больше сюда не приду.

— Почему?

— Я опозорена.

— Перед двумя незнакомыми людьми?

— Этого достаточно.

Рэн сделал несколько шагов по мосту.

— Куда ты идёшь?!

— Гулять.

— Со мной на руках?

— Ты сказала, что боишься похищения.

— Я шутила!

— Теперь поздно.

Аканэ подняла голову.

— Поставь.

— Не хочу.

— Курода.

— Что?

Она прищурилась.

— Ты ведь понимаешь, что однажды мне попадётся возможность отомстить?

— Вряд ли сможешь поднять меня.

— Я найду другой способ.

— Верю.

Рэн неожиданно развернулся вокруг себя.

Аканэ вскрикнула и сильнее обхватила его шею.

— Идиот!

— Что?

— Не крути меня!

Он сделал ещё один оборот.

Аканэ рассмеялась.

Искренне.

Громко.

Её волосы разлетелись за спиной, а зелёные глаза заблестели.

Рэн остановился.

Но не поставил её на землю.

Аканэ заметила, что он смотрит.

— Что?

— Ничего.

— Опять это «ничего».

— Ты красивая.

Она замолчала.

Даже после всего произошедшего сегодня прямые ком-

плименты всё ещё выбивали её из равновесия лучше любых неожиданностей.

— Поставь меня, — сказала Аканэ уже тише.

Рэн осторожно опустил её на землю.

Она поправила юбку и волосы.

— Всё растрепал.

— Они и утром были растрепаны.

— Утром была пижама. Это другое.

Рэн убрал прядь с её лица.

Движение вышло почти естественным.

Аканэ замерла.

Его пальцы скользнули возле её виска.

— Вот, — сказал он.

— Спасибо.

Их взгляды встретились.

На секунду Рэн подумал о поцелуе.

Но рядом прошли люди.

Аканэ первая отступила.

— Пойдём?

— Пойдём.

Она снова взяла его за руку.

Они покинули парк, когда солнце почти полностью скрылось.

Обратно шли медленнее.

Аканэ рассказывала о своих планах на костюм, но постоянно перескакивала с одной темы на другую. Рэн подозре-

вал, что она просто говорила, чтобы скрыть собственное волнение.

Он не мешал.

Ему нравилось слушать.

Около восьми они дошли до университетских апартаментов.

Аканэ остановилась возле входа.

— Значит, завтра в семь? — спросила она.

Рэн посмотрел на неё.

— Снова?

— А что?

— Мы виделись почти весь день.

— Уже надоела?

— Нет.

— Тогда в семь.

— Семь пятнадцать.

— Семь десять.

— Почему торгуемся?

— Потому что отношения должны строиться на компромиссах.

Рэн задумался.

— Семь двенадцать.

Аканэ протянула руку.

— Договорились.

Он пожал ее ладонь.

Оба сразу поняли, насколько официально это выглядело.

— Мы сейчас договорились о завтраке как деловые партнёры? — спросила она.

— Похоже.

— Очень романтично.

— Можно исправить.

— Как?

Рэн не успел придумать.

Аканэ приподнялась на носки и поцеловала его в щёку.

Коротко.

Легко.

Затем сразу отступила к двери.

— Спокойной ночи, Курода.

Рэн замер.

Она уже взялась за ручку.

— Подожди.

Аканэ обернулась.

— Что?

Рэн сделал шаг вперёд.

Она смотрела на него.

Зелёные глаза.

Красные волосы.

Лёгкий румянец после собственного поцелуя.

Рэн вдруг понял, что весь вечер постоянно находил причины не делать то, чего хотел.

На мосту были люди.

В парке она смутилась.

По дороге момент казался неподходящим.

Теперь оправданий не осталось.

Он осторожно взял Аканэ за руку и притянул к себе.

Она тихо вздохнула.

Рэн обнял её за талию.

На этот раз медленно.

Давая возможность отступить.

Аканэ не отступила.

Наоборот — ладони легли ему на грудь.

— Курода?..

Рэн наклонился.

И поцеловал её.

Первый поцелуй на университетской скамье был ответом.

Осторожным.

Почти вопросом.

Этот был другим.

Без поспешности, но и без прежней неуверенности.

Аканэ замерла всего на мгновение, а затем закрыла глаза

и ответила.

Ее пальцы сжали ткань его рубашки под курткой.

Рэн чувствовал, как она постепенно расслабляется в его руках.

Мир снова исчез.

Но теперь он не боялся этого ощущения.

Через несколько секунд они медленно отстранились.

Аканэ не открывала глаза ещё мгновение.

Когда открыла, её лицо было совершенно красным.
— Вот теперь, — тихо сказал Рэн, — спокойной ночи.
Она смотрела на него.
— Ты...
— Что?
— Ничего.
— Тачибана.
— Замолчи.
Рэн улыбнулся.
— Хорошо.
Аканэ сделала шаг к двери.
Потом остановилась.
Вернулась.
Быстро поцеловала его еще раз.
И сразу отступила.
— Теперь точно всё.
Рэн моргнул.
— Это была месть?
— За то, что застал врасплох.
— Очень страшная.
— Привыкай.
Она открыла дверь.
— До завтра, Курода.
— До завтра, Тачибана.
Аканэ скрылась внутри.
Дверь закрылась.

Рэн остался стоять перед входом.

Несколько секунд.

Потом ещё немного.

Он коснулся пальцами губ.

И только тогда понял, что улыбается как идиот.

Сообщение пришло, когда Рэн находился примерно на полпути домой.

Тачибана:

Ты дошёл?

Он посмотрел вокруг.

Курода:

Еще нет.

Ответ появился почти сразу.

Тачибана:

Тогда почему отвечаешь на ходу?

Смотри перед собой.

Рэн остановился.

Курода:

Теперь стою.

Тачибана:

Молодец.

Через несколько секунд появилось новое сообщение.

Тачибана:

И не думай, что я забыла про то, как ты меня крутил.

Курода:

Тебе понравилось.

Пауза.

Тачибана:

Неправда.

Курода:

Ты смеялась.

Тачибана:

От страха.

Курода:

И обнимала меня.

Ответ не приходил почти минуту.

Тачибана:

Чтобы не упасть.

Рэн улыбнулся.

Курода:

Конечно.

Ещё пауза.

Тачибана:

Курода.

Курода:

Что?

На этот раз она печатала долго.

Сообщение появилось только через полминуты.

Тачибана:

Спасибо за сегодня.

Рэн остановился под фонарем.

Курода:

За ramen?

Тачибана:

За всё.

Он посмотрел на светящиеся буквы.

Потом написал:

Куроода:

Тебе спасибо.

Через несколько секунд:

Тачибана:

За что?

Рэн задумался.

Ответов было слишком много.

За три года ожидания.

За сообщения в поместье.

За то, что не перестала искать его даже тогда, когда он сам пытался спрятаться.

За доверие, которого он пока не заслуживал.

За то, что сегодня взяла его за руку и позволила почувствовать себя обычным человеком.

Он выбрал самый простой ответ.

Куроода:

За то, что дождалась.

Сообщение долго оставалось прочитанным без ответа.

Потом телефон завибрировал.

Тачибана:

Иди домой, пока я не расплакалась.

Рэн тихо рассмеялся.

Курода:

Спокойной ночи, Тачибана.

Ответ пришёл сразу.

Тачибана:

Спокойной ночи, Курода.

И да.

Мне понравилось, когда ты меня нёс.

Но если кому-нибудь расскажешь — убью.

Рэн перечитал сообщение.

Курода:

Зафиксировал.

Тачибана:

УДАЛИ.

Он убрал телефон в карман.

Впервые за очень долгое время дорога домой казалась слишком короткой.

Глава 7. Секрет на вечер

3 апреля

В шесть утра Хосикава снова принадлежала почти исключительно Рэну.

Пустая набережная тянулась вдоль реки, серо-голубое небо только начинало светлеть, а редкие прохожие появлялись вдали и исчезали за поворотом еще до того, как успевали приблизиться.

Рэн бежал быстрее обычного.

Не потому, что пытался улучшить время.

Не потому, что слышал в голове голос наставника.

И даже не потому, что хотел заглушить мысли.

Наоборот.

Сегодня он совершенно не возражал против того, куда эти мысли постоянно возвращались.

К Тачибане.

Вчерашний вечер всё ещё казался чем-то неправдоподобным.

Рамен.

Старый мост.

Её руки у него на шее.

Слова, которые он наконец произнес.

Я люблю тебя.

И ответ:

Я люблю тебя, Курода.

Рэн ускорился ещё немного.

Уголки губ сами поднялись.

Навстречу пробежал мужчина лет сорока. Он бросил на Рэна короткий взгляд, будто пытаюсь понять, почему тот улыбается во время довольно тяжёлой пробежки.

Рэн отвел глаза.

Это действительно выглядело подозрительно.

Он закончил круг возле небольшого парка и остановился у автомата с напитками. Сердце билось быстро, футболка прилипла к спине, а влажные чёрные волосы падали на лоб.

Телефон показывал 06:55.

Рэн купил бутылку воды.

И почти сразу увидел новое сообщение.

Тачибана:

Если ты опять бегаешь, напоминаю:

завтрак в семь двенадцать.

Он посмотрел на время.

До ее апартаментов оставалось около двух километров.

Куроода:

Помню.

Три точки появились практически мгновенно.

Тачибана:

Вчера тоже помнил.

Пришёл в 07:17.

Куроода:

Всего на две минуты позже.

Тачибана:

Опоздание есть опоздание.

Курода:

Сегодня докажу.

Тачибана:

Что?

Рэн задумался.

Посмотрел на дорогу.

Потом снова на экран.

Курода:

Увидишь.

Ответа не было несколько секунд.

Тачибана:

Теперь мне страшно.

Рэн убрал телефон.

И побежал.

В 07:11 он нажал кнопку звонка.

Рэн специально посмотрел на часы.

Одна минута запаса.

Безупречно.

За дверью слышались шаги.

Замок щелкнул.

Дверь открылась.

И вся удовлетворенность собственным пунктуальным прибытием куда-то исчезла.

Аканэ стояла перед ним в свободной темно-зеленой пижаме — рубашке и длинных домашних брюках.

Именно той, которую Рэн уже видел вчера утром, но сегодня она выглядела еще более домашней. Верхняя пуговица рубашки оставалась расстегнутой, один рукав был небрежно подвёрнут почти до локтя, а длинные медно-красные волосы после сна совершенно не слушались — спутанные пряди падали ей на лицо, цеплялись за ресницы и ложились на плечи.

В одной руке она держала кружку.

Другой придерживала дверь.

Зелёные глаза были ещё немного сонными.

Рэн замер.

Аканэ медленно посмотрела на него сверху вниз.

После пробежки он всё ещё был в спортивной одежде: черная облегающая футболка, тёмные тренировочные брюки и легкая спортивная куртка, расстёгнутая, потому что после пробежки ему было жарко. Через плечо висела небольшая спортивная сумка с чистой одеждой для университета. Волосы были влажными, дыхание ещё не до конца восстановилось.

Её взгляд задержался на футболке.

Чуть дольше, чем требовалось.

Рэн заметил.

— Семь одиннадцать, — сказал он.

Аканэ подняла глаза.

— Что?

Он показал телефон.

— Я не опоздал.

Она несколько секунд смотрела на экран.

Затем снова на него.

— Ты бежал сюда?

— Последние несколько минут.

— Ради одной минуты?

— Ради принципа.

— Курода, это ненормально.

— Зато вовремя.

Аканэ сделала глоток кофе.

— Я ещё не решила, пускать ли тебя.

— Завтрак отменяется?

— Возможно.

Рэн наклонился чуть ближе.

— Тогда зачем ты стояла возле двери?

Аканэ замерла.

— Я не стояла.

— Открыла через три секунды.

— Я случайно проходила мимо.

— С кружкой?

— Хотела посмотреть, не пришел ли ты раньше.

— Значит, ждала.

— Проверяла.

— Разница?

Аканэ медленно прищурилась.

— Заходи, пока я не передумала.

Рэн вошёл.

Она закрыла за ним дверь.

Ещё секунду смотрела на его спину.

Потом тихо сказала:

— Иди сразу в душ.

Он обернулся.

— Я пахну?

— Ты только что пробежал несколько километров.

— Это не ответ.

— Я не собираюсь проводить экспертизу.

— Позавчера ты проверяла мои мышцы руками.

Её щёки моментально порозовели.

— Это было позавчера.

— Значит, помнишь.

— Курода.

— Что?

— Душ.

Рэн улыбнулся.

— Понял.

Когда шум воды за дверью ванной стих, Аканэ обнаружила, что уже около минуты стоит возле плиты и совершенно бессмысленно мешает одну и ту же порцию риса.

Она остановилась.

— Соберись.

Никакого ответа, разумеется, не последовало.

Сегодня всё должно было быть просто.

Завтрак.

Немного времени вместе.

Потом Курода отправится на занятия, а у неё самой первая пара только после обеда.

Ничего необычного.

Только теперь он был её парнем.

А она — его девушкой.

А вчера он признался ей в любви на мосту.

И поцеловал перед входом.

Дважды.

Нет.

Второй раз поцеловала она.

Аканэ закрыла глаза.

— Зачем я это вспоминаю?..

Потому что было приятно.

Вот зачем.

Она перевела взгляд на дверь ванной.

За ней находился Рэн.

Её лучший друг со средней школы.

Человек, которого она любила три года.

Человек, который за девять месяцев каким-то совершенно нечестным образом превратился из худого застенчивого парня в мужчину, из-за одного взгляда которого ей иногда требовалось вспоминать, как правильно дышать.

Аканэ посмотрела на собственную пижаму.

Потом на расстегнутую верхнюю пуговицу.

— Отлично.

Она быстро застегнула её.

Затем снова расстегнула.

Слишком строго.

Снова застегнула.

— Что я делаю?..

Дверь ванной открылась.

Аканэ резко схватилась за лопатку и сделала вид, что полностью сосредоточена на завтраке.

Рэн вышел в коридор.

Он успел переодеться.

Теперь вместо спортивной формы на нём были чистые темные брюки и простая черная рубашка с подвернутыми до предплечий рукавами. Волосы после душа оставались влажными и лежали чуть беспорядочнее обычного. На шее еще блестели несколько капель воды.

Аканэ посмотрела.

И сразу отвернулась к плите.

— Ты мог высушить волосы.

— Не нашел фен.

— В нижнем ящике возле зеркала.

— Уже поздно.

Рэн подошел к кухне.

— Что готовишь?

— Завтрак.

- Очень информативно.
- Яичницу, рис и овощи.
- Помочь?
- Ты только из душа.
- Руки чистые.
- Неважно.

Рэн встал рядом.

Аканэ почувствовала его присутствие слишком отчетливо.

- Тачибана.
- М-м?
- Почему ты не смотришь на меня?
- Я готовлю.
- Плита находится ниже моего лица.

Она медленно повернулась.

Рэн смотрел спокойно.

Слишком спокойно.

- Что?
- Ничего.
- Тогда отойди.
- Зачем?
- Ты мешаешь.
- Я просто стою.
- Именно.

Он не двинулся.

Аканэ перевела взгляд на его волосы.

Одна мокрая прядь падала прямо на глаза.

— Наклонись.

— Что?

— Наклонись.

Рэн подчинился.

Аканэ взяла полотенце, оставленное на спинке стула, и начала вытирать ему волосы.

— Я могу сам.

— Уже доказал обратное.

— Каким образом?

— Вышел мокрый.

— Они высохнут.

— Потом будешь жаловаться, что простудился.

— Я не простужаюсь от мокрых волос.

— Все так говорят до первого насморка.

Рэн позволил ей продолжать.

Несколько секунд слышалось только шуршание полотенца.

Аканэ сосредоточенно перебирала тёмные пряди.

— Тачибана.

— Что?

— Ты вчера спрашивала, о чём я думал во время пробежки.

Её руки остановились.

— И?

Рэн слегка поднял голову.

Теперь их лица оказались почти напротив друг друга.

— Сегодня тоже думал.

— Обо мне?

— Да.

Аканэ медленно опустила полотенце.

— И о чём именно?

— Не скажу.

— Курода.

— Что?

— Ты сам начал.

— Знаю.

— Тогда заканчивай.

— Вечером.

Она нахмурилась.

— Почему вечером?

— Потому что утром тебе нельзя говорить такие вещи.

Аканэ почувствовала, как щеки начинают гореть.

— Какие «такие»?

Рэн посмотрел на неё.

Вчера он бы, возможно, отвел глаза.

Сегодня — нет.

— Те, после которых ты снова начнёшь краснеть и обвинять отопление.

— Я не...

Она остановилась.

Батареи действительно были холодными.

Рэн улыбнулся.

— Вот именно.

Аканэ сжала полотенце.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Вечером расскажешь всё.

— Я не обещал всё.

— Уже поздно.

Она развернулась к плите.

— Я запомнила.

За завтраком Аканэ несколько раз пыталась вернуться к разговору.

Рэн каждый раз уходил от ответа.

— Во время пробежки? — спросила она.

— Да.

— Только сегодня?

— Нет.

— Вчера тоже?

— Возможно.

— Позавчера?

— Тачибана.

— Что?

— Ешь.

— Я ем.

Она демонстративно положила в рот кусочек омлета.

Прожевала.

— Так что ты представлял?

— Ты очень настойчивая.

— Три года.

— Это снова универсальный аргумент?

— Конечно.

Рэн покачал головой.

— Вечером.

— Почему именно вечером?

— Потому что сегодня вечером я хочу тебя увидеть.

Аканэ остановила палочки.

— В каком смысле?

— В обычном.

— После занятий?

— Да.

— Где?

Рэн сделал глоток кофе.

— У меня.

Её взгляд изменился.

Совсем немного.

Но он заметил.

— У тебя дома? — уточнила она.

— Да.

— И что будем делать?

— Я хочу приготовить ужин.

Аканэ подняла бровь.

— Ты?

— Почему такое удивление?

— После последних двух дней я уже начала привыкать, что кормлю тебя.

— Я тоже умею готовить.

— Завтрак умеешь.

— Ужин тоже.

— Проверим.

Рэн некоторое время молчал.

— Только это будет не просто ужин.

Аканэ медленно опустила палочки.

— Курода.

— Что?

— Ты сейчас специально делаешь паузы?

— Нет.

— Тогда говори нормально.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Хочу провести вечер вдвоем. Без университета. Без спешки.

Аканэ слушала.

— И без необходимости делать вид, будто между нами нет того, что есть.

Её пальцы слегка сжались на палочках.

Рэн продолжил:

— Но я не хочу, чтобы ты думала, будто чего-то от тебя жду.

Тишина.

Он сам удивился тому, как быстро стало трудно говорить.
С кланом было проще.
С тренировками проще.
Даже признаться в любви на мосту оказалось проще.
— Если придёшь, — сказал Рэн, — просто будем вместе.

А дальше решим сами.

Аканэ несколько секунд смотрела на него.

Потом уголок её губ чуть поднялся.

— Ты сейчас приглашаешь меня на свидание у себя дома?

— Похоже.

— И очень стараешься не произнести ничего подозрительного.

— Да.

— Получается плохо.

— Спасибо.

Она улыбнулась шире.

— Во сколько?

Рэн моргнул.

— Что?

— Я спрашиваю, во сколько приходить.

— В восемь?

— Хорошо.

Он ожидал, что она продолжит поддразнивать.

Но Аканэ просто вернулась к завтраку.

Теперь уже сама избегая его взгляда.

Рэн заметил, что кончики ее ушей снова покраснели.

Он ничего не сказал.

Через несколько минут Аканэ поднялась.

— Мне нужно переодеться.

— У тебя занятия только после обеда.

— Знаю.

— Тогда куда спешишь?

— Я не спешу.

— Ты только что посмотрела на часы три раза.

Она показала на него палочками.

— А ты?

— Что я?

— Во сколько первая пара?

Рэн достал телефон.

07:46.

Он замер.

— В восемь.

Аканэ тоже замерла.

— В восемь?

— Да.

— Курода.

Рэн вскочил.

— Я забыл.

— Ты учишься второй день после возвращения!

— Именно поэтому ещё не привык.

Он быстро взял сумку.

Аканэ встала.

— До университета пятнадцать минут.

— Если идти.

— Только не говори...

Рэн уже надевал куртку.

— Побегу.

— Ты утром уже бегал!

— Второй раз полезно.

— Курода!

Он открыл дверь.

Аканэ схватила его за рукав.

— Подожди.

Рэн обернулся.

— Что?

Она подошла ближе.

— Забыл кое-что.

— Телефон у меня.

— Не это.

— Ключи тоже.

Аканэ вздохнула.

Потом встала на носки.

И поцеловала его.

Коротко.

Но уже без той осторожности, которая была вчера.

Рэн замер.

Она отстранилась.

— Теперь можешь бежать.

Он смотрел на неё.

— Тачибана.

— Что?

Рэн наклонился и поцеловал её снова.

Аканэ тихо вздохнула, но ответила практически сразу.

Её ладонь легла ему на грудь.

Несколько секунд ни один не вспоминал о времени.

Потом Аканэ сама оттолкнула его.

— У тебя пара через десять минут.

Рэн посмотрел на телефон.

— Чёрт.

Она рассмеялась.

— Беги.

— В восемь.

— Я помню.

— Не опаздывай.

Аканэ уставилась на него.

— Ты сейчас серьёзно?

— Очень.

— Уходи.

Рэн вышел.

Дверь почти закрылась.

— Курода!

Он снова выглянул.

— Что?

Аканэ стояла в своей темно-зеленой пижаме посреди при-

хожей, растрепанная, красная после поцелуя и явно довольная происходящим.

— Вечером расскажешь, о чём думал.

— Посмотрим.

— Ты обещал.

— Нет.

— Я запомнила иначе.

— До вечера, Тачибана.

Он успел закрыть дверь до того, как в него полетела прихватка.

На занятие Рэн опоздал на четыре минуты.

Он тихо открыл дверь аудитории.

Преподаватель замолчал.

Все обернулись.

Рэн несколько секунд стоял под десятками взглядов.

— Курода, — произнёс преподаватель. — Рад, что вы реши-
шили присоединиться.

— Простите.

— Причина?

Рэн задумался.

Сказать правду?

Завтракал у своей девушки, слишком долго целовался у
двери и забыл о времени.

Нет.

— Проспал.

— После того как вчера вы едва не опоздали на собрание?

— Работаю над стабильностью.

В аудитории кто-то засмеялся.

Преподаватель указал на свободное место.

— Садитесь.

Рэн прошёл к столу.

Сел.

Открыл тетрадь.

И только теперь понял, что всё ещё улыбается.

Он заставил лицо стать серьёзным.

Получилось минут на пять.

Потом преподаватель начал рассказывать о рисках малого бизнеса, а мысли Рэна снова вернулись к Тачибане.

В пижаме.

С растрепанными волосами.

Её ладони у него на груди.

Приглашение на вечер.

Он опустил ручку.

Без необходимости делать вид, будто между нами нет того, что есть.

Зачем он вообще это сказал?

Рэн потёр переносицу.

Теперь собственные слова звучали значительно более откровенно, чем утром.

Телефон завибрировал в кармане.

Он незаметно посмотрел.

Тачибана:

Уже сидишь на паре?

Рэн набрал под столом:

Курода:

Да.

Тачибана:

Опоздал?

Он посмотрел на преподавателя.

Курода:

Нет.

Ответ пришел мгновенно.

Тачибана:

Врёшь.

Рэн усмехнулся.

Курода:

Четыре минуты.

Тачибана:

Из-за меня?

Он задумался.

Курода:

Да.

Три точки появились.

Исчезли.

Появились снова.

Тачибана:

Хорошо.

Рэн нахмурился.

Курода:

Что хорошего?

Тачибана:

Ничего.

Следом:

Тачибана:

Слушай преподавателя.

Он убрал телефон.

Через несколько секунд снова достал.

Курода:

Я всё ещё думаю о тебе.

На этот раз ответа долго не было.

Потом экран загорелся.

Тачибана:

Курода.

Курода:

Что?

Тачибана:

Я дома одна.

Курода:

И?

Тачибана:

И не могу бросить в тебя чем-нибудь тяжёлым.

Рэн тихо рассмеялся.

Преподаватель снова остановился.

— Курода?

— Да?

— Раз уж сегодняшний материал вызывает у вас такую радость, возможно, объясните группе, почему высокая прибыль не всегда означает здоровый денежный поток?

Рэн медленно поднялся.

Несколько студентов повернулись к нему.

Он посмотрел на схему.

Ответил.

Правильно.

Преподаватель помолчал.

— Садитесь.

Рэн сел.

Телефон снова завибрировал.

Тачибана:

Что произошло?

Он посмотрел на сообщение.

Курода:

Ты почти заставила меня отвечать у доски.

Тачибана:

Я?!

Курода:

Да.

Тачибана:

Тогда перестань писать мне на занятии.

Рэн заблокировал экран.

Логика была безупречной.

В двенадцать часов Рэн вошёл в университетскую столовую.

К этому моменту первая волна студентов уже заняла большую часть столиков.

Он взял поднос, выбрал рис, суп и курицу, а затем начал искать свободное место.

— Курода.

Рэн обернулся.

Аканэ сидела у окна.

Она уже успела переодеться к своей единственной дневной паре.

Вместо утренней пижамы на ней была тонкая водолазка цвета слоновой кости, подчеркивающая талию, темная короткая юбка и плотные чёрные колготки. На спинку стула была наброшена легкая коричневая куртка. Волосы она аккуратно расчесала и частично собрала сзади небольшой заколкой, оставив несколько длинных медно-красных прядей возле лица.

Рэн остановился.

Вчера он уже видел её в университетской одежде.

Сегодня образ был другим.

Спокойнее.

Мягче.

И почему-то именно это заставило его снова задержать взгляд.

Аканэ заметила.

— Что?

— Ты переоделась.

Она посмотрела на себя.

— Я же не могла прийти в университет в пижаме.

— Почему?

— Потому что у меня есть достоинство.

— Утром оно выглядело довольно уютно.

Аканэ покраснела.

— Садись.

Рэн поставил поднос напротив.

Она сразу наклонилась вперёд.

— Ну?

— Что?

— О чём думал утром?

— Ты всё ещё об этом?

— Я предупреждала.

Рэн взял палочки.

— Вечером.

— Мы уже видимся.

— Я имел в виду вечером у меня.

— Удобно.

— Да.

Аканэ прищурилась.

— Тогда я тоже кое-что не скажу.

— Что именно?

— Не скажу.

— Это так не работает.

— Теперь работает.

Она взяла кусочек курицы с его тарелки.

Рэн посмотрел на палочки.

Потом на Аканэ.

— Ты только что украла мою еду.

— Мы встречаемся.

— И?

— Теперь можно.

— Кто установил правило?

— Я.

— Очень удобно.

Она съела курицу.

Рэн потянулся к ее тарелке.

Аканэ накрыла её рукой.

— Нет.

— Почему?

— Моё.

— Тогда верни курицу.

— Уже поздно.

Рэн посмотрел на неё.

Аканэ едва удерживала улыбку.

Он быстро схватил палочками кусочек омлета с ее тарелки.

— Курода!

— Компенсация.

— Это был лучший кусок.

— Очень вкусно.

Она ткнула его палочками в руку.

— Вредный.

— Ты начала.

— Я девушка. Мне можно.

— Опять новые правила?

— Постепенно познакомишься со всеми.

Рэн покачал головой.

Несколько минут они ели.

Затем Аканэ неожиданно протянула ему палочки с небольшим кусочком рыбы.

— Что?

— Попробуй.

— Я могу взять сам.

— Знаю.

Она не убрала руку.

Рэн посмотрел на рыбу.

Потом на неё.

— Ты собираешься меня кормить?

— Возможно.

— Здесь люди.

— Боишься?

Рэн наклонился и спокойно съел кусочек с её палочек.

Теперь смутилась Аканэ.

— Неплохо, — сказал он.

— Ты мог хотя бы сделать вид, что тебе неловко.

— Мне неловко.

— Не видно.

— Я хорошо скрываю.

Рэн взял кусочек курицы со своей тарелки и протянул ей.

Аканэ посмотрела.

— Что?

— Твоя очередь.

— Здесь люди.

— Боишься?

Она прищурилась.

Потом наклонилась и сняла кусочек с его палочек.

Рэн наблюдал.

Аканэ медленно прожевала.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты снова смотришь.

— Имею право.

— С каких пор?

— Со вчерашнего дня.

Её щёки порозовели.

— Самоуверенный стал.

— Ты сама согласилась.

Аканэ фыркнула.

Но улыбнулась.

В 12:25 она посмотрела на часы.

— Мне через двадцать минут на пару.

— Тогда почему сидишь?

— Не хочу идти.

— Вчера заставляла меня слушать преподавателя.

— Это другое.

— Почему?

— Тогда на занятия шел ты.

Рэн кивнул.

— Логично.

Она оперлась локтями на стол.

— Так что вечером?

— Ужин.

— Это я поняла.

— В восемь.

— Тоже.

— Тогда что спрашиваешь?

Аканэ несколько секунд молчала.

Потом опустила взгляд к своим пальцам.

— Мне нужно как-то... подготовиться?

Теперь Рэн понял, о чём она спрашивает.

Сразу.

В груди возникло странное напряжение.

Он отложил палочки.

— Тачибана.

Она подняла глаза.

— Я пригласил тебя не потому, что ожидаю чего-то кон-

кретного.

— Знаю.

— Точно?

— Курода, я тебя знаю.

— В последнее время ты постоянно говоришь, что я изменился.

— Но не настолько.

Рэн молчал.

Аканэ продолжила:

— Я просто хочу понимать, что ты имеешь ввиду под «не делать вид, что между нами ничего нет».

Он провёл пальцем по краю стакана.

— То, что я тебя хочу.

Слова прозвучали тише, чем обычный разговор.

Но достаточно ясно.

Аканэ замерла.

Рэн тоже почувствовал, как собственное сердце ударило сильнее.

Он не отвел взгляд.

— И мне кажется, — продолжил он, — ты это понимаешь.

Несколько секунд Аканэ ничего не говорила.

Потом очень медленно кивнула.

— Понимаю.

— Но это не означает, что вечером обязательно что-то произойдёт.

— Знаю.

— Если в любой момент тебе станет некомфортно...

— Курода.

— Что?

— Ты опять слишком много думаешь.

Рэн вспомнил её слова возле парка.

— Возможно.

Аканэ чуть улыбнулась.

— Я приду.

— Хорошо.

— И дальше решим сами.

— Именно.

Она поднялась.

Взяла куртку.

— В восемь.

— В восемь.

— Не начинай готовить в семь пятьдесят девять.

— Я не ты.

Аканэ широко раскрыла глаза.

— Что это значит?

— Ничего.

— Курода.

— У тебя пара.

Она посмотрела на часы.

— Чёрт.

Рэн улыбнулся.

— Карма.

— Вечером отомщу.

Она схватила сумку.

Сделала несколько быстрых шагов.

Потом вернулась.

Рэн поднял глаза.

— Что?

Аканэ наклонилась и быстро поцеловала его в щёку.

— Теперь могу идти.

Она развернулась.

— Тачибана.

— Что?

— На губы промахнулась.

Аканэ застыла.

Несколько студентов за соседним столом посмотрели на них.

Она медленно повернулась.

— Вечером, Курода.

— Что вечером?

— Узнаешь.

И ушла.

Рэн проводил её взглядом.

Рядом кто-то тихо присвистнул.

Он повернулся.

Парень за соседним столом немедленно заинтересовался собственным супом.

Рэн снова посмотрел туда, где исчезла Аканэ.

Вечером.

Почему-то это слово теперь звучало значительно опаснее.

В четыре часа Рэн вышел из главного корпуса.

Он ожидал увидеть свободную дорогу к дому.

Вместо этого возле ступеней стояла Аканэ.

После занятия она накинула ту самую легкую коричневую куртку поверх светлой водолазки. Сумка висела через плечо, волосы слегка растрепал ветер, а в руках она держала два стаканчика кофе.

Рэн остановился.

— Ты меня ждала?

— Нет.

— А кофе?

— Два случайно купила.

— Одинаковых?

— В автомате ошибка.

Он подошёл.

Аканэ протянула один стаканчик.

— Без сахара.

Рэн взял.

— Очень сложная ошибка.

— Не придирайся.

Они спустились со ступеней.

— Ты домой? — спросила она.

— Да.

— Уже готовиться?

— Нужно кое-что купить.

— Что именно?

Рэн посмотрел на неё.

— Секрет.

— Опять?

— Ты любишь секреты.

— Нет. Я люблю узнавать секреты.

— Тогда подожди четыре часа.

— Три пятьдесят восемь.

— Ты посчитала?

— Конечно.

Они дошли до ворот университета.

Дальше дороги расходились.

Аканэ остановилась.

— Курода.

— Что?

— Я немного волнуюсь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

Она пыталась улыбаться, но пальцы на стаканчике действительно были напряжены.

— Я тоже, — признался Рэн.

Аканэ моргнула.

— Правда?

— Очень.

— Не похоже.

— Хорошо скрываю.

Она тихо усмехнулась.

— Это я уже слышала.

Рэн протянул руку.

Аканэ вложила свою ладонь в его.

Он слегка сжал пальцы.

— Ничего не должно происходить быстрее, чем мы оба хотим.

Она кивнула.

— Знаю.

— И если захочешь просто поужинать и уйти домой...

— Курода.

— Что?

— Перестань заранее готовить пути отступления.

— Я просто хочу, чтобы ты...

— Я знаю, чего ты хочешь.

Аканэ подошла ближе.

— И именно поэтому приду.

Рэн смотрел на неё.

Она покраснела.

Но взгляд не отвела.

— В восемь, — повторила она.

— В восемь.

Аканэ отпустила его руку.

Сделала несколько шагов.

Потом обернулась.

— И Курода?

— Да?

— Не забудь рассказать о пробежке.

Она ушла.

Рэн остался возле ворот.

Кофе в руке внезапно казался слишком горячим.

Первым делом он пошел не домой.

До торгового квартала было около пятнадцати минут пешком.

Рэн никогда раньше не готовил романтический вечер.

Не для девушки.

Не для кого-либо вообще.

Поэтому через двадцать минут обнаружил себя стоящим посреди магазина и рассматривающим три практически одинаковые упаковки свечей.

Белые.

Кремовые.

И еще одни, которые производитель назвал «жемчужными».

Рэн нахмурился.

Какая разница?

Рядом остановилась женщина средних лет с корзиной.

Посмотрела на него.

Потом на свечи.

— Свидание?

Рэн повернулся.

— Что?

— Выбираете уже минут пять.

— Я...

Женщина улыбнулась.

— Белые.

— Почему?

— Не ошибетесь.

Она ушла.

Рэн посмотрел на упаковку.

Взял белые.

Следующим пунктом были цветы.

Розы показались слишком очевидными.

Потом он вспомнил, что именно очевидность сейчас совершенно не проблема.

Купил лепестки.

Немного.

Потом вернулся и купил ещё одну упаковку, потому что первая выглядела жалко.

На выходе Рэн остановился.

Свечи.

Лепестки.

Это начинало выглядеть так, будто он пытается воспроизвести сцену из дешёвой романтической драмы.

Он представил реакцию Тачибаны.

Куроода, ты что, ограбил свадебный салон?

Рэн почти вернул половину покупок.

Не вернул.

Пусть смеётся.

Последним был подарок.

Его Рэн выбирал значительно дольше.

Не потому, что не знал, что купить.

Наоборот.

Идея появилась ещё вчера на мосту.

Зелёные глаза Аканэ.

Он заметил их еще во время первой встречи после возвращения. Тогда впервые понял, что никогда раньше не рассматривал её достаточно внимательно.

В небольшом ювелирном магазине возле центральной площади Рэн увидел нужное почти сразу.

Тонкая серебряная цепочка.

Небольшой кулон.

Темно-зеленый камень без сложной оправы.

Не слишком дорогой.

Не слишком демонстративный.

Просто красивый.

Продавец положил украшение на темную подложку.

— Подарок?

— Да.

— Девушке?

Рэн на секунду задержался.

Раньше этот ответ существовал только в воображении.

Теперь можно было произнести спокойно.

— Моей девушке.

Странное чувство.

Хорошее.

— Упаковать?

— Да.

Когда маленькая коробочка оказалась в его руке, Рэн понял, что нервничает больше, чем перед вчерашним признанием.

Он убрал подарок во внутренний карман куртки.

Домой он пришел около пяти.

Следующие два часа квартира постепенно превращалась во что-то, что Рэн сам едва узнавал.

Он убрал всё лишнее из гостиной.

Подвинул стол ближе к окну.

Расставил свечи.

Потом переставил.

Еще раз.

В итоге оставил четыре.

Лепестков оказалось слишком много.

После первой попытки гостиная выглядела так, будто внутри взорвался цветочный магазин.

Рэн собрал половину обратно.

Заказ из любимого ресторана Аканэ он оформил заранее: несколько небольших блюд, рыба, мясо, закуска, десерт.

Готовить самостоятельно он передумал.

Не потому, что не мог.

Просто хотел провести вечер с ней, а не стоять у плиты.

В 18:37 позвонил дядя.

— Ты где?

— Дома.

— Сегодня не работаешь?

— Нет.

— Знаю. Поэтому спрашиваю, почему ты отказался выйти дополнительно.

Рэн посмотрел на свечи.

— Занят.

На другом конце возникла тишина.

— Она придёт?

Рэн закрыл глаза.

— Откуда ты...

— Ты два дня ходишь с таким лицом, будто выиграл национальную лотерею.

— У меня обычное лицо.

— Конечно.

— Зачем звонил?

— Хотел предложить смену. Теперь не хочу.

— Спасибо.

— Курода.

— Что?

Голос дяди стал серьёзнее.

— Не испортить.

Рэн посмотрел на маленькую коробочку с кулоном.

— Постараюсь.

— Вот это как раз не лучший ответ.

Линия отключилась.

Рэн несколько секунд смотрел на телефон.

Затем рассмеялся.

Кажется, эта фраза преследовала его повсюду.

В семь пятнадцать доставили ужин.

Рэн разложил блюда по обычной посуде и убрал упаковки.

Деньги.

Сегодня он впервые за долгое время воспользовался семейным счётом не из необходимости.

На нём находилось достаточно, чтобы оплачивать такие вечера хоть каждый день.

Несколько миллиардов иен.

Деньги родителей.

Деньги семьи.

Рэн почти никогда их не трогал.

Работа у дяди позволяла оплачивать обычную жизнь самостоятельно.

Сегодня он сделал исключение.

Не ради демонстрации.

А потому, что хотел один раз не считать стоимость каждой детали.

Сделать красиво.

Для неё.

В семь двадцать Рэн принял душ.

В семь сорок стоял перед шкафом.

И понял, что ненавидит собственную одежду.

Серая куртка?

Нет.

Слишком повседневно.

Рубашка?

Какая?

Белая выглядела слишком официально.

Тёмно-синяя — как на занятиях.

В итоге он выбрал чёрную рубашку и тёмные брюки.

Рубашка сидела по фигуре значительно плотнее, чем до отъезда. Рэн расстегнул верхнюю пуговицу.

Посмотрел в зеркало.

Застегнул.

Снова расстегнул.

— Прекрасно.

Телефон показал 19:49.

До прихода Аканэ оставалось одиннадцать минут.

Рэн прошёл в гостиную.

Теплый свет лампы.

Свечи.

Небольшое количество лепестков.

Накрытый стол.

Подарок лежал в кармане.

Он посмотрел на всё это.

Сердце билось быстрее, чем после утренней пробежки.

Телефон завибрировал.

Тачибана:

Я возле дома.

Рэн выпрямился.

Курода:

Поднимайся.

Ответ:

Тачибана:

Звучит подозрительно.

Курода:

Уже поздно убегать.

Тачибана:

Теперь точно страшно.

Рэн положил телефон.

Несколько секунд стоял посреди комнаты.

Потом вспомнил про свечи и зажег их.

Одну.

Вторую.

Третью.

Четвёртая никак не хотела загораться.

— Только попробуй...

Фитиль вспыхнул.

Рэн выдохнул.

И в этот момент прозвенел дверной звонок.

Он замер.

Вот и всё.

Рэн подошёл к двери.

Положил руку на ручку.

За ней стояла Тачибана.

Его девушка.

Человек, о котором он думал всё утро.

Человек, ради которого сегодня впервые за много месяцев позволил себе потратить деньги не по необходимости, а потому что хотел.

Рэн открыл дверь.

И на несколько секунд снова забыл всё, что собирался сказать.

Аканэ Тачибана стояла перед ним.

Но сегодняшний вечер явно не собирался начинаться так же, как все предыдущие.

Глава 8. Изумрудный камень

3 апреля

Звонок прозвучал ровно в двадцать ноль-ноль.

Рэн стоял перед дверью и несколько секунд просто смотрел на ручку.

За последние девять месяцев ему приходилось выходить против людей, которые были старше, опытнее и сильнее него.

Он тренировался до крови на ладонях.

Стоял перед Гэндзо, когда тот холодным голосом объявлял решения, от которых зависели чужие жизни.

Однажды проснулся посреди ночи от ощущения клинка у собственного горла — наставник решил проверить, насколько крепко он спит.

Ничто из этого не подготовило его к необходимости открыть дверь собственной девушке.

Рэн выдохнул.

— Это просто Тачибана.

Звонок раздался ещё раз.

— Курода, если ты там специально заставляешь меня ждать, я уйду!

Да.

Просто Тачибана.

Он открыл дверь.

И немедленно понял, насколько глупой была эта мысль.
Аканэ стояла перед ним.

Днём он видел её в светлой водолазке, короткой юбке и коричневой куртке.

Сейчас перед ним была совершенно другая девушка.

На ней было лёгкое чёрное платье чуть ниже колен — простое по крою, но удивительно хорошо подчеркивающее ее фигуру. Ткань мягко облегла тонкую талию и расходилась свободнее ниже бёдер. Небольшой вырез оставался достаточно скромным, а тонкие длинные рукава делали образ скорее элегантным, чем вызывающим.

На ногах — закрытые туфли на невысоком каблуке.

Медно-красные волосы Аканэ впервые за последние несколько дней были полностью распущены. Она аккуратно уложила их мягкими волнами, и теперь они стекали почти до поясницы, блестя в свете коридорной лампы.

Макияж был едва заметным.

Чуть темнее ресницы.

Немного блеска на губах.

И всё те же зелёные глаза, которые сейчас внимательно наблюдали за реакцией Рэна.

В одной руке Аканэ держала небольшую сумочку.

В другой — бутылку вина.

Рэн молчал.

Секунду.

Две.

Три.

Аканэ подняла бровь.

— Курода?

Он всё ещё смотрел.

— Ты сломался?

— Возможно.

Она опустила взгляд на платье.

— Настолько плохо?

— Что?

— Ты молчишь.

— Потому что пытаюсь придумать что-нибудь, что не прозвучит глупо.

Уголки её губ дрогнули.

— И как успехи?

— Плохо.

— Тогда говори глупость.

Рэн ещё раз посмотрел на неё.

На этот раз не пытаюсь скрыть взгляд.

— Ты невероятно красивая.

Аканэ замерла.

Несколько секунд назад она явно готовилась к шутке.

Теперь её щёки начали медленно краснеть.

— Вот так сразу?

— Ты сама попросила.

— Я попросила глупость.

— Это не она.

Она отвела взгляд.

— Мог хотя бы дать мне минуту привыкнуть.

— Я пять минут выбирал рубашку.

Аканэ снова посмотрела на него.

Только теперь, очевидно, вспомнив, что не он один всё это время рассматривал ее.

Рэн был в простой чёрной рубашке, сидевшей на нем зна-

чительно плотнее, чем одежда, которую она помнила до его отъезда. Верхняя пуговица оставалась расстегнутой. Рукава были опущены до запястий, хотя обычно он подворачивал их выше. Тёмные брюки и ремень делали образ почти слишком аккуратным для домашнего ужина.

Чёрные волосы он наконец нормально высушил и уложил, хотя несколько прядей всё равно падали на лоб.

Аканэ медленно прошлась взглядом от его лица к плечам.

Ниже.

Затем обратно.

Рэн заметил.

— Тачибана.

— Что?

— Ты уже второй раз сегодня меня рассматриваешь.

— Проверяю, правильно ли ты застегнул рубашку.

— И?

— Одной пуговицы не хватает.

Рэн посмотрел вниз.

— Она расстегнута специально.

— Понятно.

Аканэ сделала короткую паузу.

— Тогда оставь.

Теперь пришла его очередь замолчать.

Она улыбнулась.

— Один — один.

Рэн отступил в сторону.

— Заходи.

Аканэ прошла внутрь.

И остановилась.

Первым она увидела свет.

В гостиной горела только небольшая лампа возле дивана и четыре свечи на столе. Теплые отблески ложились на стены и стекло окна, за которым уже полностью стемнело.

Потом — стол.

Нормальная посуда.

Несколько блюд.

Бокалы.

И лепестки.

Не слишком много.

Но достаточно, чтобы Аканэ сразу поняла, насколько серьёзно Курода подошёл к подготовке.

Она молчала.

Рэн закрыл дверь.

— Если собираешься смеяться, можешь сразу.

Аканэ медленно повернулась.

— Ты сам это сделал?

— Да.

— Всё?

— Еду заказал.

— Я про остальное.

— Тогда да.

Она снова посмотрела на комнату.

— Свечи тоже сам выбирал?

— Это был самый тяжёлый этап.

— Почему?

— Оказалось, существует слишком много оттенков бело-

го.

Аканэ тихо рассмеялась.

— Не может быть.

— Кремовые, жемчужные...

— О нет.

— Именно.

Она поставила бутылку на столик возле прихожей.

— И ты в итоге выбрал обычные белые.

— Мне помогла случайная женщина.

Аканэ медленно повернула голову.

— Женщина?

— В магазине.

— Какая?

Рэн сразу понял.

— Лет пятидесяти.

— Хорошо.

— Только что ревновала к женщине пятидесяти лет?

— Проверяла обстоятельства.

— Разумеется.

Аканэ прошла дальше.

Рэн наблюдал за ней.

В его квартире она бывала много раз.

Но впервые вошла сюда как его девушка.

И впервые он настолько сильно хотел, чтобы ей понравилось.

Она подошла к столу.

— Курода.

— Да?

— Это всё правда для меня?

Вопрос прозвучал неожиданно серьёзно.

Рэн подошёл ближе.

— А для кого ещё?

— Не знаю.

— Тачибана.

Она повернулась.

— Всё для тебя.

Аканэ смотрела на него несколько секунд.

Затем тихо произнесла:

— Спасибо.

Никакой шулки.

Просто спасибо.

И почему-то именно это заставило Рэна почувствовать, что несколько часов подготовки того стоили.

— Что ты принесла? — спросил он, указывая на бутылку.

Аканэ подняла её.

— Вино.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Какое?

Она повернула этикетку.

— Красное. Полусухое.

— Разбираешься?

— Нет.

— Тогда почему именно это?

— У бутылки красивая этикетка.

Рэн несколько секунд смотрел на неё.

— Очень серьёзный подход.

— Я дизайнер.

— Это не делает тебя сомелье.

— Зато позволяет выбирать красиво.

Он забрал бутылку.

— Я поставлю рядом.

— Только один бокал.

Рэн обернулся.

Аканэ уже снимала туфли.

— Почему?

— Потому что хочу помнить сегодняшний вечер полностью.

Он замер.

Потом кивнул.

— Я тоже.

Она выпрямилась.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Сегодня всё ощущалось иначе.

Не как случайная ночёвка из-за дождя.

Не как завтрак.

Не как рамен после признания.

Они оба прекрасно понимали, что этот вечер может привести дальше, чем предыдущие.

Но никто не хотел произносить это первым.

Пока.

За стол они сели примерно через десять минут.

Рэн разлил по бокалам совсем немного вина.

Аканэ подняла свой.

— За что пьём?

Он задумался.

— За второй день отношений?

— Очень романтично.

— Тогда предложи лучше.

Она крутила бокал за ножку.

— За то, что ты наконец понял очевидное.

— Это про тебя?

— Про нас.

Рэн улыбнулся.

— Подходит.

Они легко коснулись бокалами.

— За нас, — сказала Аканэ.

— За нас.

Первый глоток оказался терпким.

Рэн почти не пил и не особенно понимал, хорошее это вино или нет.

Аканэ сделала глоток.

Поморщилась.

Он заметил.

— Красивой этикетки оказалось недостаточно?

— Я всё ещё анализирую.

— По лицу видно.

— Нормальное вино.

— Уверена?

— Да.

Рэн попробовал снова.

— Кислое.

— Вот именно.

Они посмотрели друг на друга.

И одновременно рассмеялись.

Напряжение немного исчезло.

Еда оказалась значительно успешнее вина.

Любимый ресторан Аканэ Рэн знал давно. Они несколько раз заказывали оттуда еду ещё до его отъезда, хотя раньше обычно ограничивались двумя блюдами.

Сегодня стол выглядел так, словно он ждал минимум четверых.

Аканэ посмотрела на количество тарелок.

— Курода.

— Что?

— Сколько ты потратил?

— Неважно.

— Значит, много.

— Не настолько.

Она взяла кусочек рыбы.

— Это блюдо там дорогое.

— Знаю.

— А это ещё дороже.

— Тачибана.

— И десерт оттуда же?

— Да.

Она положила палочки.

— Сколько?

— Не считал.

Аканэ несколько секунд молча смотрела на него.

— Ты, который сравнивает цены на рис в трёх магазинах?

— Иногда.

— Ты однажды прошёл лишние два квартала из-за скидки
в двадцать иен.

— Это принцип.

— А сегодня?

Рэн откинулся на спинку стула.

— Сегодня не хотел думать о деньгах.

Она сразу стала серьезнее.

— Использовал деньги семьи?

Рэн кивнул.

Аканэ знала, что его родители состоятельны.

Насколько именно — нет.

Он никогда не говорил.

И не хотел сейчас.

— Только не превращай это в привычку, — сказала она.

— Что именно?

— Пытаться впечатлить меня деньгами.

— Я не пытался.

— Тогда зачем столько всего?

Рэн посмотрел на стол.

— Потому что хотел сделать вечер особенным.

Она ничего не ответила.

— И потому что, — добавил он, — впервые за долгое время мне захотелось потратить деньги на что-то, чего я просто хочу.

Аканэ медленно подняла глаза.

— Меня?

Он понял, как прозвучало.

— Вечер.

Она улыбнулась.

— Жаль.

— Что?

— Я уже собиралась возмутиться, что меня оценили в несколько месячных зарплат.

Рэн фыркнул.

— Ты значительно дороже.

Тишина.

Он снова сделал это.

Просто сказал первое, что пришло в голову.

Аканэ замерла с палочками в руке.

— Курода.

— Что?

— Ты за последние два дня стал опасно хорошо говорить.

— Я просто честный.

— Раньше это тоже было возможно.

— Раньше я не знал, что могу говорить тебе такие вещи.

— Теперь знаешь?

— Да.

Она опустила взгляд.

— Тогда продолжай.

— Ты специально?

— Возможно.

Рэн улыбнулся.

Ужин растянулся почти на час.

Они говорили обо всём и ни о чём.

О занятиях.

О костюме Аканэ.

О поездке за материалами, которую всё ещё планировали на следующую неделю.

О работе у дяди.

О преподавателе, который сегодня почти поймал Рэна за перепиской.

— Это ты виновата, — сказал он.

— Я была дома.

— Ты писала.

— Ты отвечал.

— Потому что ты писала.

— Курода, тебе двадцать два.

— И?

— Ты способен самостоятельно не доставать телефон.

— Теоретически.

Аканэ взяла последний кусочек закуски.

— Слабая дисциплина.

— Я могу рассказать об этом наставнику.

Она остановилась.

— Тому самому, у дедушки?

Рэн на секунду напрягся.

— Да.

— Он действительно такой строгий?

— Очень.

— Ты ведь почти ничего о нём не рассказывал.

— Рассказывать особо нечего.

Аканэ заметила привычное закрытие.

Но сегодня не стала настаивать.

— Когда-нибудь познакомишь?

Рэн медленно поднял взгляд.

— С наставником?

— С дедушкой.

Вот оно.

Первое настоящее напоминание о мире за пределами этой квартиры.

— Возможно, — ответил он.

— Он знает обо мне?

— Как о подруге — возможно.

— А как о девушке?

— Нет.

Аканэ несколько секунд изучала его лицо.

— Боишься рассказать?

Рэн не стал лгать.

— Да.

— Он будет против?

— Не знаю.

— Потому что хочет, чтобы ты занимался семейным бизнесом?

— В том числе.

Она опустила палочки.

— Курода.

— Что?

— Я не хочу сегодня говорить о нём.

Рэн удивился.

— Почему?

— Потому что ты сделал всё это не для дедушки.

Она обвела взглядом комнату.

— И я пришла не ради него.

Рэн почувствовал, как напряжение отпускает плечи.

— Хорошо.

— Сегодня только мы.

— Только мы.

Аканэ снова подняла бокал.

В нём оставалась примерно половина вина.

Она сделала небольшой глоток.

И больше к нему почти не притрагивалась.

Когда ужин закончился, Аканэ помогла отнести тарелки на кухню.

— Я сам.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что ты сегодня всё сделал.

— Ты принесла вино.

— Которое нам обоим не понравилось.

— Этикетка красивая.

— Вот именно.

Рэн поставил тарелки в раковину.

Аканэ оперлась бедром о край кухонного стола.

— Ты так и не рассказал.

— Что?

— О пробежке.

Он продолжил складывать посуду.

— Помню.

— Утром сказал что «вечером».

— Сейчас вечер.

— Именно.

Рэн закрыл воду.

Не оборачиваясь, сказал:

— Я думал о тебе.

— Это я уже знаю.

— Ты требовала подробностей.

— Да.

Он медленно повернулся.

Аканэ ждала.

— Представлял вчерашний вечер.

Щёки у неё слегка порозовели.

— Мост?

— Не только.

— Что ещё?

Рэн подошёл ближе.

— Как ты меня поцеловала возле двери.

Она не отступила.

— И?

— Как держала за рубашку.

— Я не...

Она остановилась.

Действительно держала.

— Продолжай.

Рэн оказался уже совсем рядом.

— И думал о том, что хотел поцеловать тебя дольше.

Аканэ смотрела прямо ему в глаза.

— Только поцеловать?

Вот теперь вопрос был совершенно прямым.

Рэн почувствовал, как собственное сердце начинает биться быстрее.

— Нет.

Аканэ слегка прикусила губу.

— Вот теперь ответ честный.

— Ты сама просила.

— Знаю.

Между ними оставалось меньше шага.

Рэн поднял руку.

Остановился.

— Можно?

Аканэ посмотрела на его ладонь.

Потом снова на лицо.

— Ты спрашиваешь разрешения коснуться своей девушки?

— Да.

— Станный.

Но сама сделала последний шаг.

Рэн положил ладонь ей на талию.

Через ткань платья ощущалось тепло тела.

Аканэ положила руки ему на грудь.

— И что еще представлял?

— Тачибана.

— Что?

— Ты хочешь, чтобы я действительно рассказал?

Она чуть улыбнулась.

— Возможно.

— Тогда ты первая.

— Что первая?

— Расскажешь, о чём думала после того, как ушла вчера домой.

Аканэ сразу отвела взгляд.

— Нечестно.

— Почему?

— Это мой допрос.

— Теперь общий.

Она посмотрела на него.

— Я думала...

Замолчала.

— Ну?

— О поцелуе.

— Только?

— Курода.

— Ты сама начала.

— И о том, как ты меня нёс.

Рэн улыбнулся.

— Это я уже знаю.

— И...

Аканэ остановилась.

Щёки горели всё сильнее.

— О том, что?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что хочу сохранить хоть немного достоинства.

Рэн тихо рассмеялся.

— Теперь твоя очередь, — напомнила она.

— Уже нет.

— Курода.

Он отступил на шаг.

— Десерт.

Аканэ ошеломленно посмотрела.

— Ты сейчас серьёзно?

— Он растает.

— Это побег.

— Практичность.

— Трус.

Рэн открыл холодильник.

— Возможно.

Позади раздалось тихое:

— Запомню.

Десерт они съели уже на диване.

Вернее, попытались.

Аканэ устроилась в одном углу, поджав ноги, а Рэн сел рядом. Между ними стояла небольшая тарелка с клубничным муссом.

После двух ложек Аканэ внезапно посмотрела на него.

— Ты ведь что-то скрываешь.

Рэн напрягся.

— В каком смысле?

Она указала ложкой на его карман.

— Там что-то есть.

Рэн машинально коснулся внутреннего кармана рубашки.

Ошибка.

Аканэ заметила.

— Я знала.

— Откуда?

— Ты постоянно проверяешь, на месте ли оно.

— Я не...

— За ужином три раза.

Он вздохнул.

— Ты слишком наблюдательная.

— Показывай.

— Может, позже?

— Нет.

— Тачибана.

— Курода.

Она протянула руку.

— Давай.

Рэн несколько секунд смотрел на её ладонь.

Потом сдался.

Достал маленькую темную коробочку.

Аканэ замолчала.

Насмешливость мгновенно исчезла.

— Это...

— Не кольцо.

— Я ничего не сказала.

— Но лицо стало очень испуганным.

— Потому что ты вчера уже вставал на одно колено.

— Больше не буду.

— Обещаешь?

— Нет.

Она прикрыла лицо рукой.

— Ужасный человек.
Рэн протянул коробочку.

— Открой.
Аканэ взяла её осторожно.
Как будто внутри находилось что-то хрупкое.
Крышка поднялась.
На тёмной подложке лежала тонкая серебряная цепочка.
И небольшой кулон с тёмно-зелёным камнем.
Аканэ перестала дышать.
Камень был небольшим.

Без сложных узоров.

При свете свечей его цвет менялся от глубокого зелёного почти до изумрудного.

— Курода...

— Нравится?

Она коснулась камня кончиком пальца.

— Очень.

Рэн почувствовал настоящее облегчение.

— Я боялся, что будет слишком...

— Почему зелёный?

Он замолчал.

Аканэ подняла глаза.

Уже зная ответ.

— Курода?

— Увидел и подумал о твоих глазах.

Ее пальцы остановились.

Рэн продолжил, хотя теперь самому стало немного неловко:

— Они не совсем такого цвета. У тебя светлее. И золотистые точки вокруг зрачков.

Аканэ медленно закрыла коробочку.

— Ты заметил?

— Что?

— Точки.

— Когда сидели на кухне тридцать первого.

Она смотрела на него.

— Ты действительно тогда так близко меня рассматривал?

— Да.

Щёки Аканэ снова вспыхнули.

— И ничего не сказал.

— Мы еще не встречались.

— А теперь?

— Теперь могу.

Рэн взял коробочку из её рук.

— Повернись.

Она послушалась.

Медно-красные волосы закрывали шею.

— Подними волосы.

Аканэ собрала их обеими руками и перебросила на одно плечо.

Рэн замер.

Открытая линия шеи.

Тонкая спина под черной тканью платья.

Он вдруг слишком отчётливо почувствовал, насколько интимным оказался простой жест.

— Курода?

— Да.

— Ты там заснул?

— Нет.

Он достал цепочку.

Осторожно провёл её вокруг шеи.

Пальцы коснулись кожи.

Аканэ едва заметно вздрогнула.

— Холодно?

— Немного.

Рэн застегнул замок.

Кулон лёг у основания ее шеи.

Аканэ отпустила волосы.

Повернулась.

Зеленый камень действительно подходил ей идеально.

Рэн смотрел.

— Ну? — спросила она.

— Теперь уверен.

— В чём?

— Что выбрал правильно.

Аканэ опустила взгляд на украшение.

Провела пальцами по камню.

— Я его не сниму.

— Даже в душе?

— Курода.

— Практический вопрос.

— Почти не буду снимать.

Она снова коснулась кулона.

И неожиданно улыбнулась так мягко, что Рэну стало тесно в груди.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Аканэ посмотрела ему в глаза.

— Иди сюда.

— Что?

Она взяла его за ворот рубашки и притянула.

Поцелуй оказался неожиданным.

Рэн едва успел опереться рукой о диван рядом с ней.

Аканэ поцеловала его сама.

Не коротко, как утром у двери.

Неосторожно, как вчера.

Дольше.

Увереннее.

Но в этой уверенности всё равно чувствовалось волнение.

Рэн ответил.

Его ладонь легла ей на талию.

Аканэ отпустила воротник и обняла его за шею.

Они отстранились только через несколько секунд.

Она смотрела на него с расстояния нескольких сантиметров.

— Это за кулон.

— Тогда подарок определенно удался.

— Не наглей.

— Уже поздно.

Аканэ улыбнулась.

И снова поцеловала его.

Клубничный мусс остался забытым на столе.

Свечи продолжали гореть.

Музыка, которую Рэн включил перед её приходом, закончилась, и приложение автоматически запустило следующую композицию.

Никто не заметил.

Аканэ сидела ближе.

Настолько, что их колени давно соприкасались.

Рэн провёл пальцами по её волосам.

— Я всё ещё не привык, — сказал он.

— К чему?

— Что могу это делать.

— Трогать волосы?

— Тебя.

Аканэ посмотрела на него.

— Раньше тоже мог.

— Не так.

— Потому что я была просто подругой?

— Потому что боялся неправильно понять.

— А сейчас?

— Сейчас знаю.

Она немного наклонила голову.

— Что именно?

— Что ты тоже этого хочешь.

Тишина.

Аканэ медленно кивнула.

— Хочу.

Одно слово.

Но оно изменило воздух между ними.

Рэн почувствовал, как учащается дыхание.

Его рука всё ещё лежала у неё на талии.

— Тачибана.

— М-м?

— Мы можем остановиться в любой момент.

Она улыбнулась.

— Ты уже говорил.

— Хочу, чтобы ты точно знала.

— Знаю.

— И...

Аканэ положила палец ему на губы.

— Курода.

Он замолчал.

— Ты нервничаешь?

Несколько секунд он пытался решить, стоит ли отрицать.

— Очень.

Улыбка Аканэ стала шире.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что я тоже.

Он моргнул.

— Не похоже.

— Я лучше скрываю.

— Это моя фраза.

— Теперь моя.

Она убрала палец.

Рэн посмотрел на её лицо.

— Ты уверена?

На этот раз Аканэ не шутила.

— Да.

Потом добавила:

— Но не спеши.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Да.

Она кивнула.

И сама приблизилась.

Для Аканэ всё происходящее последние несколько минут ощущалось одновременно слишком быстро и слишком медленно.

Она ждала этого вечера с самого утра.

Нет.

Если быть честной — значительно дольше.

Три года она представляла первый поцелуй с Куродой.

Потом он произошёл.

И оказался совсем не таким, как в фантазиях.

Лучше.

Вчера ночью она лежала в своей кровати, касалась губ пальцами и чувствовала себя героиней какой-то ужасно сладкой романтической манги.

Сегодня всё стало реальнее.

Кулон касался кожи.

Курода сидел рядом.

Его рука лежала у неё на талии.

И он нервничал.

Это удивляло сильнее всего.

Новый Курода выглядел так, будто способен сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

Но сейчас Аканэ замечала всё.

То, как он иногда задерживал дыхание.

Как осторожно касался её, словно боялся перейти невидимую границу.

Как каждый раз смотрел в глаза перед тем, как приблизиться.

Он не знал, что делает.

Именно это неожиданно помогало.

Потому что она тоже не знала.

Вся её сегодняшняя уверенность была тщательно подготовленной импровизацией.

Аканэ заранее выбрала платье.

Почти час приводила волосы в порядок.

Дважды меняла бельё.

Потом ругала себя за то, что вообще об этом думает.

А маленькая вещь, лежавшая сейчас в её сумочке, стояла ей пятнадцати минут нерешительного хождения возле одной полки в аптеке.

Она подготовилась.

Но опытнее от этого не стала.

Курода был первым.

И если сегодняшний вечер действительно продолжится...

Она станет первой и для него.

Почему-то эта мысль успокаивала.

Рэн заметил перемену в её взгляде.

— О чём думаешь?

Аканэ моргнула.

— Ни о чём.

— Теперь ты используешь мою фразу.

— Удобная.

— Ты говорила, что подозрительная.

— Только когда её говоришь ты.

— Опять правила?

— Да.

Рэн улыбнулся.

Аканэ посмотрела на кулон.

— Курода.

— Что?

— Ты правда купил его только потому, что он похож на мои глаза?

— Да.

— Не из-за какого-нибудь семейного символа?

Он замер.

Вопрос был шуткой.

Она даже улыбалась.

Но внутри что-то неприятно кольнуло.

Семейные символы Курода существовали.

И некоторые из них он предпочёл бы никогда ей не показывать.

— Нет, — ответил Рэн. — Только из-за тебя.

Аканэ заметила короткую паузу.

Но сегодня, как и обещала себе, не стала открывать дверь, которую он пока держал закрытой.

Вместо этого коснулась зелёного камня.

— Тогда он мне нравится ещё больше.

Рэн посмотрел на неё.

— Тачибана.

— М-м?

— Спасибо.

— За что?

— Что не спрашиваешь.

Она поняла сразу.

— Сегодня только мы.

Рэн вспомнил её слова за ужином.

— Только мы.

Аканэ переплела свои пальцы с его.

Несколько мгновений они просто сидели.

Без шуток.

Без необходимости говорить.

Именно в этот момент Рэн почувствовал, что страх нако-

нец становится слабее желания быть рядом.

Он поднял её руку и легко поцеловал пальцы.

Аканэ покраснела.

— Ты опять это делаешь.

— Что?

— Ведёшь себя слишком романтично.

— Тебе не нравится?

— Очень нравится.

Ответ прозвучал сразу.

Рэн улыбнулся.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я скоро перестану уметь нормально разговаривать.

— Иногда полезно.

Она ударила его свободной рукой по плечу.

Рэн поймал её за запястье.

Аканэ посмотрела на его пальцы.

Он медленно отпустил.

Но она сама оставила ладонь в его руке.

— Курода.

— Да?

— Можно я сегодня не буду думать о завтра?

Рэн несколько секунд смотрел на неё.

Потом кивнул.

— Можно.

— И ты тоже.

— Постараюсь.

Она нахмурилась.

— Опять это слово.

— Тогда хорошо.

Рэн подвинулся ближе.

— Не буду.

Аканэ улыбнулась.

— Лучше.

Около десяти вечера свечи стали заметно короче.

За окнами город постепенно затихал.

На столе оставались недопитые бокалы — по одному у каждого. Больше ни Рэн, ни Аканэ вина не наливали.

Голова оставалась совершенно ясной.

И от этого каждое решение ощущалось особенно настоящим.

Аканэ первой поднялась с дивана.

— Мне нужно...

Она запнулась.

— Что?

— Сумка.

Рэн посмотрел на прихожую.

— Принести?

— Нет!

Ответ прозвучал слишком быстро.

Рэн поднял бровь.

Аканэ покраснела.

— Я сама.

Она направилась к прихожей.

Рэн смотрел ей вслед.

Черное платье мягко двигалось при каждом шаге. Медно-красные волосы почти полностью закрывали спину, а зелёный камень кулона иногда вспыхивал в отражении окна.

Аканэ вернулась с сумочкой.

Села.

Поставила её рядом.

— Всё?

— Да.

— Тогда зачем...

— Курода.

— Что?

Она посмотрела на него совершенно серьёзно.

— Ты обещал не смеяться.

— Я ничего не обещал.

— Тогда обещай сейчас.

— Хорошо. Не буду.

Аканэ открыла сумочку.

Что-то достала.

И тут же спрятала в ладони.

Рэн не видел.

Но внезапно догадался.

По ее лицу.

По тому, насколько красными стали щёки.

По тому, как она избегала его взгляда.

Он тоже почувствовал, как становится жарко.

— Тачибана...

— Я просто подумала, что...

Она остановилась.

Вдохнула.

— Что если мы оба решим...

Ещё пауза.

— То лучше быть готовыми.

Аканэ раскрыла ладонь.

Рэн несколько секунд смотрел.

Потом на неё.

— Ты купила?

— Да.

— Сегодня?

— Неважно.

— Тачибана.

— Что?!

— Спасибо.

Она ожидала чего угодно.

Но не этого.

— Ты не смеешься?

— Я обещал.

— Даже внутри?

— Немного восхищаюсь.

— Чем?

— Что ты оказалась подготовленнее меня.

Аканэ закрыла лицо рукой.

— Не напоминай.

Рэн осторожно забрал упаковку и положил на стол рядом.

Без шуток.

Без комментариев.

Потом взял её за руку.

— Это ничего не меняет.

Она выглянула из-за ладони.

— В каком смысле?

— Мы всё равно ничего не должны делать только потому, что подготовились.

Аканэ опустила руку.

— Знаю.

— Хорошо.

Она немного помолчала.

— Но я не принесла это случайно.

Рэн замер.

Аканэ смотрела прямо ему в глаза.

Стеснение никуда не исчезло.

Но за ним было решение.

— Я знаю, — тихо ответил он.

Она сжала его пальцы.

— И?

Рэн приблизился.

— И я тоже не пригласил тебя случайно.

Аканэ выдохнула.

На этот раз поцелуй начался одновременно.

Никто не сделал первого шага.

Они встретились посередине.

В какой-то момент Рэн понял, что они больше не сидят на разных сторонах дивана.

Аканэ оказалась совсем рядом.

Её ладони лежали у него на плечах.

Его руки — на её талии.

Кулон с зеленым камнем блестел между ними.

Рэн остановился.

Не потому, что хотел.

Именно поэтому.

— Всё нормально? — тихо спросила Аканэ.

— Да.

— Тогда почему остановился?

— Проверяю.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я тоже в порядке.

— Уверена?

— Да.

Аканэ коснулась пальцами его щеки.

— Только не превращай каждую минуту в анкету согласия.

Рэн чуть улыбнулся.

— Постараюсь.

— Курода.

— Хорошо. Не буду.

Она снова поцеловала его.

Через несколько секунд Рэн почувствовал, как Аканэ улыбается прямо во время поцелуя.

Он отстранился.

— Что?

— Ничего.

— Ты смеёшься.

— Просто вспомнила.

— Что?

— Прежнего Куроду.

— Какого?

— Того, который пролил чай, когда я похвалила его причёску.

Рэн закрыл глаза.

— Сейчас подходящий момент?

— Очень.

— Зачем?

— Потому что он сейчас сидит передо мной и пытается выглядеть спокойным.

— Я спокоен.

— У тебя сердце стучит сильнее моего.

— Откуда знаешь?

Аканэ положила ладонь ему на грудь.

— Вот отсюда.

Рэн замолчал.

Она улыбнулась.

— Не волнуйся.

— Очень полезный совет.

— Я тоже волнуюсь.

Он накрыл её ладонь своей.

— Тогда нас двое.

— Поэтому и не страшно.

Эти слова задели его глубже всего.

Рэн смотрел на неё.

На девушку, которая три года любила человека, каким он сам себя стыдился.

На девушку, которая после девяти месяцев встретила его изменившимся — и всё равно узнала.

На девушку, которой он продолжал лгать о самой опасной части своей жизни.

И всё равно хотел быть рядом.

Сегодня он позволил себе не думать о том, что будет потом.

Хотя бы один вечер.

Рэн поднялся.

Аканэ посмотрела на него снизу вверх.

— Курода?

Он протянул руку.

— Пойдём.

Она посмотрела на ладонь.

Потом на него.

Сердце снова ударило быстрее.

Аканэ вложила пальцы в его руку.

И поднялась.

Свечи остались гореть в гостиной.

На столе — два недопитых бокала.

На диване — забытый клубничный десерт.

А на шее Аканэ впервые блестел маленький темно-зеленый камень.

Когда они вышли из комнаты, она остановилась.

— Курода.

Рэн обернулся.

— Что?

Аканэ переплела их пальцы крепче.

На её лице всё ещё был румянец.

Но взгляд оставался спокойным.

— Не торопись.

Рэн сжал её ладонь.

— Не буду.

Она кивнула.

И пошла вместе с ним.

Глава 9. Шрам

3 апреля

Спальня Рэна находилась в конце короткого коридора.

Аканэ знала это.

Она бывала здесь раньше.

Заходила забрать забытый зарядник. Несколько раз сидела на краю кровати, пока Курода переодевался в ванной. Однажды уснула здесь после подготовки университетского проекта и проснулась утром под его одеялом, пока сам Рэн спал на диване.

Обычная комната.

Обычная дверь.

Но сегодня каждый шаг к ней ощущался иначе.

Рэн шёл первым.

Аканэ держала его за руку.

И чувствовала, насколько теплыми стали его пальцы.

Когда они остановились перед дверью, он не открыл её сразу.

Повернулся.

— Тачибана.

— Да?

— Последний шанс передумать.

Она посмотрела ему в глаза.

— Ты специально так формулируешь, будто мы собира-

емся совершить преступление?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Если ты сомневаешься хотя бы немного...

Аканэ подняла руку и коснулась его щеки.

— Я волнуюсь.

Рэн замер.

— Но не сомневаюсь.

Несколько секунд он ничего не отвечал.

Потом накрыл её ладонь своей.

— Хорошо.

— А ты?

— Что я?

— Не сомневаешься?

Рэн тихо усмехнулся.

— Я сейчас боюсь сильнее, чем перед первой тренировкой у деда.

— Настолько всё плохо?

— Значительно хуже.

Аканэ улыбнулась.

— Отлично.

— Почему отлично?

— Потому что я боялась, что одна здесь понятия не имею, что делать.

Рэн посмотрел на неё.

— Ты тоже?

— Курода.

— Что?

— Конечно тоже.

— Но ты всё это время выглядела так уверенно.

— Это талант.

— Обманщица.

— Учусь у тебя.

Он покачал головой.

И наконец открыл дверь.

В спальне было темнее, чем в гостиной.

Рэн включил только небольшую лампу возле кровати.

Тёплый свет лёг на тёмное изголовье, шкаф и аккуратно застеленную кровать.

На тумбочке лежала та самая упаковка, которую Рэн по дороге молча забрал со стола в гостиной. Аканэ заметила ее сразу.

И тут же сделала вид, что не заметила.

Рэн тоже ничего не сказал.

Аканэ остановилась у двери.

И вдруг почувствовала себя гораздо менее смелой, чем пять минут назад.

Рэн это заметил.

— Всё ещё можно вернуться к десерту.

Она посмотрела на него.

— Ты очень хочешь этот мусс?

— Пытаюсь дать тебе возможность сбежать.

— Я заметила.

Аканэ сняла туфли.

Оставила их возле стены.

— Не получится.

Рэн не двигался.

Она подошла к нему сама.

Теперь между ними оставалось меньше шага.

— Курода.

— Да?

— Поцелуй меня.

Он подчинился.

На этот раз в поцелуе не было ни неожиданности, ни игры.

Только осторожность.

Рэн коснулся её лица, провёл пальцами по волосам и медленно притянул ближе.

Аканэ обняла его за шею.

Чёрное платье мягко шуршало под его ладонями.

Она чувствовала его напряжение.

Не показное спокойствие.

Настоящее волнение.

Это почему-то делало происходящее правильным.

Не идеально отрепетированным.

Не похожим на сцену из романтического фильма.

Живым.

Когда они ненадолго отстранились, Аканэ улыбнулась.

— Ты опять думаешь.

— Привычка.

— О чём?

— Не слишком ли быстро.

— И?

— Не знаю.

Она провела пальцами по вороту его рубашки.

— Тогда будем медленно.

Рэн кивнул.

— Хорошо.

Первой засмеялась Аканэ.

Совсем не потому, что было смешно.

Просто в какой-то момент Рэн попытался расстегнуть маленькую застёжку на её платье и несколько секунд совершенно безуспешно боролся с ней.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Ты смеёшься.

— Немного.

— Она неудобная.

— Я сама застегнула её за пять секунд.

— Ты знала, где она.

— А ты сейчас держишь её в руках.

Рэн снова попытался.

Безрезультатно.

Аканэ не выдержала.

— Иди сюда.

Она повернулась к нему спиной и подняла волосы.

— Вот.

Рэн посмотрел на застёжку.

— Она была выше.

— Курода.

— Что?

— Просто расстегни.

— Уже.

Через секунду маленький крючок наконец поддался.

— Победа, — тихо сказал он.

— Великий воин.

— Девять месяцев тренировок не прошли даром.

Аканэ рассмеялась.

Напряжение немного отступило.

Рэн медленно провёл ладонями по её плечам.

Теперь уже без шуток.

Аканэ перестала смеяться.

Платье ослабло на спине.

Она придержала его спереди и повернулась к нему.

Несколько секунд никто не двигался.

— Я могу остановиться, — тихо сказал Рэн.

— Знаю.

Аканэ сама отпустила ткань.

Платье медленно соскользнуло с плеч.

Рэн смотрел на неё.

Не так, как утром.

Не украдкой.

И не успевая тут же отвести глаза.

Аканэ почувствовала знакомое желание прикрыться руками.

На мгновение даже поддалась ему.

Потом увидела выражение его лица.

Никакой насмешки.

Никакого самодовольства.

Только волнение и почти растерянное восхищение.

Она медленно опустила руки.

— Что? — спросила Аканэ.

— Ничего.

— Курода.

— Ты красивая.

Её щёки снова вспыхнули.

— Ты мог придумать что-нибудь новое.

— Не успеваю.

— Почему?

— Ты мешаешь думать.

Аканэ тихо фыркнула.

И потянулась к пуговицам его рубашки.

Первая поддалась легко.

Вторая тоже.

На третьей её пальцы вдруг задрожали.

Рэн заметил.

Накрыл ее руки своими.

— Не спеши.

Аканэ посмотрела ему в глаза.

— Я не спешу.

— Тогда почему руки дрожат?

— Потому что ты смотришь.

— Могу отвернуться.

— Только попробуй.

Рэн улыбнулся.

Аканэ продолжила.

Когда рубашка наконец раскрылась, она на мгновение остановилась.

За последние несколько дней Аканэ уже успела увидеть, насколько изменилось его тело.

Но одно дело — замечать это под футболкой.

Совсем другое — стоять настолько близко.

Широкие плечи.

Сильная грудь.

Следы тренировок на коже.

Несколько небольших шрамов, которым она пока не придала значения.

Аканэ провела ладонями по его груди.

Рэн задержал дыхание.

Она почувствовала.

— Значит, не только я нервничаю.

— Я этого и не скрывал.

— Хорошо.

— Почему?

Аканэ подняла глаза.

— Потому что иначе было бы нечестно.

Она стянула рубашку с его плеч.

Рэн помог.

Одежда постепенно оставалась на полу.

Без красивых движений.

Без уверенности людей, которые делали это десятки раз.

Один раз Аканэ запуталась в платье и едва не потеряла равновесие.

Рэн поймал её.

Она тут же посмотрела на него.

— Ни слова.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

— Теперь это моя фраза.

— Верни.

— Нет.

Они снова рассмеялись.

И именно после этого стало легче.

Аканэ перестала постоянно думать о том, как выглядит.

Рэн — о том, правильно ли касается её.

Они просто узнавали друг друга заново.

Медленно.

С поцелуями, которые становились длиннее.

С ладонями, сначала осторожными, а потом чуть уверен-

нее.

С короткими паузами, во время которых один смотрел на другого и понимал ответ еще до вопроса.

Рэн поцеловал её в висок.

Потом в щеку.

Уголок губ.

Шею.

Аканэ тихо вздохнула и сильнее сжала пальцы на его плечах.

Он остановился.

Она сразу покачала головой.

— Не останавливайся.

Рэн продолжил.

Его губы снова коснулись ее шеи.

Ниже.

Аканэ закрыла глаза.

Тепло от каждого прикосновения словно оставалось на коже.

Когда край кровати коснулся ее ног, она открыла глаза.

Рэн стоял совсем близко.

— Тачибана.

— М-м?

— Я...

— Курода.

— Что?

Она взяла его за руку и села первой.

Потянула за собой.

— Хватит разговаривать.

— Ты сама постоянно разговариваешь.

— Сейчас мне можно.

— Опять правила?

— Да.

Рэн сел рядом.

Аканэ снова поцеловала его.

Через несколько секунд они уже лежали рядом.

Неловко.

Слишком близко.

И одновременно недостаточно близко.

Аканэ тихо засмеялась ему в губы.

— Что?

— Ничего.

— Ты опять.

— Просто я представляла это немного иначе.

Рэн напрягся.

— Хуже?

— Нет.

Она погладила его по щеке.

— В моих фантазиях ты почему-то всегда точно знал, что делать.

— Очень несправедливая версия меня.

— Теперь понимаю.

— Спасибо.

Она улыбнулась.

— Настоящий мне нравится больше.

Этого оказалось достаточно.

Рэн снова поцеловал её.

Через некоторое время он вспомнил об упаковке на тумбочке.

Взгляд сам метнулся в ту сторону.

Аканэ заметила.

И поняла.

Оба замерли.

Потом Аканэ вдруг закрыла лицо ладонью.

— Только не начинай снова спрашивать, уверена ли я.

— Я ничего не сказал.

— Но собирался.

Рэн тихо выдохнул.

— Хорошо.

Он протянул руку к тумбочке.

И даже это простое движение неожиданно вернуло часть волнения.

Аканэ наблюдала за ним.

Такой уверенный весь день Курода внезапно снова стал тем самым человеком, который когда-то пролил чай из-за одного её комплимента.

Она протянула руку и переплела пальцы с его свободной рукой.

— Я здесь.

Рэн посмотрел на неё.

— Знаю.

— Тогда не думай так много.

— Попробую.

— Опять.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Не буду.

Когда они продолжили, первые секунды оказались совсем не похожи на то, что оба представляли.

Слишком много внимания к каждому движению.

Слишком много желания сделать всё правильно.

Аканэ напряглась.

Рэн почувствовал это сразу и остановился.

— Больно?

Она немного помолчала.

— Немного.

Рэн уже собирался отодвинуться, но Аканэ удержала его за плечо.

— Подожди.

Он замер.

Она закрыла глаза.

Несколько раз медленно вдохнула и выдохнула.

Рэн не двигался.

Только гладил её по волосам.

Через некоторое время Аканэ открыла глаза.

— Лучше.

— Мы можем...

— Курода.

— Что?

— Я скажу, если захочу остановиться.

Он посмотрел на неё ещё секунду.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Аканэ сама притянула его ближе.

Поначалу всё оставалось осторожным и сбивчивым.

Они слишком явно пытались подстроиться друг под друга.

Иногда останавливались.

Иногда начинали смеяться из-за совершенно неуместной неловкости.

Один раз Рэн едва не задел локтем лампу.

Аканэ успела поймать её.

— Великий воин, — напомнила она.

— Не сейчас.

— Именно сейчас.

— Тачибана.

Она рассмеялась.

Рэн поцеловал её, заставив замолчать.

Постепенно неловкость начала отступать.

Осталось тепло.

Чужое дыхание совсем близко.

Руки, которые уже не боялись каждого прикосновения.
Аканэ перестала думать о том, правильно ли реагирует.
Рэн — о том, существует ли вообще какой-то правильный способ.

В какой-то момент она спрятала лицо у него на шее.

Тихо произнесла:

— Курода...

Он ответил не словами.

Только крепче обнял её.

Всё происходило медленнее, чем Аканэ представляла.

И гораздо реальнее.

Не было музыки, идеально совпадающей с моментом.

Не было заранее придуманных фраз.

Только сбившееся дыхание.

Тихие просьбы замедлиться.

Поцелуй.

Паузы.

И постепенно исчезающая между ними неловкость.

Когда всё закончилось, Рэн ещё несколько секунд не двигался.

Словно сам не был уверен, что именно сейчас произошло.

Потом осторожно коснулся лбом лба Аканэ.

Она открыла глаза.

Они посмотрели друг на друга.

И одновременно улыбнулись.

Не широко.

Почти растерянно.

— Ну вот, — тихо сказала Аканэ.

— Что?

— Теперь уже поздно передумывать.

Рэн прикрыл глаза.

— Ты серьёзно?

Она тихо рассмеялась и обняла его.

— Иди сюда.

Он лёг рядом.

Аканэ уткнулась лицом в подушку.

Медно-красные волосы беспорядочно рассыпались по белой ткани.

Она молчала уже почти минуту.

Рэн лежал на спине и смотрел в потолок.

— Тачибана.

— М-м?

— Ты жива?

— Думаю.

— Это не очень уверенный ответ.

— Я анализирую.

— Что именно?

Она повернула голову.

Щёки всё ещё оставались розовыми.

— Опыт.

— И?

Аканэ серьёзно задумалась.

— Есть куда расти.

Рэн закрыл глаза.

— Прекрасно.

Она рассмеялась.

— Я шучу.

— Уже поздно.

— Курода.

— Что?

— Посмотри на меня.

Он повернулся.

Аканэ лежала совсем близко.

Легкий вечерний макияж не исчез полностью, хотя блеска на губах давно не осталось. Волосы растрепались, а зелёный камень на серебряной цепочке лежал возле ключицы.

Рэн коснулся его пальцем.

— Не мешает?

— Нет.

— Можно снять.

— Нет.

— Почему?

Аканэ накрыла кулон ладонью.

— Я сказала, что почти не буду снимать.

— Прошло два часа.

— И я пока идеально выполняю обещание.

Он улыбнулся.

— Тачибана.

— М-м?

— Ты правда в порядке?

Она посмотрела ему в глаза.

На этот раз без шутки.

— Да.

Потом придвинулась ближе и положила голову ему на грудь.

— Очень.

Рэн осторожно обнял её.

Некоторое время они лежали молча.

И впервые тишина не требовала слов.

— Курода.

— Да?

— Мне нужно в душ.

Он посмотрел на часы.

Было уже за одиннадцать.

— Пойдём.

Аканэ подняла голову.

— Пойдём?

— Да.

— Вместе?

Рэн замер.

— Я имел в виду...

Она улыбнулась.

— Я знаю.

— Могу дать тебе полотенце.

— А сам?

— Потом.

Аканэ несколько секунд смотрела на него.

— Нет.

— Что нет?

— Вместе.

Теперь уже Рэн молчал.

— Ты уверена? — спросил он.

Аканэ подняла бровь.

— Я предупреждала про это слово.

— Хорошо.

Он поправился:

— Тогда вместе.

Ванная у Рэна была значительно просторнее, чем у Аканэ.

Она знала это и раньше.

Но сегодня впервые оказалась здесь вместе с ним.

Рэн включил воду и долго проверял температуру рукой.

— Курода.

— Что?

— Она не должна быть лабораторно точной.

— Ты говорила, что любишь горячую.

— Горячую. Не кипяток.

— Поэтому проверяю.

— Иногда ты слишком заботливый.

Он обернулся.

— Это плохо?

— Нет.

Аканэ подошла ближе.

— Очень хорошо.

После душа всё снова стало спокойнее.

И даже немного смешнее.

Рэн завернул Аканэ в большое полотенце почти целиком.

Она посмотрела вниз.

— Я похожа на рулет.

— Зато не замерзнешь.

— Где ты вообще взял полотенце такого размера?

— Купил давно.

— Для чего?

— Чтобы вытираться.

— Курода, оно способно укрыть небольшую машину.

— Практично.

Аканэ тихо фыркнула.

Рэн взял второе полотенце и начал вытирать ей волосы.

— Я сама.

— Знаю.

— Тогда почему делаешь?

— Хочу.

Она замолчала.

Рэн осторожно промакивал длинные медно-красные пряди.

Вода стекала по их концам на полотенце.

— Ты сегодня всё время такой, — сказала Аканэ.

— Какой?

— Будто пытаешься обо мне заботиться за все девять месяцев сразу.

Его руки остановились.

— Возможно.

Она повернулась.

— Курода.

— Что?

— Не нужно наверстывать.

— Я знаю.

— Ты вернулся.

Аканэ положила ладонь ему на грудь.

— Этого достаточно.

Рэн посмотрел на неё.

— Хорошо.

Она улыбнулась.

— А теперь дай полотенце. Ты только запутаешь волосы.

— Наконец-то мне доверяют.

— Никогда.

Аканэ забрала полотенце.

Рэн отошел к раковине.

Именно тогда она увидела.

Сначала просто светлую линию.

Небольшую.

Между рёбрами сбоку.

На расстоянии её почти не было заметно.

Но сейчас Рэн стоял достаточно близко.

Аканэ нахмурилась.

— Курода.

— М-м?

— Что это?

Он посмотрел на неё.

— Что?

Она указала.

— Шрам.

Рэн замер.

Совсем ненадолго.

Но Аканэ уже научилась замечать такие паузы.

— Откуда он?

— Старый.

— Я вижу.

Она подошла ближе.

— До отъезда его не было.

Рэн ничего не ответил.

Аканэ посмотрела на шрам внимательнее.

Он находился между рёбрами.

Слишком ровный для случайной царапины.

Слишком глубокий, судя по следу.

— Курода.

— Тачибана...

— Это нож?

Тишина.

Она подняла глаза.

— Тебя ударили ножом?

Рэн отвернулся.

Ответ был получен.

— Когда?

— В июне.

— В июне?!

Аканэ замерла.

— Ты уехал к бабушке в июне.

— Да.

— Почти сразу после приезда?

Рэн кивнул.

Она смотрела на него так, будто видела впервые.

— Почему ты ничего не сказал?

— Не мог.

— Девять месяцев?

— Тачибана.

— Ты чуть не умер?

— Нет.

— Не ври.

Рэн глубоко вдохнул.

Он знал, что этот разговор когда-нибудь произойдёт.

Просто не ожидал, что сегодня.

После такого вечера.

После того, как она впервые полностью доверилась ему.

Продолжать лгать сейчас было почти невозможно.

Но рассказать всё он тоже не мог.

— Сядем? — спросил он.

Аканэ сразу стала серьезнее.

— Да.

Они вернулись в спальню.

Аканэ переоделась в одну из старых футболок Рэна, которую он нашёл в шкафу. Когда-то она была ему почти впору, теперь он сам в неё едва бы поместился, но на Аканэ футболка всё равно выглядела огромной и доходила почти до середины бёдер.

Медно-красные волосы после душа оставались влажными и свободно лежали на плечах.

Кулон она снова надела.

Рэн переоделся в простые домашние брюки и темную футболку.

Они сели на кровати друг напротив друга.

Аканэ подтянула колени к груди.

— Рассказывай.

Рэн несколько секунд молчал.

— Я приехал к деду летом.

— Это знаю.

— Через несколько дней вечером услышал крик.

Аканэ перестала двигаться.

— Женский.

Он смотрел на собственные руки.

— Пошёл посмотреть.

В памяти снова возник переулочок.

Грязный асфальт.

Три силуэта.

Испуганное лицо.

— Там были трое мужчин.

Аканэ медленно опустила ноги.

— И девушка.

Рэн кивнул.

— Они держали её.

Комната будто стала холоднее.

— Я попытался вмешаться.

— Один?

— Да.

— Против троих?

— Да.

Аканэ закрыла глаза.

— Конечно.

Рэн посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Просто это очень на тебя похоже.

Он не понял, комплимент это или упрёк.

Наверное, и то и другое.

— Я тогда не умел драться.

— Совсем?

— Почти.

Аканэ знала.

Прежний Курода мог получить синяк, просто слишком

резко столкнувшись с дверью.

— Сначала получилось застать их врасплох, — продолжил Рэн. — Но ненадолго.

Он сделал паузу.

— Один достал нож.

Аканэ посмотрела на его бок.

— И ударил.

— Да.

Ее пальцы сжались.

— Что было потом?

Перед глазами Рэна мелькнули обрывки.

Удар.

Боль.

Колени на земле.

Чьи-то ботинки.

Голос девушки.

Собственная кровь.

Он проглотил тяжелый ком в горле.

— Я потерял сознание.

— А девушка?

Вот оно.

Самая тяжёлая часть.

Рэн закрыл глаза.

— Она выжила в ту ночь.

Аканэ медленно выдохнула.

Рэн не продолжал.

Она поняла.

— В ту ночь?

Он кивнул.

— Через три дня она...

Голос впервые подвел.

Рэн сжал руки.

— Покончила с собой.

Тишина.

Аканэ побледнела.

— О господи.

Рэн смотрел в пол.

— Я не смог её спасти.

— Курода...

— Если бы я был сильнее...

— Нет.

Он поднял взгляд.

Аканэ уже придвинулась ближе.

— Не надо.

— Это правда.

— Нет.

— Я лежал на земле, пока...

— Тебя ударили ножом.

— Потому что я был слабым.

— Потому что против тебя были трое.

— Я должен был...

— Ты ничего не должен был.

Рэн замолчал.

Аканэ смотрела на него почти сердито.

— Ты услышал крик незнакомой девушки и пошел один против троих мужчин.

— И проиграл.

— И чуть не погиб.

— Но она всё равно...

Он остановился.

Лицо девушки снова возникло перед глазами.

Как каждую ночь.

— Она смотрела на меня.

Аканэ больше не спорила.

— Когда?

— Потом.

— Ты видел ее после?

Рэн покачал головой.

— Во сне.

Теперь всё стало ясно.

Сигареты.

Тренировки.

Его странная реакция на резкие движения.

Ночные пробуждения.

Все маленькие детали, которые Аканэ замечала с момента возвращения, внезапно сложились в одну картину.

— Тебе снятся кошмары, — тихо сказала она.

Не вопрос.

Рэн кивнул.

— Часто?

— Раньше почти каждую ночь.

— А сейчас?

Он посмотрел на неё.

— Реже.

Аканэ медленно протянула руку и коснулась его пальцев.

— Почему начал курить?

Рэн не ответил сразу.

Потом усмехнулся без веселья.

— Догадалась?

— Теперь да.

— Через несколько дней после ее смерти.

— Помогало?

— Нет.

Он посмотрел на свою ладонь.

— Но когда куришь, приходится следить за дыханием. На несколько минут это отвлекало.

Аканэ сжала его руку.

— А тренировки?

— После этого же.

— Чтобы подобное не повторилось?

— Да.

Она долго молчала.

— Ты поэтому так изменился.

— В основном.

Аканэ подняла глаза.

— Почему не рассказал мне тогда?

Рэн почувствовал, как внутри снова поднимается защита.

Поместье.

Гэндзо.

Клан.

Казнь.

Он мог рассказать только половину.

— Я не хотел, чтобы ты знала.

— Почему?

— Потому что...

Он искал правду, которую можно сказать, не раскрывая
остального.

— Мне было стыдно.

Аканэ нахмурилась.

— Чего?

— Что не смог.

— Курода.

— Я знаю, как это звучит.

— Нет, не знаешь.

Она приблизилась ещё.

— Ты правда думал, что я посмотрю на тебя и скажу: «Ка-
кой позор, тебя ударили ножом, пока ты пытался спасти че-
ловека»?

— Нет.

— Тогда почему?

Рэн молчал.

Истинный ответ был глубже.

Потому что любое упоминание нападения немедленно приводило к Гэндзо.

К людям клана.

К тому, что произошло потом.

Аканэ изучала его лицо.

— Там есть ещё что-то.

Рэн почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— Тачибана.

— Я не прошу рассказывать.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Но вижу.

Она провела большим пальцем по его костяшкам.

— Ты рассказал не всё.

— Да.

— Это связано с дедушкой?

Долгая пауза.

Рэн не ответил.

Но Аканэ и не требовала.

— Хорошо, — сказала она.

— Ты не сердишься?

— Сержусь.

— Понятно.

— Очень.

Она посмотрела на него.

— Но не сегодня.

Рэн не ожидал такого ответа.

— Почему?

— Потому что сегодня ты впервые рассказал мне то, что действительно причиняет тебе боль.

Её голос стал мягче.

— И если я сейчас превращу это в допрос, в следующий раз ты снова будешь молчать девять месяцев.

Рэн опустил взгляд.

— Возможно.

— Поэтому остальное расскажешь сам.

Он хотел сказать, что, возможно, не сможет.

Но промолчал.

Аканэ поняла и это.

— А те трое? — спросила она через некоторое время.

Рэн почувствовал, как внутри всё напряглось.

Вот здесь начиналась ложь.

Не та безобидная ложь про больного дедушку.

Настоящая.

— Их нашли.

Это было правдой.

— Полиция?

Рэн выдержал короткую паузу.

— Да.

Ложь.

Аканэ облегченно выдохнула.

— Их посадили?

Перед глазами Рэна появился внутренний двор поместья.

Трое мужчин на коленях.

Гэндзо в белом хаори.

Люди клана вокруг.

И голос деда:

Ты не смог защитить её.

Тогда смотри, что происходит с теми, кто трогает нашу семью.

Рэн помнил каждый звук.

Каждый удар.

Каждый крик.

— Они больше никого не тронут, — сказал он.

Аканэ восприняла это именно так, как он рассчитывал.

— Хорошо.

Рэн почувствовал себя отвратительно.

Она только что доверилась ему полностью.

А он снова соврал.

Аканэ заметила перемену в его лице.

— Курода?

— Всё нормально.

Она сразу нахмурилась.

— Опять.

— Что?

— Эта фраза.

Рэн закрыл глаза.

— Прости.

— Не извиняйся автоматически.

— Тогда что делать?

Аканэ задумалась.

Потом неожиданно забралась ближе и обняла его.

Просто обняла.

Без слов.

Рэн замер.

Ее голова легла ему на плечо.

Руки обхватили спину.

Он медленно ответил на объятие.

— Вот это, — сказала Аканэ.

— Что?

— Иногда можно просто делать так.

Рэн закрыл глаза.

Они просидели так долго.

Аканэ не пыталась убедить его, что он ни в чём не виноват.

Не говорила, что всё прошло.

Не обещала, что кошмары исчезнут.

Она просто оставалась рядом.

И почему-то это помогало сильнее любых слов.

— Тачибана.

— М-м?

— Я никогда никому этого не рассказывал.

Она немного отстранилась.

— Вообще?

— Нет.

— Даже родителям?

— Нет.

— Дедушка знает?

Рэн усмехнулся.

— Он знает почти всё.

Она заметила странную интонацию.

Но снова не спросила.

— Тогда спасибо.

— За что?

— Что рассказал мне.

Рэн смотрел на неё.

— Ты должна была узнать раньше.

— Возможно.

— Я должен был сказать.

— Возможно.

— Ты сердишься.

— Я уже говорила.

— Тогда почему...

Аканэ вздохнула.

— Курода, можно одновременно сердиться на человека и любить его.

Он замолчал.

Она улыбнулась.

— Иногда даже очень удобно.

— Буду знать.

— Запоминай.

Рэн провёл ладонью по её волосам.

Они почти высохли.

— Ты правда не боишься меня?

Аканэ удивилась.

— Почему я должна?

— Я изменился.

— Это я заметила.

— Нет.

Он посмотрел на свои руки.

— Я умею делать вещи, которых раньше не умел.

— Драться?

— Да.

— Это должно меня пугать?

Рэн не ответил.

Аканэ взяла его ладонь.

Перевернула.

Провела пальцами по старым мозолям и небольшим шрамам.

— Эти руки сегодня полчаса пытались аккуратно высушить мои волосы.

Рэн смотрел на неё.

— И купили мне кулон.

Она подняла зеленый камень.

— И отдавали клубнику ещё задолго до всех этих мышц.

Уголок его губ дрогнул.

— Ты опять про клубнику.

— Это важный показатель характера.

— Очень научно.

— Я дизайнер.

— Не учёный.

— Не придирайся.

Рэн тихо рассмеялся.

Аканэ улыбнулась.

— Вот.

— Что?

— Этот человек мне знаком.

Он снова стал серьёзнее.

— А если однажды окажется, что ты знаешь обо мне не всё?

Она несколько секунд смотрела ему в глаза.

— Это уже так.

— И?

— Я не требую, чтобы ты рассказал всю жизнь за четыре дня.

Рэн замер.

Четыре дня.

Он вернулся только тридцатого марта.

Казалось, прошло гораздо больше.

— Но есть условие, — сказала Аканэ.

— Какое?

— Когда будешь готов рассказать — Расскажи правду.
Эти слова ударили слишком точно.

Рэн вспомнил только что произнесенное:

Полиция.

Он отвел глаза.

— Хорошо.

Ещё одна ложь?

Он сам уже не знал.

Аканэ коснулась его щеки.

— Курода.

— Да?

— Сегодня я тебе верю.

Рэн закрыл глаза.

И именно от этих слов стало тяжелее всего.

Было почти полпервого ночи.

Аканэ лежала в его футболке под одеялом и уже едва держала глаза открытыми.

Рэн выключил большую лампу.

Оставил только небольшой ночник.

— Ты точно не хочешь домой? — спросил он.

— Курода.

— Что?

— Половина первого.

— Я могу проводить.

— А потом вернёшься один?

— Да.

— Нет.

Она приподняла край одеяла.

— Ложись.

Рэн посмотрел.

— Это приказ?

— Да.

— От девушки?

— Да.

— У меня теперь много начальников.

— Привыкай.

Он лёг рядом.

Аканэ сразу придвинулась ближе.

Голова снова оказалась у него на плече.

На этот раз намеренно.

— Удобно? — спросил Рэн.

— Очень.

— Рука опять немеет.

— Вторая есть.

— Хороший аргумент.

Она тихо усмехнулась.

Через несколько минут дыхание Аканэ начало становиться ровнее.

Рэн думал, что она уснула.

Но внезапно услышал:

— Курода.

— Да?

— Если кошмар приснится...

Она говорила уже почти сквозь сон.

— Разбуди меня.

Рэн повернул голову.

— Зачем?

— Не знаю.

Пауза.

— Что-нибудь придумаем.

Её глаза закрылись.

Рэн долго смотрел в темноту.

Сегодня он впервые рассказал Аканэ о девушке.

О ноже.

О страхе.

О вине.

И снова солгал ей о той части своей жизни, которая действительно могла однажды разрушить всё между ними.

Теперь он впервые так ясно чувствовал вес этой лжи.

Он не знал, что окажется сильнее.

Но сейчас её пальцы всё ещё держались за край его футболки.

И Рэн позволил себе просто остаться рядом.

Без клана.

Без Гэндзо.

Без будущего.

Хотя бы до утра.

Глава 10. Ключ

4 апреля

Аканэ проснулась не сразу.

Сначала она просто почувствовала тепло.

Не солнечное.

Не от одеяла.

Живое.

Ровное.

Под щекой медленно поднималась и опускалась грудь

Рэна.

Несколько секунд она лежала с закрытыми глазами, ещё не до конца понимая, где находится. Потом услышала размеренный стук сердца.

И всё вспомнила.

Свечи.

Кулон.

Поцелуи.

Спальню.

Шрам.

Разговор после душа.

Ночь.

Аканэ открыла глаза.

Первое, что увидела, — тёмная ткань футболки прямо перед лицом.

Она всё ещё была одета в одну из старых футболок Рэна. На нем самом были свободные темные домашние брюки и простая футболка. За ночь его чёрные волосы окончательно растрепались и теперь беспорядочно падали на лоб, делая лицо немного мягче обычного.

Даже так изменения последних девяти месяцев никуда не исчезали.

Широкие плечи.

Сильная шея.

Чёткая линия челюсти.

Только сейчас, во сне, исчез тот постоянный внутренний контроль, который Аканэ всё чаще замечала в его движениях.

Он выглядел спокойным.

По-настоящему.

Аканэ несколько секунд просто смотрела.

Потом осторожно подняла голову.

Рэн открыл глаза.

— Доброе утро.

Она замерла.

— Ты не спал?

— Теперь уже нет.

— Давно проснулся?

— Минут десять.

Аканэ посмотрела на своё положение.

Одна рука лежала у него на груди.

Нога была закинута поверх его ноги.

А сама она занимала значительно больше половины кровати.

— И молчал?

— Ты спала.

— Опять.

— Что опять?

— Позволил мне лежать на тебе.

— Мне удобно.

— Врёшь.

— Немного.

Она попыталась отодвинуться.

Рэн обнял её за талию.

Аканэ остановилась.

— Курода.

— М-м?

— Ты сейчас меня не отпускаешь?

— Похоже.

— А если мне нужно встать?

— Нужно?

Она задумалась.

— Нет.

— Тогда проблема решена.

Аканэ снова положила голову ему на грудь.

Несколько секунд в комнате было тихо.

Через шторы пробивался мягкий утренний свет. За окном

уже слышались машины, хотя субботний город просыпался значительно медленнее обычного.

Аканэ провела пальцем по ткани его футболки.

— Который час?

Рэн потянулся к телефону.

— Восемь двадцать три.

— Серьёзно?

— Да.

— Я обычно в субботу сплю дольше.

— Можешь продолжить.

— Уже проснулась.

Она зевнула.

— Хотя предложение хорошее.

Рэн положил телефон обратно.

Аканэ снова закрыла глаза.

Минуту никто не говорил.

Потом она тихо спросила:

— Тебе снилось?

Рэн понял сразу.

— Нет.

— Совсем?

— Сегодня нет.

Аканэ приподнялась.

— Правда?

— Да.

Она улыбнулась.

Не победно.

Просто обрадованно.

— Хорошо.

Рэн посмотрел на неё.

— Может, ты действительно работаешь лучше сигарет.

— «Может»?

— Нужны дополнительные исследования.

Аканэ прищурилась.

— Курода.

— Что?

— Очень опасная формулировка.

— Почему?

Она придвинулась немного ближе.

— Потому что я могу захотеть помочь с исследованиями.

Рэн замолчал.

Аканэ несколько секунд сохраняла невинное выражение.

Потом первой засмеялась.

— Вот теперь проснулся.

— Ты начала.

— Я просто научно заинтересована.

— Дизайнер.

— Это универсальная профессия.

Рэн покачал головой.

Аканэ снова устроилась рядом.

Ее пальцы случайно коснулись зелёного камня у основания шеи.

Кулон всё ещё был на ней.

— Не сняла, — заметил Рэн.

— Я же сказала.

— Спала с ним.

— И?

— Не мешал?

— Нет.

Она подняла камень и посмотрела на него.

Утренний свет сделал зелёный оттенок значительно светлее.

— Он красивый.

— Ты уже говорила.

— Могу повторять.

— Тогда продолжай.

Аканэ посмотрела на него.

— Ты красивый.

Рэн моргнул.

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Что?

— Ничего.

— Вчера ты прекрасно говорил комплименты.

— Я не ожидал.

— Вот и почувствуй.

Рэн провёл рукой по волосам.

— Спасибо.

— Неплохо.

— Что?

— Раньше ты бы уже искал, куда спрятаться.

— Я всё ещё могу накрыться одеялом.

— Попробуй.

Он действительно потянул одеяло вверх.

Аканэ схватила край.

Началась короткая борьба.

Продлилась примерно три секунды.

После чего она поняла очевидное.

— Нечестно!

Рэн удерживал одеяло одной рукой.

— Что именно?

— Ты сильнее.

— Это не я придумал правила.

— До отъезда я бы победила.

— До отъезда ты действительно постоянно этим пользо-
валась.

— Потому что могла.

Аканэ попыталась потянуть сильнее.

Рэн отпустил.

Она от неожиданности откинулась назад.

— Курода!

Он рассмеялся.

Аканэ схватила подушку.

— Даже не думай.

— Поздно.

Подушка ударила его в лицо.

Через десять минут кровать выглядела так, будто на ней произошла небольшая война.

Подушки лежали на полу.

Одеяло наполовину свисало с края.

Аканэ сидела посреди этого хаоса, тяжело дыша и удерживая последнюю подушку перед собой как щит.

Рэн стоял возле кровати.

— Сдаешься?

— Никогда.

— Тачибана.

— Что?

— У тебя одно оружие.

Она крепче сжала подушку.

— Этого достаточно.

Рэн сделал шаг.

— Не подходи.

Ещё один.

— Курода.

Он остановился прямо перед ней.

Аканэ замахнулась.

Рэн перехватил подушку.

— Предсказуемо.

— Отдай.

— Нет.

Она потянула.

Он не сдвинулся.

Аканэ резко отпустила подушку и вместо неё схватила Рэна за руку.

Потянула на себя.

Разумеется, сдвинуть его она не смогла.

Но Рэн сам подался вперёд.

Аканэ поняла это слишком поздно.

Он оказался над ней, упираясь руками в матрас по обе стороны.

Она замерла.

Утренняя шутка мгновенно стала чем-то другим.

Лица находились совсем близко.

Аканэ смотрела ему в глаза.

— Ты поддался, — тихо сказала она.

— Конечно.

— Я знала.

— Разумеется.

— Мог хотя бы сделать вид убедительнее.

— В следующий раз.

Её руки всё ещё лежали у него на предплечьях.

Рэн опустил взгляд на губы Аканэ.

Она заметила.

— Курода.

— Да?

— Доброе утро нормально сказать забыл.

— Я сказал.

— Недостаточно убедительно.

Он понял намёк.

И поцеловал её.

Аканэ ответила сразу.

Сейчас всё было иначе, чем вчера.

Меньше осторожности.

Меньше страха сделать что-то неправильно.

Но намного больше той близости, которая появилась за одну ночь.

Рэн первым отстранился.

— Завтрак.

Аканэ открыла глаза.

— Что?

— Нужно поесть.

Она несколько секунд смотрела на него.

— Это твой способ сбежать?

— Сегодня нет.

— Уверен?

— Очень.

Он поцеловал её ещё раз.

Коротко.

— Но сначала завтрак.

Аканэ вздохнула.

— Иногда ты ужасно практичный.

— Ты вчера сама сказала, что это полезно.

— Не помню.

— Я помню за двоих.

Она ткнула его пальцем в грудь.

— Это моя фраза.

— Теперь общая.

Через двадцать минут они встретились на кухне.

И впервые за это утро увидели друг друга уже полностью проснувшимися.

Аканэ оставила на себе большую футболку Рэна — тёмно-серую, с маленьким старым принтом возле груди. На ней она выглядела почти как короткое домашнее платье. Длинные медно-красные волосы после быстрого умывания она собрала в высокий небрежный хвост, но несколько прядей всё равно выбились возле лица. Макияжа не осталось совсем, и утренний образ резко отличался от вчерашнего черного платья: домашний, расслабленный и естественный.

Рэн переоделся в светлую простую футболку и темные спортивные штаны. Чёрные волосы он лишь пригладил мокрыми руками, поэтому они всё ещё лежали беспорядочно.

Аканэ остановилась у входа на кухню.

— Ты даже дома выглядишь иначе.

Рэн обернулся от холодильника.

— Чем вчера?

— Нет. Чем раньше.

— Опять мышцы?

— Не только.

Она подошла ближе.

— Раньше ты дома всегда ходил в огромных футболках.

— Они теперь маленькие.

— Вот именно.

Аканэ несколько секунд рассматривала его.

— Нужно сходить за одеждой.

— Ты уже говорила.

— Теперь вижу масштаб бедствия.

— Тебе не нравится моя одежда?

— Мне не нравится, что половина шкафа тебе больше не подходит.

— Выброшу.

— Даже не думай.

— Зачем тебе?

Она показала на футболку, в которой стояла.

— Очевидно же.

Рэн посмотрел.

— Ты хочешь забрать мои старые вещи?

— Они всё равно тебе малы.

— И что будешь с ними делать?

— Носить дома.

Он медленно улыбнулся.

— Понятно.

— Что?

— Ничего.

— Курода.

— Просто нравится идея.

Аканэ покраснела.

— Я имела в виду исключительно практичность.

— Разумеется.

— Завтрак готовь.

— Уже.

Рэн приготовил французские тосты.

Аканэ сидела на кухонной столешнице и наблюдала.

— Ты специально выбрал что-то сладкое?

— Почему?

— Вчера десерт так и остался на столе.

Рэн замер с лопаткой в руке.

Она невинно посмотрела.

— Совпадение?

— Тачибана.

— Что?

— Не начинай с утра.

— Уже девять.

— Всё ещё утро.

— Значит, после двенадцати можно?

Он посмотрел через плечо.

— Ты прекрасно себя чувствуешь.

— Очень.

Ответ был мгновенным.

Рэн улыбнулся.

— Рад.

Она стала серьёзнее.

— Правда.

— Я понял.

— Нет.

Аканэ спрыгнула со столешницы.

Подошла ближе.

— Я не жалею.

Он перестал переворачивать тост.

Несколько секунд смотрел на неё.

— Я тоже.

— Хорошо.

Она уже собиралась отойти.

Рэн взял её за руку.

— Тачибана.

— М-м?

— Спасибо за вчера.

— За что именно?

Он задумался.

— За доверие.

Улыбка Аканэ стала мягче.

— Тогда тебе тоже спасибо.

— За что?

— За то же самое.

Рэн почувствовал легкий укол вины.

Полиция.

Он всё ещё помнил собственную ложь.

Но сегодня не позволил ей разрушить момент.

— Садись, — сказал он. — Иначе всё сгорит.

— Теперь я виновата?

— Да.

— Удобно.

После завтрака Аканэ обнаружила коробку.

Небольшую.

Чёрную.

Она лежала на краю кухонной стойки.

— Ещё один подарок?

Рэн посмотрел.

— Это не подарок.

— Выглядит как подарок.

— Потому что упаковка.

— Что внутри?

— Открой.

Аканэ подозрительно взяла коробку.

— Только не говори, что опять кулон.

— Зачем тебе два?

— Не знаю. Вчера ты был слишком щедрый.

Она подняла крышку.

Внутри лежал ключ.

Обычный металлический ключ с небольшим чёрным кожаным брелоком.

Аканэ перестала улыбаться.

Несколько секунд просто смотрела.

Потом на Рэна.

— Курода.

— Да?

— Что это?

— Ключ.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Откуда?

Он оперся о столешницу.

— От квартиры.

Аканэ снова посмотрела на ключ.

— Твоей?

— Нет, соседской.

Она подняла глаза.

— Сейчас не время.

— Моей.

Тишина.

— Зачем он мне?

Рэн будто удивился вопросу.

— Чтобы заходить.

— Когда?

— Когда хочешь.

Аканэ не двигалась.

Он продолжил:

— Чтобы тебе не нужно было ждать у двери. Или писать, дома ли я. Если захочешь прийти раньше.

— Курода.

— Что?

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Да.

— Мы встречаемся третий день.

— Знаю.

— Вчера впервые...

Она остановилась.

— Знаю.

— А сегодня даёшь ключ.

— Да.

Аканэ закрыла коробку.

Открыла снова.

Будто ключ мог исчезнуть.

— Ты сумасшедший.

— Возможно.

— Это очень быстро.

— Знаю.

— И всё равно?

— Всё равно.

Она посмотрела на него.

— Почему?

Рэн ответил сразу:

— Потому что ты и так всегда была здесь своей.

Аканэ замерла.

— Даже до отношений.

Он обвел взглядом квартиру.

— Ты знаешь, где чашки. Какой ящик заедает. Как включается кофемашина. Где лежит запасное одеяло.

Уголки её губ дрогнули.

— Ты даже знаешь пароль от Wi-Fi.

— Очень серьезный уровень доверия.

— Именно.

Рэн подошёл ближе.

— Только раньше тебе приходилось звонить.

Он взял ключ из коробки и положил ей на ладонь.

— Теперь не нужно.

Аканэ смотрела на металлический ключ.

Он был совершенно обычным.

И почему-то значил больше кулона.

— Курода.

— Да?

— Я не знаю, что сказать.

— Можешь сказать «спасибо».

Она подняла голову.

— Не порть момент.

— Хорошо.

Аканэ сжала ключ.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она молчала ещё некоторое время.

Потом спросила:

— Ты это вчера подготовил?

— Ключ?

— Да.

— Сделал копию ещё днём.

Аканэ медленно прищурилась.

— То есть до того, как я пришла.

— Да.

— Ты уже решил.

— Да.

— Сам.

— Да.

— Даже не спросив меня.

Рэн почувствовал приближающуюся опасность.

— Я не заставляю пользоваться.

— Дело не в этом.

Она снова посмотрела на ключ.

— Ты постоянно всё решаешь вперёд.

— Тачибана...

— Нет, я не злюсь.

— Выглядишь так, будто сейчас начнёшь.

— Я думаю.

Пауза.

— Это заразно.

Рэн улыбнулся.

Аканэ подбросила ключ на ладони.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Возьму.

Он расслабился.

— Но есть условие.

— Конечно.

— Если когда-нибудь захочешь, чтобы я сначала писала,

— скажешь.

— Не захочу.

— Курода.

— Хорошо. Скажу.

— И никаких «я решил, что так будет лучше».

Рэн сразу понял, о чём она.

Последние девять месяцев.

— Постараюсь.

Аканэ подняла бровь.

— Уже прогресс.

Она прицепила ключ к своей связке.

Рэн наблюдал.

На связке висели ключ от университетских апартаментов, маленький брелок в виде клубники и теперь новый черный кожаный брелок.

Аканэ покрутила связку на пальце.

— Теперь у меня два дома.

Фраза прозвучала шутливо.

Но Рэн посмотрел на неё внимательнее.

— Можешь сделать один.

Она перестала крутить ключи.

— Что?

Рэн уже понял, что сказал.

И всё равно продолжил.

— Переезжай ко мне.

Аканэ застыла.

— Курода.

— Не прямо сегодня.

— Хорошо, потому что я уже начала подозревать, что ты

потерял разум.

— Постепенно.

Она смотрела на него.

— У тебя есть свои апартаменты. Не нужно сразу отказываться от них.

— Тогда это не совсем переезд.

— Можешь оставлять вещи здесь. Иногда оставаться. Потом чаще.

Рэн пожал плечами.

— А дальше решишь сама.

Аканэ молчала.

Он почувствовал необходимость объяснить:

— Я не хочу торопить тебя.

— Ты дал ключ через сутки после первого поцелуя.

— Прошло больше.

— Это не помогает.

— Хорошо.

Она тихо рассмеялась.

Потом снова стала серьёзной.

— Ты правда хочешь, чтобы я жила здесь?

— Да.

— Почему?

Рэн посмотрел на неё так, будто ответ очевиден.

— Потому что мне нравится просыпаться рядом с тобой.

Аканэ покраснела.

— И?

— Потому что квартира слишком большая.

— Это уже менее романтично.

— Ты просила причины.

— Продолжай.

Он задумался.

— Мне нравится, когда твои вещи лежат здесь.

Её взгляд стал мягче.

— Какие вещи?

— Сейчас твоя сумка в прихожей.

— Очень убедительно.

— В ванной твой шампунь.

— Я принесла маленький флакон.

— На диване твоя заколка.

Аканэ машинально коснулась волос.

— Правда?

— Да.

— Я искала её.

— И моя футболка теперь тоже твоя.

Она посмотрела вниз.

— Это уже решено.

— Вот видишь.

Рэн подошёл ближе.

— Для тебя здесь всегда есть место.

Аканэ перестала улыбаться.

Её глаза чуть блеснули.

— Не говори такие вещи так спокойно.

— Почему?

— Потому что я не успеваю защищаться.

— От чего?

— От тебя.

Он улыбнулся.

— Переедешь?

Она посмотрела вокруг.

Эта квартира всегда казалась квартирой Куроды.

Слишком просторной для одного человека.

Аккуратной.

Тихой.

Немного пустой.

Аканэ бывала здесь сотни раз.

Но впервые представила свои книги на полке.

Одежду в шкафу.

Косметику в ванной.

Собственную кружку на кухне.

Возвращение после занятий не в маленькую студенческую квартиру.

А сюда.

К нему.

— Не сразу, — сказала она.

— Хорошо.

— Мои апартаменты пока остаются.

— Конечно.

— И я не собираюсь завтра тащить сюда весь шкаф.

— Жаль.

— Почему?

— Хотел посмотреть, сколько одежды у дизайнера.

— Ты пожалеешь.

— Возможно.

Аканэ подошла ближе.

— Но...

Она взяла его за руку.

— Я попробую.

Рэн несколько секунд смотрел на неё.

— Правда?

— Да.

— Тогда...

— Только не вставай на колени.

Он рассмеялся.

— Даже не собирался.

— Теперь никогда нельзя быть уверенной.

День прошёл слишком быстро.

Они никуда не торопились.

Аканэ написала в университетскую группу, отказалась от предложения подруг сходить по магазинам и осталась у Рэна.

Они убрали последствия вчерашнего ужина.

Потом нашли забытый клубничный мусс.

Аканэ съела его почти полностью и заявила, что это компенсация за вчерашний стресс.

Около полудня она вернулась в спальню за телефоном и

нашла на полу своё чёрное платье.

Несколько секунд смотрела.

Потом быстро подняла и аккуратно сложила на стул.

Рэн появился в дверях.

— Что?

— Ничего.

— Ты покраснела.

— Уходи.

— Это моя спальня.

— Уже почти наша.

Рэн замолчал.

Аканэ тоже.

Потом медленно улыбнулась.

— Привыкай.

Около двух часов она всё-таки переоделась.

Возвращаться в вечернее платье ради обычного субботнего дня ей не хотелось, поэтому Аканэ осталась в одежде Рэна: свободной тёмной футболке, доходящей почти до середины бёдер. Из собственных вещей она надела только тонкие носки.

Медно-красные волосы высохли естественно и теперь свободными волнами лежали на спине, а зелёный кулон остался единственным украшением.

Рэн посмотрел на неё, когда она вошла в гостиную.

— Что?

— Ничего.

— Уже знаю этот взгляд.

— Какой?

— Тебе нравится видеть меня в своей одежде.

Он спокойно ответил:

— Да.

Аканэ остановилась.

Она явно ожидала отрицания.

— Ты мог хотя бы смутиться.

— Зачем?

— Для приличия.

Рэн сидел на диване в домашних шортах и светлой футболке. Чёрные волосы немного растрепались, потому что он несколько раз проводил по ним рукой во время уборки.

— Тачибана.

— Что?

— Иди сюда.

Она подошла.

Рэн потянул её за руку.

Аканэ села рядом.

Слишком близко.

— Вот так?

— Почти.

Он обнял её.

Аканэ устроилась боком, положив голову ему на плечо.

— Ты сегодня особенно липкий.

— Не нравится?

— Я не сказала.

— Значит, нравится.

— Самоуверенный.

— Третий день отношений.

— Быстро учишься.

Они включили фильм.

Какой именно — через пятнадцать минут уже никто не знал.

Аканэ первой поцеловала его.

Без особенной причины.

Просто потому, что захотела.

Рэн ответил.

Потом она усмехнулась прямо во время поцелуя.

— Что? — спросил он.

— Вспомнила первую ночь у меня.

— С дождём?

— Да.

— Что именно?

— Как ты сидел на самом краю дивана, чтобы случайно меня не коснуться.

Рэн посмотрел на их нынешнее положение.

— Времена меняются.

— Очень быстро.

— Жалеешь?

— Нет.

Она обняла его за шею.

— Совсем.

Поцелуй продолжился.

Теперь они уже не нервничали так, как вчера вечером.

Не было ощущения, что каждое движение требует отдельного решения.

Они знали друг друга чуть лучше.

Не намного.

Но достаточно.

Фильм продолжал идти на фоне.

Через некоторое время Аканэ уже лежала на диване, а Рэн оказался рядом.

Она посмотрела на него.

— Курода.

— Что?

— Помнишь про «медленно»?

— Да.

— Хорошо.

Она сама притянула его обратно.

Позже Аканэ лежала, прикрыв глаза.

Футболка Рэна снова была на ней, но больше ничего из одежды она надевать не стала. Рэн накрыл её ноги мягким пледом.

Сам он натянул домашние шорты и сел рядом.

Аканэ медленно повернула голову.

— Я теперь окончательно никуда не пойду.

— Почему?

- Ноги не работают.
- Преувеличиваешь.
- Хочешь проверить?
- Каким образом?
- Принеси воды.

Рэн посмотрел на неё.

- Вот оно.
- Что?
- Настоящая причина отношений.
- Обслуживание.
- Так и думал.
- И клубника.

Он поднялся.

- Вода без клубники.
- Тогда чай.
- Определись.

Аканэ вытянула из-под пледа одну ногу и слегка толкнула его ступнёй.

- Воду.
- Понял.

Рэн направился на кухню.

Аканэ смотрела ему вслед.

На губах всё ещё оставалась удовлетворенная улыбка.

Она коснулась кулона.

Потом посмотрела на связку ключей, лежавшую на столе.

Ключ от его квартиры теперь был рядом с клубничным

брелоком.

Странно.

Ещё неделю назад Курода находился неизвестно где.

Теперь она лежала на его диване в его футболке, с его ключом и кулоном от него на шее.

Жизнь иногда двигалась слишком быстро.

Но впервые Аканэ не хотела её останавливать.

Рэн вернулся с водой.

— Держи.

— Спасибо.

Она села, плотнее натягивая плед на ноги.

Сделала несколько глотков.

— Курода.

— М-м?

— Сегодня хороший день.

Рэн сел рядом.

— Ещё даже не закончился.

— Тем более.

Она положила голову ему на плечо.

В этот момент раздался дверной звонок.

Оба подняли головы.

Аканэ посмотрела на часы.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

Звонок повторился.

Длиннее.

Рэн нахмурился.

— Может, доставка?

— Ничего не заказывал.

Третий звонок.

Почти сразу четвёртый.

Аканэ посмотрела на него.

— Кто-то очень настойчивый.

Рэн встал.

— Оставайся здесь.

Она подняла бровь.

— Курода, это дверь, не вооружённое нападение.

Он замер.

Старая привычка.

— Знаю.

— Тогда не делай такое лицо.

Рэн посмотрел в сторону прихожей.

Ни сообщения.

Ни звонка на телефон.

Кто бы ни стоял за дверью, он просто продолжал нажимать кнопку.

Снова.

Рэн поправил домашние шорты.

Футболку после того, что произошло на диване, он так и не надел.

Аканэ проводила его взглядом.

— Ты хотя бы футболку надень.

— Сейчас.

Звонок.

— Или нет.

Она вздохнула и укрыла ноги пледом ещё выше.

— Если это соседка, она запомнит тебя навсегда.

Рэн подошёл к двери.

Что-то внутри уже говорило, что там не соседка.

Он посмотрел в глазок.

И замер.

— Чёрт.

Аканэ услышала.

— Кто там?

Рэн не ответил.

За дверью раздался спокойный мужской голос:

— Молодой господин. Я прекрасно слышу, что вы стоите с другой стороны.

Аканэ нахмурилась.

Молодой господин?

Она посмотрела на Рэна.

Тот закрыл глаза.

— Только не сегодня.

— Кто это? — повторила она.

Рэн медленно взялся за ручку.

— Человек от деда.

Аканэ сразу стала внимательнее.

— Того самого?

— Да.

— Семейный бизнес?

Рэн на секунду замер.

— В каком-то смысле.

Звонок прозвучал ещё раз прямо под его рукой.

Рэн распахнул дверь.

— Хватит звонить.

На пороге стоял мужчина, которого Аканэ никогда раньше не видела.

На первый взгляд ему было около двадцати семи.

Высокий.

Стройный, но очевидно тренированный.

На нём сидел безупречно скроенный черный костюм, белая рубашка и узкий темный галстук. Даже в субботу днём он выглядел так, словно только что вышел с важной деловой встречи.

Короткие чёрные волосы были аккуратно уложены, однако из-под основной массы волос за спиной спускался необычный тонкий длинный хвост, достигающий почти до талии.

На руках — чёрные тканевые перчатки.

На лице — тонкие прямоугольные очки.

Но сильнее всего выделялись глаза.

Красные.

Не карие с красноватым оттенком.

Не темные.

Именно глубокие красные глаза, смотревшие спокойно и почти лениво.

Кайто Синдзё.

Личный помощник Гэндзо.

Его правая рука.

Человек, которого в определённых кругах называли Чёрной молнией.

И единственный человек из мира клана, который позволял себе разговаривать с Рэном так, будто перед ним не наследник Курода, а младший брат, который снова умудрился попасть в неприятности.

Кайто медленно опустил взгляд.

На босого Рэна.

На его голый торс.

Потом посмотрел поверх его плеча.

В гостиную.

На диван.

На Аканэ.

Она сидела в огромной мужской футболке, прикрыв ноги пледом. Медно-красные волосы были растрепаны, щёки всё ещё слегка розовели, а на шее блестел незнакомый Кайто зелёный кулон.

Красные глаза за очками едва заметно расширились.

Тишина.

Рэн почувствовал приближение катастрофы.

— Не начинай.

Кайто снова посмотрел на него.

Затем на Аканэ.

И опять на Рэна.

Очень медленно уголок его губ поднялся.

— Молодой господин.

— Кайто.

— Я вижу, ваше возвращение в Хосикаву проходит...

Он сделал паузу.

Рэн прищурился.

Кайто закончил:

— Продуктивно.

— Уходи.

— Я только приехал.

— Тогда уезжай.

Аканэ сидела на диване и пыталась понять, что происходит.

Она впервые видела человека, который называл Куроду молодым господином.

Но ещё страннее было другое.

Рэн не выглядел перед ним ни робким, ни настороженным.

Он выглядел раздраженным.

Почти по-семейному.

Кайто перевёл внимание на Аканэ.

И неожиданно глубоко склонил голову.

— Прошу простить мое вторжение.

Аканэ растерялась.

— А... ничего.

— Кайто.

— Да, молодой господин?

— Не разговаривай с ней.

— Это несколько невежливо.

— Мне всё равно.

Аканэ прищурилась.

— Курода.

Он обернулся.

— Что?

— Впусти человека.

— Нет.

Кайто улыбнулся чуть шире.

— Она значительно разумнее вас.

— Кайто.

— Молчу.

Аканэ посмотрела на незнакомца.

Потом на Рэна.

Потом снова на Кайто.

И вдруг поняла одно.

Сегодняшний хороший день действительно ещё не закончился.

Но спокойная его часть — определённо да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.